

С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік
университетінің ғылыми-қоپшілік журналы

Научно-популярный журнал Павлодарского
государственного университета им. С. Торайгырова

2001 жылы құрылған
Основан в 2001 г.

С.Торайғыров атындағы
ПМУ-нің 50 жылдық
мерейтойына арналады

ӘЛКЕТАНУ

КРАЕВЕДЕНИЕ

3 2010

ӨЛКЕТАНУ - КРАЕВЕДЕНИЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о постановке на учет средства массовой информации

№ 2276-Ж

выдано Министерством культуры, информации и общественного согласия

Республики Казахстан

1 сентября 2001 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Арын Е.М., д-р экон. наук, проф. (главный редактор)
Акшиев А.А., д-р. ист. наук, доц. (зам. гл. редактора)
Рахимов Е.К. (отв. редактор);

Члены редакционной коллегии:

Абжанов Х.М., д.и.н., профессор;
Алдабергенов К.М., д.и.н., профессор;
Артықбаев Ж.О., д.и.н., профессор;
Арын Р.С., д.п.н., профессор;
Ахмеджанова Г.Б., к.ю.н., доцент;
Иксатова С.Т., к.ю.н., доцент;
Иренов Г.Н., д.п.н., профессор;
Кабульдинов З.Е., д.и.н., профессор;
Кадысова Р.Ж., д.и.н., профессор;
Мамытова С.Н., к.и.н., доцент;
Таштемханова Р.М., д.и.н., профессор;
Айтжанова Д.Н. (тех. редактор).

За достоверность материалов и рекламы ответственность несут авторы и рекламодатели.

Мнение авторов публикаций не всегда совпадает с мнением редакции.

Редакция оставляет за собой право на отклонение материалов.

Рукописи и дискецы не возвращаются.

При использовании материалов журнала ссылка на «Өлкетану - Краеведение» обязательна.

© ПГУ им.С.Торайгырова

МАЗМҰНЫ

КЛАССИКТЕР ҚАЗАҚ ХАЛҚЫ ТУРАЛЫ

Ә.А. ДИВАЕВ

Қазақтану бойынша материалдар.....9

ТАРИХ ФЫЛЫМЫНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРИ

Р.Ж. ҚАДЫСОВА

*Әлемдегі мәдени модернизациялау мәселелері
тарихнамалық таным обьектісі ретінде*.....13

С.Н. МАМЫТОВА

*XIX г. 2-ші жартасты мен XX г. басында Ертіс
өңірінің қазақстандық болігінде кәсіпкерлікпен айналысқан
орыс көпестері (революцияга дейінгі тарихи әдебиет
деректері бойынша)*.....25

Б.Ж. ЕЛМҰРАТОВА

Әйелдер (феминистік) қозғалысының қалыптасу тарихынан....35

Н. МҰСАБЕКОВА

*XIX гасырдың бірінші жартастындагы патша үкіметі
реформаларының қазақтардың аумақтық қатынастары мен
жерді дәстүрлі пайдалануына тигізген ықпалы*.....39

С.З. РАЗДЫҚОВ

Қазақстанды отарлау: идеологияның империялық аспектілері...46

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АНТРОПОЛОГИЯ: ЗЕРТТЕУЛЕР, ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

А.В. МАТВЕЕВ

*Омбы-Ертіс өңірі қазақтарының дәстүрлі
коши-қон мәдениеті*.....50

Ж.О. АРТЫҚБАЕВ

Ұлы Ертіс жағалаудындагы қимақ дәуірінің топонимдері.....67

ӨЛКЕТАНУ ЖАҢАЛЫҚТАРЫ

А.Ж. ЕРМАНОВ

*Ертіс өңірі қазақтарының патша дәуіріндегі
этникалық тарихы*.....79

А.М. БАЛТАБАЕВА

*Ұлы Отан согысы жылдарындагы
Семей облысының театр өнері*84

Л.И. СМОКОТИНА

*Г.Н. Потанин XIX г. соңы – XX г. басында сібірлік сауданың
дамуы үшін «отантану» мәселесінің маңызы жайлы*.....89

ШЕТЕЛ ӘРІПТЕСТЕРІМІЗДІҢ ЗЕРТТЕУЛЕРИ

В.П. ЗИНОВЬЕВ

У. ФИЕРМАН

- Элиталар және әліпбілдер. Қазақстандағы тіл мәселесінің
хал-ахуалы..... 111

ФОЛЬКЛОР. АУЫЗЕКІ ДӘСТҮРІ

Р.В. ГРИГОРЬЕВА

- Е. Бекмахановтың «XIX г. 20-40-жылдардағы Қазақстан»
зерттеуіндегі фольклорлық деректер 132

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИКИ О КАЗАХСКОМ НАРОДЕ

А.А. ДИВАЕВ

Материалы по казаховедению.....9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Р.Ж. КАДЫСОВА

*Проблемы социокультурной модернизации
как объект историографического познания*.....13

С.Н. МАМЫТОВА

*Русские предприниматели в Казахстанском Прииртышье
во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам
дореволюционной исторической литературы)*.....25

Б.Ж. ЕЛЬМУРАТОВА

Из истории зарождения феминистского движения.....35

Н. МУСАБЕКОВА

*Влияние реформ царского правительства на территориальные
отношения и традиционное землепользование казахов
в первой половине XIX века*.....39

С.З. РАЗДЫКОВ

Колонизация Казахстана: имперские аспекты идеологии.....46

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

А.В. МАТВЕЕВ

*Традиционная культура передвижения казахов
Омского Прииртышья*50

Ж.О. АРТЫКБАЕВ

Топонимы кимакской эпохи на берегах Великого Иртыша.....67

НОВОСТИ КРАЕВЕДЕНИЯ

А.Ж. ЕРМАНОВ

*Этническая история казахов Прииртышья
в эпоху царизма*.....79

А.М. БАЛТАБАЕВА

*Театральное искусство Семипалатинской области
в годы Великой Отечественной войны*84

Л.И. СМОКОТИНА

*Г.Н. Потанин о значении «Родиноведения»
в развитии сибирской торговли в конце XIX – начале XX в.*.....89

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ КОЛЛЕГ

В.П. ЗИНОВЬЕВ

*Экономические организации рабочих Сибири
во второй половине XIX – первые годы XX вв.*.....96
У. ФИЕРМАН

Элиты и алфавиты. Поворот языкового сдвига в Казахстане.....111

ФОЛЬКЛОР. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Р.В. ГРИГОРЬЕВА

*Фольклорные источники в исследовании Е. Бекмаханова
«Казахстан в 20 - 40 годы XIX века»* 132

CONTENTS

CLASSICS ABOUT KAZAKH PEOPLE

A.A. DIVAEV

Material on Kazakh knowledge.....9

ACTUAL PROBLEMS OF A HISTORICAL SCIENCE

R.ZH. KADYSOVA

*Problems socialkultur modernisations as object
of historiographic knowledge*.....13

S.N. MAMYTOVA

*Russian businessmen in Kazakhstan Priirtyshe in second half
XIX - the XX-th century H-beginning (on materials of the
pre-revolutionary historical literature)*.....25

B.ZH. ELMURATOVA

The history of formation feminist movement.....35

N.M. MUSABEKOVA

*The Czaric Government Influence on the Territory Relation and
Traditional Land Usage of Kazakhs in the first half of the 19th
century*.....39

S.Z. RASDYKOV

Colonisation of Kazakhstan: imperial aspects of ideology.....46

ETHNOLOGY, ETHNOGRAPHY AND ANTHROPOLOGY: RESEARCHES, METHODS AND APPROACHES

A.V. MATVEEV

*Traditional culture of movement of Kazakhs
of Omsk Priirtyshja*50

ZH.O. ARTYKBAYEV

Toponyms Kimak epoch on coast of Great Irtysh.....67

NEWS OF STUDY OF LOCAL LORE

A.ZH. YERMANOV

*Ethnic history of Kazakhs of Priirtyshja during
a tsarism epoch*.....79

A.M. BALTABAYEVA

*Theatrical art of Semipalatinsk area in days
of the Great Patriotic War*84

L.I. SMOKOTINA

*G.N.Potanin about value «motherland knowledge» in development of
the Siberian trade in the end of XIX - the beginning of XX centuries*.....89

RESEARCHES OF FOREIGN COLLEAGUES

V.P. ZYNOVYEV

*Ekonomicks organisation of workers of Siberia
in second half XIX - the first years XX centuries.....96*

U. FIERMAN

Elity and alphabets. Reversing language shift in Kazakhstan.....111

FOLKLORE, ORAL CREATIVITY

R.V. GRIGORIEVA

*Folklores sources in E.Bekmahanov's research «Kazakhstan
in 20 - 40 years XIX centuries»..... 132*

МАТЕРИАЛЫ ПО КАЗАХОВЕДЕНИЮ

Оқырмандар назарына аса көрнекті қазақ этнографы, өлкетануши, тарихи және фольклортануши Әбубекр Диваевтың алгаашқы ретт 1928 жылы жарық көрген, көпшілікке беймәлім мақаласын ұсынамыз.

We bring to attention of readers little-known article of the visible Kazakh ethnographer, the regional specialist, the historian, folk sheet Abubekr Divaev published for the first time in 1928.

В числе разносторонней деятельности бывшей Киргизской научной комиссии Туркестанской Республики со дня ее возникновения в 1920 г., была проделана одна весьма ценная в научном отношении работа. По инициативе Киргизской научной комиссии по распоряжению Наркомпроса были снаряжены две экспедиции в Джетысуйскую и Сыр-Дарьинскую области, в задачи коих входило главным образом собирание этнографического материала по особо составленной мною программе.

Экспедиции эти, пробыв в командировке 7—8 месяцев, представили в Наркомпрос колоссальный материал (При нацразмежевании Туркестана весь этот материал перешел Казахской Республике и ныне находится в распоряжении Научного Совета Казнаркомпроса. - Ред.), разборка, классификация и описание которого, при всей добросовестной работе, заняли у меня более одного года времени.

Материал, добытый в Джетысуйской области составил 68 тетрадей, количеством в 2500 страниц убористой рукописи на бумаге большого канцелярского формата и 461 название статей, вошедших в этот материал.

Материал представляет из себя следующее: свадебные ритуалы, похоронные обычаи, поминки (ас), траур (кара-салу), былины, поэмы, сказания, предания, легенды, заклинания, демонологические рассказы, сказки, басни, афоризмы, пословицы и поговорки в прозе и стихах, смехотворки, небылицы, скороговорки, загадки, песни любовные, нравоучительные, духовные, состязания в стихах импровизаторов—певцов (акынов), причитания по покойникам, сны и их толкования, приметы на все случаи в жизни, болезни и способы их лечения, баксы—как лекарь и колдун, его ближайшие помощники (давы, джинны, пери) и противники

КЛАССИКТЕР ҚАЗАҚ ХАЛҚЫ ТУРАЛЫ

(албасты, кара-албасты, марту, обр, бичура, уббе, жезтырнак), заклинатели арбауши, возврения казахов на небесные планеты, гром, молнию, падающие звезды, казахское летоисчисление с обозначением народных примет на каждое время года, казахское 12-тилетие по названиям животных— летоисчисление — мучель, казахское скотоводческое хозяйство, казахские мироеды (аткамнеры), предания о происхождении казахов, дунган, таранчей, ногаев, сказания о Чингизхане, Тимуре, Александре Македонском и ветхозаветных патриархах.

Далее следует материал по Сыр-Дарынской области. Он составил 72 тетради, количеством около 3000 страниц. В Сыр-Дарынских материалах также немало интересных вещей по разным вопросам из казахского быта.

Однако, подавляющее большинство этих материалов изложено в стихотворной форме и относятся к стихотворному и песенному творчеству, и, к сожалению, очень мало прозы и исторических сведений. Так что в этом отношении материалы по Джетысуйской области значительно интереснее и ценнее в научном смысле, нежели Сыр-Дарынские.

Затем, в первой половине 1923 г. Государственному Ученому Совету совершенно неожиданно посчастливилось приобрести этнографический материал, собранный в Джетысуйской области исключительно из киргизской жизни.

(При нацразмежевании Туркестана этот материал перешел в собственность Киргизской республики. - Ред.).

Этот новый материал, присланный мне для описи, заключается в восьми объемистых томах—стихотворной рукописи около 2000 страниц и озаглавлен: «Цветочки из Манас-батыра».

О Манас-батыре мне и ранее приходилось слышать как о былинном богатыре киргизов, а также и о том, что его поют певцы по одним сведениям четыре месяца, а по другим семь месяцев.

Былины обыкновенно поются под аккомпанемент домбы, вечерами в юрте, в присутствии множества народа и кончается пение к рассвету, для того, чтобы возобновить пение опять со следующего вечера. Мне лично пришлось обнародовать девять былин: пять с переводом на русский язык, а четыре только в тексте. Причем самой популярной и обширной (150 стр.) былиной я считал «Кобланды», которая переносит нас к домусульманской и началу мусульманской эпохи, т.е. к тому, периоду, когда казахи бросают свои старые традиции и отчитанное судьбою язычество, и воспринимают ислам. Такого размера былину, как Кобланды можно пропеть в три ночи, значит, каких же размеров должен быть Манас-батыр, если его поют 4—7 месяцев.

Но из дальнейших расспросов выяснилось, что под названием «Манас-батыр» воспевается вся киргизская жизнь и быт, в чем впрочем

КЛАССИКИ О КАЗАХСКОМ НАРОДЕ

я убедился, когда приступил к описи Манас-батыра. По одним сведениям Манас-Батыр был современником пророка Мухаммеда, по другим он жил значительно ранее его.

Итак, в распоряжении Киргизской научной комиссии был сгруппирован огромнейший материал по казаховедению и киргизоведению в 8000 страниц. И вот весь этот материал остается необнародованным до сего времени, а, между тем, представляет громаднейший в научном отношении интерес.

Материалы эти по распределению их на отделы и группы и литературной обработке внесли бы в научную сокровищницу Казахстана ценный и крупный вклад.

Благодаря этим материалам и изданным Туркгосиздатом богатырскому эпосу Кобланды, Шурабатыр, Алпамыс-батыр, Камбар-батыр, Мирза-Эдиге-батыр, Нарик-улы Шура и исторической поэмы Кенесары и Наурузбай, мы можем в значительной степени пополнить новыми терминами наши тюркско-джагатайские словари. Сказочный эпос дает бессмертные казахские типы таза, косе, чык бермес Чыгай-бая и т. д.

Казахская демонология наряду с арабскими или персидскими названиями, которые ислам еще не успел вытеснить из прежней шаманской религии казахов, также оживится новым притоком персонажей.

Вновь поступивший к нам еще необнародованный этнографический

материал из области казахского сказочного эпоса, где так много трактуется о женщине, а также пословицы и поговорок, влившись живой струей в собранный и напечатанный уже ранее материал, рельефно осветят нам все стороны казахского быта и в частности быт казахской женщины. Казахское летоисчисление с обозначением народных примет и двенадцатилетний животный цикл (мушел) послужат ценным вкладом в материалы для казахского календаря. Очень обильный животный эпос, главным образом о лисице, окажется благодарным материалом для сравнительной этнографии (срав. хотя бы роль лисицы в китайском фантастическом романе). Предания о происхождении казахов, дунган, таранчей, ногаев и родословные о них таблицы, а также сказание о Чингизхане, Тимуре, послужат необходимым пособием при составлении истории казахского народа и турок вообще.

В последних Джетысуйских материалах особенно обращают на себя внимание решения популярнейших биев далекой старины, которые, несомненно, передаются из рода в род, из поколения в поколение, как образцы постановлений высоко-талантливых, беспристрастных и неподкупных судей.

Судя по их содержанию, есть основание предполагать, что именно эти принципы и могли лечь в основание казахского обычного права (адат).

Здесь мне невольно приходит на память одна киргизская поговорка «Время- деньги, не зевай – убежит».

КЛАССИКТЕР ҚАЗАҚ ХАЛҚЫ ТУРАЛЫ

Я, собственно, хочу этим сказать, что пора, наконец, торопиться с самой серьезной записью материалов по юридическим вопросам.

В своем обширном 3-х томном труде по казаховедению, Левшин отчасти коснулся и юридической стороны казахского быта, но далеко не полностью, да кроме того труды Левшина (1832 г.) уже значительно устарели. Сочинение Н. И. Гродекова «Киргизы и Кара-Киргизы», также не может претендовать на полноту по юридическим вопросам, ибо он пользовался только материалами одной Сыр-Дарынской области, даже не сгруппировал материал соседней Джетысуйской области (казахов), а также Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской, Уральской областей и Букеевской орды.

Я по-прежнему высказываю пожелание, дабы положить начало к собиранию материала по юридическому быту, вытребовать все книги бийских

решений из архивов бывших Сыр-Дарынского и Джетысуйского областных правлений. Используя их, приступить к сбору подобного же материала уже на местах, по заранее составленной программе.

Однако, не уклоняясь от цели, я опять возвращусь к самомульному и животрепещущему вопросу: что именно надо предпринять, что бы собранный бывшей Киргизской научной комиссией огромнейший в 8000 стр. высокой ценности материал стал достоянием общества и начал, хотя бы частично, появляться в печати. И от кого вообще зависит осуществление сего неотложного, боевого вопроса? Если это зависит от средств, то каким путем можно добывать эти средства? Оставлять же под спудом добытый такими трудами с затратою значительных сумм—материал, едва ли целесообразно.

1928 год.

Павлодарский государственный университет
им. С. Торайгырова

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Автор ұсынылған мақалада әлеуметтік мәдени мoderнизациялауды тану мәселеjерін тарихнамалық талдау негізінде қарастырған.

In article on the basis of the historiographic analysis the author considers knowledge problems socialkultur modernisations.

Область интересов как советской, так и постсоветской историографии достаточно часто включались проблемы, так или иначе выходившие на феномены социокультурной модернизации. Правда, нельзя не заметить, что в исторических исследованиях советского периода действие этих феноменов распространялось на схематично суженные сферы жизнедеятельности общества. В частности, они иллюстрировались так называемой «культурной тематикой», а если еще более конкретно, то посредством конкретно-исторического и концептуально-методологического освоения «марксистско-ленинской теории о путях и особенностях ликвидации фактического неравенства ранее отсталых народов».

В преломлении к этой научно-познавательной задачи сформировалась

стойкая историографическая традиция ее структурирования. Здесь мы имеем в виду известную триаду, в соответствии с которой данная проблема должна было освещаться. Как правило, сначала следовало конкретно-историческое (гораздо реже - концептуально-методологическое) исследование процессов формирования новых промышленных потенциалов в ранее преимущественно аграрном Казахстане. Далее неизменно поднималась проблема социалистических преобразований в сельском хозяйстве (причем в большинстве случаев собственно крестьянство, как декларированный авторами субъект анализа в действительности, растворялось на фоне огромного иллюстративного массива, характеризующего больше историю развития данной народнохозяйственной отрасли, без её конкретных авторов).

Наконец, логика, заданная привычными историографическими конструкциями, подводила к теме «ленинской культурной революции» [1].

По описанной выше схеме написаны почти все книги, обобщающие работы и, конечно, учебники. Наиболее типичным и, на наш взгляд, очень удачным примером реализации такой проблемно-постановочной триады может служить известная книга «Очерки истории социалистического строительства в Казахстане (1933-1940 гг.)» [2].

Авторы её - известные специалисты в области истории рабочего класса (С.Б.Нурмухамедов), сельского хозяйства (В.К. Савосько) и культуры (Р.Б.Сулейменов), соединив свои научные интересы и творческие усилия, оформили их в рамках структурно-устоявшейся триады: промышленность — сельское хозяйство — культура.

Культурная модернизация на всем протяжении развития советской историографии рассматривалась исключительно сквозь призму, если можно так выразиться, образовательных критериев качества народонаселения. Показатели уровня образования интерпретировались как абсолютно симметричная корреляция культурной динамики. Отсюда - упрощенная исследовательская процедура и заранее (т.е. априори) запрограммированные ее логикой выводы.

Так, например, увеличение удельного веса социальных слоев

общества со средним специальным и высшим образованием выступало не требующим дальнейших доказательств свидетельством роста кадров советской интеллигенции.

Презумпция того общепризнанного факта, что печать, радио и кино выступали действенным «культурным транслятором» приводила к другим поверхностным трактовкам и профанациям на тему «культурной модернизации». Скажем, выстраивая на страницах своих публикаций динамические ряды о стремительном росте численности в сельской местности радиоточек, библиотек, клубов, «красных изб-читален» и т.д., исследователи делали вывод, чуть ли не о повальном охвате населения достижениями культуры [3]. По отношению к городскому населению этот идеологически-оптимистический тезис иллюстрировался показателями об увеличении тиражей печатных изданий и расширении их номенклатуры, создании театров, открытии таких «культурных очагов», как комбинаты общественного питания, стадионы, бани и прачечные и т.д. [4].

Поскольку коллективизация сельского хозяйства декларировалась, в том числе и как «переход от деревянной сохи к крупному механизированному хозяйству», а индустриализация - «создание на месте примитивного кустарно-ремесленного производства заводов-гигантов», то, соответственно, актуализировалась тема появления

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

на этой новой производственной базе «качественно преобразованных политикой партии трудовых ресурсов». Пожалуй, даже через этот момент историография пыталась высветить достижения в культурном преобразовании народонаселения.

Заданная проекция получила соответствующую разработку в историографии. В статьях на эту тематику можно обнаружить множество деталей и нюансировок, каких-то коррекций и даже полемику, стилизованную под «концептуальные дискуссии», различные источников и обогащение фактов, интерпретационные дополнения и т.д. Но какие бы оригинальные попытки не предпринимались в этой связи, выводы всегда оставались неизменно «дежурными». К этому просто обязывали партийные документы, которые, наряду с работами классиков марксизма-ленинизма, признавались единственno верной (а, следовательно, возможной) методологической основой исследования. А поэтому не было ничего удивительного в том, что «идеи», озвученные с высоких трибун, почти сразу же «пускались в дело», расцвечиваясь в «научных грудах» обильно подкрепляющим их конкретно-историческим материалом.

На этот счет можно привести много примеров, но в целях краткости сошлемся здесь лишь на одно сравнение. Так, в одной из речей Д.А. Кунаева заявлялось: «...Вчерашиие

кочевники овладевали новой техникой и, образно говоря, из средневековья сразу шагали в социализм» [5]. Теперь сравним со статьей «Забота партии о формировании кадров промышленных рабочих в Казахстане в годы первых пятилеток». В её заключении написано: «В годы 1-й и 2-й пятилеток в процессе социалистической индустриализации республики тысячи вчерашних кочевников стали высококвалифицированными рабочими, подлинными мастерами своего дела... Рабочий класс республики выступил носителем и пропагандистом передовых методов труда и организации производства, идеологии пролетарского интернационализма и дружбы народов» [6].

Рассматривая советскую историографию, можно заметить, что культурная модернизация здесь больше понималась в смысле материального благосостояния и культурного уровня. Причем, гораздо чаще встречалось словосочетание «рост материального благосостояния и культурного уровня народа», но не «общества». И это понятно. Ведь большевики выступали антагонистами гражданского общества и воспринимали его только в классово-дифференциированном виде («эксплуататоры-эксплуатируемые»).

«В марксизме, - писал один из авторов, - нет научного понятия «общество», ибо оно является внеисторическим и совершенно абстрактным» [7]. Понятия же «народ»,

«народные массы» были их «родной» стихией, той социально-классовой средой, к которой они адресно апеллировали в своей беспрецедентной утопии. Это находило отражение и в историографии, которая лишь где-то в 1960-х годах стала широко включать в понятийный аппарат слова «общество», «общественное благосостояние», «культура общества» (мы имеем здесь в виду, конечно, исследования, посвященные периоду 1917-1930-х годов).

Определение же «социокультурная модернизация» предполагает развитие процесса модернизации общества в целом, а не отдельных его социальных групп или даже классов. И этот макроуровень почти не отслеживался советской историографией, которая, как уже отмечалось, была увлечена больше динамикой качественных изменений в среде рабочего класса и крестьянства, интеллигенции (естественно «новой», т.е. советской), но не социокультурными трансформациями общества в целом. (Хотя общественно-политические тенденции исследовались более чем интенсивно).

Казалось бы, есть основания не согласиться с таким утверждением. Ведь казахстанская историография обильна на исследования по проблеме «социалистических преобразований докапиталистических отношений». Традиция здесь была заложена еще публикациями 1920-1930-х годов и была развита обществоведами-профессионалами в 1960-1980-е

годы (М. Джунусов, Г. Дахшлейгер, Д. Кшибеков, Т. Жанакулов, Ж. Жандосов, Т. Омаров и др.).

Однако не следует забывать, что методологическим ориентиром всех названных и не упомянутых здесь исследователей могла выступать исключительно марксистско-ленинская концепция общественно-экономических формаций, т.е. формационный подход. А, как известно, базисным критерием теории общественно-экономических формаций выступает категория «производственные отношения». Понятно, что вследствие этого вся исследовательская процедура должна была быть ориентирована на демонстрацию преобразования патриархально-феодальных производственных отношений их социалистической формацией. В этом и виделась сущность модернизации, ее основополагающий итог.

Но дело в том, что анализ структуры производственных отношений неизбежно упирался в другую проблему: отношения собственности. А здесь, как мы это сегодня отчетливо понимаем, советское обществоведение испытывало настоящий концептуальный тупик [8]. Расписывая целые горы литературы по истории феодализма, оно так и не смоглонятно объяснить, что есть феодальные отношения собственности и в чем их радикальное отличие от предшествовавших форм. Еще труднее в этом отношении приходилось

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

казахстанским исследователям, которые оперировали такими, надуманными еще Сталиным, определениями, как «патриархально-феодальные отношения» или «полуфеодальные отношения».

П а р а л л е л ь н о ученые разбирались, в чем сущность отношений собственности при социализме (даже на закате СССР М. Горбачев признавал аморфность теоретического познания в этой фундаментальной для судеб социализма проблеме).

Таким образом, историография оказалась в ситуации заложницы теоретических инсинуаций, введенных в ранг государства. «Не рассуждать, а вторить сакральным идеологемам, которые есть истина в последней инстанции, ибо исходят от классиков марксизма-ленинизма» - вот кredo, определявшее содержание исследований по данному вопросу.

Последнее значительно упрощало задачу авторов. От них не требовались теоретические рассуждения, концептуальные инновации, какой-либо методологический дискурс. Они могли поупражняться в понятийной полемике (например, что есть «бай-феодал», а что «бай-полуфеодал»), но не более. Но что требовалось от авторов, занявшихся данной проблемой, так это показать, что патриархально-феодальное общество было модернировано посредством его социалистической трансформации.

А показывалось это привычным для советской историографии способом. Во-первых, через описание

социально-регулятивных акций государства по «избавлению казахского аула от системы патриархально-феодальной эксплуатации» и, во-вторых, по «превращению забитых этой эксплуатацией казахских крестьян в активных субъектов новых социалистических отношений» [9].

Между тем, такая упрощенная исследовательская парадигма, будучи способной продуцировать множество конкретно-исторических проекций и опосредование, не давала ответа на вопрос: а как изменились собственно социокультурные характеристики общества?

В узких рамках формационного подхода на него и трудно было отметить (да и по тем же идеолого-политическим причинам постановка такого вопроса просто не могла актуализироваться).

Между тем, если рассматривать процесс изменения общества посредством не формационных, а культурно-цивилизационных маркеров, то, «модернизационный анализ» станет более приближенным к искомому принципу исторической объективности.

Современная историография все более уверенно вступает на этот путь, который сопряжен уже не столько с необходимостью дальнейшего экспансивного наращивания источникового знания (благодаря советской историографии мы уже получили здесь поистине обширнейшие пласти фактического конкретно-

исторического материала), а его более адекватной интерпретацией. И это практически достижимо только через освоение или, что будет точнее, выход на тот уровень теоретико-концептуального, методологического и понятийно-категориального знания, который демонстрирует современная мировая наука.

С позиций современной историографии так называемое «преобразование патриархально-феодальных отношений в социалистические» можно условно признать лишь в плане констатации свершившейся де-факто политической трансформации, но никак не с точки зрения культурно-цивилизационной социокультурной модернизации.

Иследователи мало задумывались, что словосочетание «к социализму, минуя капитализм» означало ни что иное, как признание за обществом модернизационной стагнации. В действительности произошло то, что традиционный, если можно так выразиться, «классический», тип аграрной социальности был замещен на столь же традиционно-аграрную социальность, разве что вмонтированную в иную систему социально-политической регуляции.

Даже если апеллировать к марксову закону общественного развития, то эта констатация, по крайней мере, на доводный период истории Казахстана, не утрачивает своей правомерности. Как известно,

согласно марксистско-ленинской теории общественно-экономических формаций, смена способов производства (т.е. собственно формаций) происходит по мере нарастания несоответствия системы производственных отношений ступени развития производительных сил [10].

Между тем в рассматриваемый период производительные силы Казахстана (как, впрочем, и СССР в целом) оставались типично доиндустриальными, т.е. ярко выражение природообусловленными.

Как до революции, так и весь доводный (и даже гораздо более поздний) период производство характеризовалось сильным преобладанием живого труда над трудом овеществленным (т.е. мускульной силы человека и тягового скота над механизмами, машинами и прочее), на что обращает особое внимание современная литература [11].

На этой стадии общество обнаруживает сильнейшую зависимость от природной среды. И чтобы противостоять ей, а также приспособить ее к своим хозяйственным интересам, оно вырабатывает своеобразные компенсаторные механизмы. Ж. Абылхожин в этой связи пишет в своей монографии «Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век»: «... Целью ... хозяйства (при доиндустриальных производительных силах - Р. К.) была «экономика выживания». Последняя же была достижима по мере обеспечения

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

воспроизводства средств производства и необходимого продукта. Однако в одиночестве эта императивная задача была (хозяйствующему субъекту - Р. К.) не под силу». И именно община, задействованная на основе, «в условиях недостаточного развития производительных сил выполняла компенсаторную функцию, обеспечивая технологическое овладение предметом труда, недоступное или только частично доступное отдельному индивиду. И в этом смысле общинная кооперация выступала гарантом его жизнеобеспечения» [11, С.80-81].

Колхоз, возместивший общину был по сути, ее аналогом. А. Ахиезер в этой связи, т.е. говоря о тождественности природы общины и природы колхоза, пишет, что «социокультурной основой колхоза была старая община с ее безличенным землепользованием» [12].

Вся «метаморфоза» для крестьянина заключалась, главным образом, в том, что из деспотии общины он попал в деспотию колхоза, который, правда, будучи одной из корпораций - ячеек в обширной корпоративной сети государства, подавлял его гораздо сильнее. Ж. Абылхожин, рассматривая проблему сталинской силовой политики по переводу кочевников к оседанию отмечает, что при этом «старые социальные связи были деформированы или утрачены, но качественно иные так и не обретены, ... будучи вырванными из старых традиционных личностных (общинных

- Р. К.) связей, индивид, вовсе не включался в другую субстанцию, а становился субъектом столь же корпоративных и в такой же мере личностных отношений...» [11].

Итак, историография еще только начинает исследовать социокультурное тождество традиционной крестьянской общины и так называемых социалистических форм организации сельскохозяйственного производства и жизни его субъектов. И здесь предстоит еще многое сделать.

Констатация социокультурной адекватности крестьянской общины и колхозов воспроизводит другие научно-познавательные посылы.

В общине, в силу действия коллективной, групповой собственности на землю, индивид был зависим от группы. Другими словами, индивидуальные начала были практически сведены на нет: личность всецело поглощалась приматом общины. При капиталистических (рыночных) типах социальности индивид в принципе освобожден от всяких форм личной зависимости и связан с другими субъектами только через вещные, т.е. товарно-денежные отношения. В общине же все определяют межличностные (аналоги: коммунократические, коммуналистские, коммунитарные, солидаристские) отношения.

Точно такой же тип отношений был характерен для колхоза, где земля считалась колхозной собственностью

(де-юре - в государственной собственности). И здесь член сельхозартели зависел от группы (колхоза), исключение из которой, как и в общине, было равносильно утрате средств существования. Но в общине, изгнанный из нее крестьянин, подвергаясь моральному осуждению, все же имел жизненную альтернативу - мог заняться хотя бы отходничеством. Исключение из колхоза почти автоматически означало занесение в список «социально-вредных элементов» со всеми возможными отсюда обстоятельствами, вплоть до заключения в концлагеря.

Как уже отмечалось нами в одном из предыдущих разделов, для общинно-крестьянского сознания были характерны, с одной стороны, отношения некритической солидарности и групповоцентризма (самолюбование своей группой) и, как с другой стороны медали, ксенофобия, отторжение всего чужого, агрессивно-враждебное проявление к любым внешним субъектам.

В этом отношении социокультурные характеристики сознания доколхозного и советского колхозного крестьянства были идентичны, т.е. остались неизменными. Не случайно, в советской аграрной державе Сталину (а вслед за ним и другим вождям) не требовалось каких-то хитросплетений и изощренных усилий для того, чтобы убедить массовое общественное сознание во «вездесущих врагах народа». Общество, оставаясь по преимуществу патриархально-крестьянским с упоением

отдавалось этому мифу, выдвигая из своей среды массу добровольных активистов для борьбы с ними.

Столь же органична для немодернизированного аграрно-традиционистского сознания была идея этноцентристского государства и этнократии. Подобно тому, как крестьянин от сохи винил в своих бедах «антихриста-бусурманина», «новый советский человек» истово проклинал «буржуазных националистов» и «бездонных космополитов».

В традиционно-аграрном социуме имеют место другие (в отличие от рыночных обществ) достижительные ориентации. В рамках капиталистических императивов во главу угла ставится ориентация на жизненный успех, получение более значимого статуса, а, следовательно, лучшего доступа к ресурсам [13]. В аграрной ментальности установки на равенство, осуждение инициативы и предпринимательства, воспевание жертвенности и лишений, нужды во благо абстрактного будущего благополучия.

Режим удобно спекулировал и на этих призмах крестьянского миропонимания. Страна с патриотическим энтузиазмом воспринимала большевистские доктрины жертвенности во имя «светлого коммунистического будущего».

На эти, а также другие аспекты социокультурных стагнации историография, в отличие от социологии и социальной психологии,

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

еще мало обращает внимание. Именно через их исследование можно прийти к пониманию того, что в социокультурном отношении послереволюционное (или послевоенное) общество не подверглось подлинной модернизации. По большому счету режим и не был в этом заинтересован.

Для идеологической манипуляции и решения своих политических целей режиму нужен был именно традиционно-аграрный крестьянский социум с его беспредельной верой в исключительность этой группы («самая передовая страна мира, в которой люди живут лучше всех»), с его слепым и саможертвенным подчинением воли персонифицирующих эту группу (государство) авторитетов-вождей [14]. Потому в 1917-1930-е годы общество в своих социокультурных параметрах оставалось статичным, меняя при этом некоторую несущностную атрибутику и политический антураж, впадая в более деспотические пути аграрно-традиционистских устоев в их откровенно тоталитаристских формах. И этот процесс в его преломлении к истории Казахстана еще предстоит изучать отечественной историографии. Тем более, что на этот счет история располагает здесь огромной массой свидетельств, фактов и явлений.

Следует иметь в виду, что процесс социокультурной модернизации может иметь как сознательно-целенаправленный характер (волею

государства, последовательно решающего задачи реформирования общества на пути подлинной модернизации), так и выступать продуктом неких стихийных, опосредующих это явление тенденций. Нельзя не признать, что определенные импульсы социокультурным изменениям общества придавали процессы урбанизации. И это понятно. Ведь в социокультурном отношении город, урбанизированная субкультура выступали антиподом субкультуры сельской.

Город, с его относительно более плотными и интенсивными информационными связями, политической средой, множественными сферами занятости, оперативным восприятием всего нового и передового объективно выступает проводником социокультурной модернизации [11].

Нельзя не заметить, что по проблемам урбанизации современная историография располагает немалым числом публикаций. В этой связи можно назвать работы М.Асылбекова, А. Галиева, А. Алексеенко, В. Козиной, М. Сдыкова, А. Какенова, Б.Малыбаева и др. Однако в этих работах по преимуществу освещается аспект историко-демографической динамики. Собственно же социокультурные процессы, корректируемые урбанизационными процессами, не получают здесь углубленной разработки (уже в силу специфически заданных предметно-целевых установок, т.е. сугубо историко-демографической нацеленности

исследований). Хотя подчас в отдельных публикациях авторы выходят на социокультурные проекции.

Как известно, процесс урбанизации проходит в своей эволюции два важных этапа. Первый - связан с переселением в города сколько-нибудь значительных масс сельского населения, сменой занятости и т.д. Эта стадия (чисто количественная) легко отслеживается с помощью историко-демографического инструментария. Второй этап характеризуется становлением в среде мигрантов городского образа жизни как особого социокультурного феномена. Эта качественная сторона процесса и для её анализа требуется гораздо более сложная в содержательном отношении познавательная процедура. На современном этапе она исследуется посредством социологических и социально-психологических, культурологических и культуроантропологических и прочих замеров.

Понятно, что в исследуемый нами доведённый период таких исследований не могло быть в принципе и, конечно, не только потому, что в арсенале науки тогда не было таких дисциплинарных специализаций. Понятие «городской житель» тогда никак не дифференцировалось. Поэтому, рассматривая процессы урбанизации 1920-1930-х годов, исследователям приходится экстраполировать на них методолого-концептуальные позиции и представления, наработанные

в современных социокультурных теориях урбанизации, представлениях по явлениям маргинализации и т.д.

Мы уже говорили о различии в эволюции процесса урбанизации двух этапов: количественного (миграция в города) и качественного (освоение мигрантами городского образа жизни). Другими словами, в социокультурном аспекте различаются городской житель и горожанин.

В развитых странах Запада уже в первой половине XX века процесс урбанизации прошел в своей эволюции, как первую, так и вторую стадии. В СССР урбанизация была связана в первую очередь с индустриализацией, а потому имела такой же форсированный характер. Обширные потоки рабочей силы, рекрутируемой из сельского населения, административно целенаправленно и форсированно направлялись на объекты «социалистической реконструкции народного хозяйства». Нельзя не вспомнить, что на величину сельско-городской миграции влияла и коллективизация сельского хозяйства, когда десятки и десятки тысяч людей, спасаясь от голода, раскулачивания и антикрестьянских репрессий, убегали в города.

Естественно, что сельские мигранты выступали носителями традиционистско-крестьянской социокультурной ориентации. Учитывая, что и сам город в тот период мало походил на «классическое» урбанизированное социальное

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

пространство, то наблюдалось, как бы, два явления. Во-первых, сельские мигранты были для городской среды «чужаками», т.е. маргиналами. «Вчераший крестьянин не становится автоматически «городским индивидуализированным человеком». Поначалу это лишь формальное превращение в горожанина, источник огромных, хотя и не всегда осознаваемых социальных напряжений» [15]. Городской житель из крестьян был по своему сознанию, ментальности полугородским, жил сельскими представлениями, а отчасти и трудом, вне урбанистической культуры. Он даже не стремился освоить стереотипы городской субкультуры, подолгу пребывая в маргинальном состоянии: городской по месту жительства, но крестьянин по духу и образу жизни.

Город также в силу отмеченных выше причин не оказывал на такого маргинала сильного социокультурного «облучения». В результате происходила так называемая «ложная урбанизация» [16]. Как пишет Ж. Абылхожин, «мигранты из села в город — это как бы еще полугорожане. Во многом они отличаются от горожан, родившихся и выросших в городе. Пройдя первоначальную социализацию в сельской местности, они привносят в город присущие им системы ценностей, психологию, стереотипы и установки, особые потребности, отличающие их от горожан. Все это затрудняет их адаптацию к

урбанизированной субкультуре, вызывает в их «разорванном» сознании целый комплекс негативных психологических эмоций» [11]. Города того периода, с их относительно невеликой численностью населения и слабой городской инфраструктурой, а, следовательно, с весьма неплотной сетью информационных связей, с одной стороны, и сельские крестьянне-традиционалисты, с другой, не могли выступать «материалом» для интенсивной социокультурной модернизации. Город сам нуждался в ней, а потому, понятно, не мог выступать катализатором этого процесса. Иначе говоря, урбанизация как канал социокультурной модернизации в довоенный период не выполняла в этом отношении своих функций. И этот процесс требует своего осмысливания в историографии, причем в рамках не историко-демографических, а именно социокультурных исследований.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема социокультурной модернизации представляется для отечественной историографии малоизученной, а потому весьма актуальной. Здесь, как нам представляется, может оказаться продуктивным в плане получения научно-качественного познавательного материала культурно-цивилизационные парадигмы. В частности, необходимо уточнить, изменились ли в результате социалистических преобразований аграрно-традиционные характеристики

общества или оно продолжало пребывать в параметрах типично доиндустриального социума, пускай и в советской политико-идеологической облатке.

Постановка вопроса об уровнях и степенях социокультурной модернизации общества в довоенный период ждет своей постановки в контексте теоретико-концептуального и методологического субстрата, сформировавшегося в современной науке. Тем более, что без решения этой

проблемы трудно получить какие-то обобщающие выводы о соотнесении позитива и негатива в советском опыте модернизации. Ведь, в конечном счете, именно характер изменения внутренней природы общественного организма, т.е. социума является главным аргументом в дискурсе о его модернизации или, напротив, — контрмодернизации, прогрессивной эволюции или инволюции.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.История Казахстана. Эпоха социализма.-Алма-Ата, 1967; История Казахстана.-Т.4. Алма-Ата: Наука, 1979.
- 2.Нурмухamedов С.Б., Савосько В.К., Сулейменов Р.Б. Очерки истории социалистического строительства в Казахстане (1933-1940 гг.).-Алма-Ата: Наука, 1966.
- 3.Сембаев А.И. История развития советской школы в Казахстане.-Алма-Ата: Казгосиздат, 1962; Канапин А.К. Культурное строительство в Казахстане.-Алма-Ата: Казахстан, 1964.
- 4.Культурное строительство в Казахстане. Т.1.-Алма-Ата: Наука, 1965 (Введение).
- 5.Кунаев Д.А. Избранные речи и статьи.-М.: Политиздат, 1978.
- 6.Игенбаев А.А. Забота партии о формировании кадров промышленных рабочих в Казахстане в годы первых пятилеток // Вопросы истории Компартии Казахстана. Вып.14.-Алма-Ата: Казахстан.
- 7.Яковлев В.Г. Общественно-экономическая формация.-Алма-Ата: Наука, 1963.
- 8.Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая.-М.: Наука, 1986.
- 9.Джунусов М.С. Закономерности перехода ранее отсталых стран от докапиталистических отношений к социализму. Дис. д.ф.н.-М., 1955.
10. Теория общественно-экономической формации.-М.: Наука, 1982.
11. Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век.-Алматы: Университет «Туран», 1997.
12. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.1. От прошлого к будущему.-Новосибирск: Сибирский хронограф, 1977.
13. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. № 5, 1994. – С. 147-156.
14. Фромм Э. Бегство от свободы. -М.: Прогресс, 1991.
15. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. -М., 1998.
16. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность, 2001, № 6.

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова

РУССКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В КАЗАХСТАНСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

XIX г. 2-шиі жартысы мен XX г. басында Ертіс өнірінің қазақстандық болігінде кәсіпкерлікпен айналысқан орыс көпестерінің іскер әрекеті туралы мәлімет беретін революцияга дейінгі кейбір еңбектер зерттелген және қазіргі кезеңдегі олардың тарихнамалық сипаттамасы жасалған.

A number of pre-revolutionary works in which separate data on a problem of history of enterprise activity of Russian merchants, owners of the commercial and industrial enterprises in Kazakhstan Priirtyshe in second half XIX contain is considered - the beginning of XX century theses which define the historiographic characteristic of this problem at the present stage also are formulated.

На современном этапе в Казахстане происходит возвращение рынка и предпринимательства на новом уровне. Более быстрому и безболезненному переходу общества к рыночной системе, безусловно, способствует имеющийся исторический опыт предпринимательской деятельности в дореволюционный период. Беспристрастный и объективный взгляд подтверждает, что во второй половине XIX – начале XX в. в Казахстане развивались колониально-рыночные отношения, происходило вызревание конкурентоспособных

элементов национальной рыночной экономики, постепенное становление социального слоя предпринимателей.

Колонизация Казахстана определила широкое участие в формировании его предпринимательских слоев выходцев из Европейской России. Дореволюционная историческая литература содержит множество сведений о деятельности русских предпринимателей в Казахстане, особенно в его прииртышском регионе, входившем в Западно-Сибирское генерал-губернаторство во второй половине XIX – начале XX в. Речь идет об Акмолинской

и Семипалатинской областях, территории которых большей частью проходили вдоль Иртыша. В разное время на этой территории побывали русские ученые и путешественники, члены экономико-статистических и иных экспедиций, которые изучали географию, историю, экономику, минеральные ресурсы края. Среди них были Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, А.К. Гейнс, П.П. Румянцев, А.Н. Седельников, Ф.Щербина и другие, которые внесли немалый вклад в исследование Казахстанского Прииртышья.

Дореволюционные историки оставили ряд интересных сведений по истории торгового предпринимательства и ростовщичества в Прииртышье. Уже в это время удалось поставить проблемы, связанные с определением роли прииртышских городов в развитии транзитной торговли (М.И. Венюков) [1], динамики товарообмена между Россией и Казахстаном (И. Завалишин) [2], особенностей торгового движения между Западной Сибирью, Средней Азией и Китайскими владениями (Н. Балкашин) [3]. Однако ограниченный круг источников не позволил выйти им за рамки описания и комментирования рыночных явлений в развитии экономики края.

Г.Н. Потанин, изучая торговлю в Степном крае и Сибири, показал преимущественно торгово-ростовщический характер формировавшейся здесь буржуазии [4]. Он дал достаточно подробные характеристики купечеству

Семипалатинска и других городов Семипалатинской области. Главным средоточием купечества Прииртышья был город Семипалатинск, находившийся на пересечении транзитных торговых путей [5].

Большой вклад в изучение купечества Сибири и Прииртышья внес публицист Н.М. Ядринцев. Он писал о купцах-монополистах, которые приобретали богатство не совсем добросовестными средствами: «Только редкие купцы проникали в Сибирь, но, являясь сюда, становились единственными монополистами, при безлюдье и отсутствии конкуренции товары, привозимые монополистом, продавались по необыкновенно высокой цене, и покупатель был в полном его распоряжении» [6, С. 353].

Немало ценных данных экономического и статистического характера собрано в ходе экспедиций по Западной Сибири и Прииртышью с 1886 по 1890 г. Данные обследований напечатаны в 22 выпусках особого издания, озаглавленного «Материалы для изучения хозяйственного быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири». В названной работе принимали участие многие исследователи Сибири, в том числе крупный специалист по экономике и колонизации Сибири А.А. Каuffman. Он сформулировал свою теорию «относительного» малоземелья. Его причину он усматривал в «культурном бессилии» русского мужика, в его

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

стремлении к экстенсивным формам земледелия в ущерб интенсификации производства. «Низкий уровень культурности, – писал А. Кауфман, мешает русскому крестьянину повысить уровень своей сельскохозяйственной культуры». Агротехнический, а не социальный кризис крестьянского хозяйства в России, по мысли автора, вынуждал крестьян «пускаться на переселения» [7, С. 345].

Изменения в экономике Казахстанского Прииртышья, обусловленные влиянием капиталистических отношений, были отражены в трудах историков-краеведов (Н. Абрамова [8], Б. Герасимова [9], Н.Я. Коншина [10] и др.). В их трудах есть сведения о количестве торгово-промышленных предприятий, их владельцах в городах и уездах области.

В силу специфики Степного края, которая заключалась в доминирующем развитии скотоводства, следует сказать, что наиболее прибыльным и потому распространенным был бизнес, связанный со скотопромышленностью. Широкой известностью пользовались русские скотопромышленники, например Ботов, Колосов, Жиряков и Скажутин, покупавшие у казахов и сбывавшие ежегодно до 50 тыс. баранов каждый. Особенно число крупных скотопромышленников увеличилось в результате принятия Положения Совета министров «О сдаче в аренду скотоводам-предпринимателям так называемых «скотоводческих

участков» из фондов казенной земли в Сибири, Степных областях и Туркестанском крае. Образовавшееся незначительное количество капиталистических скотоводческих хозяйств в Степном крае и Прииртышье являлись зародышами скотоводческого плантаторства. Владельцы крупных скотоводческих хозяйств формировались в основном из двух колонизаторских групп, господствовавших в крае – купцов и чиновников. Вместе с тем предприниматели-скотоводы вырастали из переселенцев-кулаков, которые арендовали по преимуществу самые дешевые казачьи земли, с наименьшими удобствами. Тем не менее они тоже претендовали на роль крупных арендаторов. Крупными арендаторами были также приезжие землевладельцы из Европейской России, которые брали здесь в аренду землю по дешевой цене – 9–10 копеек за десятину, в то время как свои земли в центре России они сдавали по 30–50 рублей за десятину. В крупнокапиталистических хозяйствах, возникших в начале XX в., как и в хозяйствах кулаков и новых баев, применялась более совершенная техника; в них широко использовался наемный труд постоянных и сезонных батраков. Такие хозяйства отличались высокой товарностью. Однако их число было незначительно. Это объяснялось, прежде всего, высокой арендной платой. По условиям договора арендатор должен был содержать скот, «исходя

из норм в 30 десятин удобной земли на 1 лошадь и 25 десятин на 1 корову» [11, С. 8].

В ряде работ дореволюционных исследователей предпринята попытка анализа состояния арендованных, а также частновладельческих хозяйств в Семипалатинской [12] и Акмолинской областях [13]. Согласно их данным, почти все частновладельческие хозяйства Семипалатинской области были расположены на Прииртышской казачьей линии и основаны преимущественно выходцами из Европейской России. К более крупным частновладельческим хозяйствам было отнесено 30 хозяйств, из них 2 возникли в 1889 г., 7 – в 1901–1907 гг., 7 – в 1908 г., 9 – 1909 г., 2 – в 1910 г., 3 – 1911 г.

Как наиболее крупное скотоводческое хозяйство отмечается хозяйство купца Л. Сорокина. Он имел 100 лошадей, 280 единиц КРС, 400 штук мелкого рогатого скота и примерно 3 000 овец [12, С. 154]. В работе «Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. Семипалатинская область» также содержатся сведения об этом русском предпринимателе. В ней сказано: «Совершенно особое положение, в среде прочих арендаторов офицерских участков, занимал богатый скотопромышленник, купец Логин Сорокин, проживавший в качестве «разночинца» в казачьем поселке Пресном Павлодарского уезда Семипалатинской области. Ведя обширную скотоводческую торговлю,

выразившуюся в 1899–1900 гг. сбытом более 8 тыс. голов, он держал на арендованных участках постоянно не менее 10–15 тыс. голов рогатого скота и несколько тысяч лошадей. Вел дела по сбыту скота с Омском, Петропавловском, Иркутском, Оренбургом, Ташкентом и др. В голодные 1891–1892 гг. сбыл массу лошадей в голодающие губернии, и тем самым заручился особым вниманием Главного управления коннозаводства, которое, видя в нем коннозаводчика-практика, выслало в его распоряжение несколько десятков заводских жеребцов для приплода. Занимаясь таким огромным скотоводством, он, конечно, не мог не нуждаться в массе земель для сенокоса и выпаса скота. Несколько земельных участков им уже «закуплены» у местных офицеров, еще того более у них же арендуются, равно как арендуются войсковые участки. С соседними киргизскими волостями он находился также в соглашении, относительно выпаса на их угодьях зимою и летом скота. Эксплуатация сенных участков зиждется у него главным образом на эксплуатации труда нуджающихихся в этих же участках киргиз. Всего в его распоряжении в настоящее время (не считая войсковых участков и волостных киргизских земель) находится 16 офицерских участков. Сорокин как любитель-рыбопромышленник имеет немалый доход от рыболовства. Используя близлежащий лес, тальника дуба,

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

он открыл кожевенный дубильный завод, на котором выделывалось 5 000 кож. Здесь же на заливных лугах Прииртышья Сорокин пасет скот, пригоняемый из Зайсанского уезда, для сбыта в Омск и далее» [11, С. 154]. О торговле скотом Сорокина Н.М. Ядринцев писал, что она «была огромна: рогатого скота было отправлено в Оренбург 2 800 голов, в Енисейскую тайгу на пристань 1 500 голов» [6, С. 400]. Кроме того, Сорокин имел в Павлодаре «2 лавки с мануфактурными товарами, много долгов за разными лицами: за одним оренбургским торговцем 1 500 рублей, состояние и имущество этого крестьянина, занимавшегося покупкою и продажею хлеба и скота, равнялось более миллиона рублей» [6, С. 401]. Казахский просветитель, специалист казахской устной историологии Машхур Жусип Копеев, высоко оценивая заслуги Логина Сорокина, писал: «Появление в Баянуле Сорокина благоприятно сказалось на окружающих, которые, по-видимому, стали стремиться к улучшению своего быта... Между прочим, у Сорокина можно позаимствовать ремесла и разного мастерства, например часовые, столярные и также фотографию» [14, С. 8]. Сведения о Логине Сорокине и других русских предпринимателях содержатся в работе Н.Я. Коншина «Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области». Он сообщает о крупных русских

скотопромышленниках из казаков в Павлодарском уезде Семипалатинской области М.Д. Сургутанове (засевавшем до 100 десятин земли, ведшем крупную торговлю скотом), Макарове (имевшем более 1 000 голов рогатого скота), Носонове (распахивавшем 170 десятин земли), Таркове (содержащем до 300 голов скота) [15, С. 108].

Укрепление и расширение рыночных отношений в Прииртышье привело к значительному росту числа купцов. Города, большие торговые села в основном были объектом деятельности гильдейских купцов. Крупные купцы-оптовики, реализуя часть приобретенного товара через имеющуюся в их распоряжении торговую сеть, другую часть также в кредит продавали розничным торговцам, которые сбывали их в городах по лавкам, развозили по ярмаркам, селам и кочевьям, выменивая на местные произведения, которыми, обычно, уплачивали свой долг оптовым купцам. Многие торговцы совмещали в одном лице скупщика сельскохозяйственных товаров и спекулянта мануфактурой.

М. Красовский, характеризуя торговлю в Казахстане во второй половине XIX в., сообщал о прииртышском купце Рычкове, который почти один, без конкурентов, занимался торговлей в достаточно крупных масштабах в баянульском селении Павлодарского уезда Семипалатинской области. М. Красовский писал о нем, что «степною

менюю по мелочи» он занялся с 1840 г. Сначала им объявлен капитал «в Омске (в 1853 г.), потом в Тюкале, затем, поселившись в Баяне, он записался павлодарским 2-й гильдии купцом» [16, С. 311]. По словам этого купца, его чистая годовая выручка на продаже привоза заключалась «в 3 000 рублей, вырученных от станичников, в 1 600 рублей, получавших от купцов Поповых, за поставку по контракту разных материалов заводскому населению Баянаульского округа, и в 1 000 рублей, получаемых на продаже ситца заезжим киргизам» [16, С. 313–314]. Из данного примера следует, что русские купцы, монопольно занимаясь в казахской степи торговлей, получали высокие прибыли, баснословно богатели, имея «от торговли на каждый затрачиваемый рубль почти рубль барыша» [16, С. 314].

Огромную прибыль русские купцы имели от продажи скотоводческого сырья. Продавали в большом количестве овечью шерсть и в небольшом – верблюжью, выделываемую казахами армячину, волосяные веревки (арканы), кошму. Последние сбывались по всей прииртышской линии от Павлодара до Омска. Большое количество казахских сыромятных кож продавались на Ишиме, Ирбитской ярмарке, а также тюменским кожевням. В списках купцов, занимавшихся торговлей сыромятной кожи, зафиксированы петропавловские купцы Казанцев, Акчурин и тюкалинские – Ременников, Поляков и Красноперов [17, С. 199].

Сбыт скота и скотоводческого сырья производился в основном на ярмарках. Крупнейшей ярмаркой Прииртышья была Куяндинская или Ботовская ярмарка. Ее основание связано с ялуторовским купцом Варнавой Ивановичем Ботовым. «В 1848 г. он выехал с товарами навстречу шедшим в Петропавловск гуртам, направлявшимся по караванной дороге из Кульджи в Капал, район реки Аягуз, Баканас и урочище Талды-Коянды и здесь в 50 верстах от Каркаралинской казачьей станицы открыл меновой торг, приобретая скот по более значительно дешевым ценам, чем в Петропавловске. Операции Ботова привлекли новых охотников и по его почину, с 1849 г. на урочище Коянды ежегодно в половине мая учреждался съезд заграничных и русских торговцев и киргиз» [18, С. 19]. На территории ярмарки имелось множество торговых лавок и магазинов, большинство владельцев которых были русские предприниматели: павлодарские купцы Деров, Коробков, Сорокин, Козьмин, омские купцы братья Волковы, тюкалинский купец Афонин, семипалатинский купец Высоцкий и др.

Предприниматели Прииртышья считали колоссально прибыльным делом занятие ростовщичеством. С большой выгодой они скупали местное сырье по низкой цене, а товары, привозимые из Европейской России, продавали с высокой наценкой. В роли ростовщиков выступала значительная часть русских купцов, которая давала в долг казахам свои товары,

за это казахи обязывались погасить этот долг и проценты на него своим скотом. Постоянная нужда населения в деньгах являлась благоприятной почвой, на которой пускало глубокие корни ростовщичество русских предпринимателей. Н. Ядринцев так характеризовал положение скупщиков-ростовщиков, берущих в долг товары для распродажи по назначеннй цене: «Желая наживы и стремясь уплатить нарастающий долг, он, в том и другом случае, т.е. отдавая в кредит мануфактуру за огромные цены инородцу и скupая у него сырье как можно ниже, действует беспощадно, употребляет все средства обмана. Торговец помнит, что и он должник, а потому кабалит другого» [6, С. 366]. В течение второй половины XIX в. сложилась цепь зависимости: мелкого товаропроизводителя от торгово-ростовщического или скупщического капитала и последнего – от российского капитала. В этой цепи местный торгово-ростовщический капитал служил не просто орудием механического соединения двух разнородных способов производства, а проводником трансформирующего воздействия российского капиталистического хозяйства на традиционное казахское общество.

Во второй половине XIX в. в Прииртышье зарождается промышленное предпринимательство. На начальном этапе нового бизнеса лишь небольшая часть «капиталистов»

людей встает на рискованный путь получения прибыли посредством вкладывания капитала не в торгово-ростовщическое, а в промышленное производство, в котором капитал не давал таких быстрых и высоких прибылей. М. Красовский писал: «Развитие заводского дела встречает еще противодействие в том, что местные капиталисты... находят для себя более выгодным, помещать свои деньги или в торговлю, или в кредитные операции» [16, С. 29].

Рост торговли скотом, мясом и маслом, хлебом способствовал возникновению различных производств по переработке сельскохозяйственного сырья. В основном в крае получили распространение кожевенные, салотопенные, шерстомойные, мукомольные и т.п. предприятия.

Основным центром деятельности промышленников были города и их окрестности. В статье Н. Абрамова «Усть-Каменогорск в 1861 г.» дана статистика заводской промышленности Усть-Каменогорска.

Незначительное количество заводов и их низкая прибыльность, по мысли Н. Абрамова, объясняется отсутствием «охоты к предприимчивости» у местных жителей» [19, С. 132]. Наплыв предпринимателей в конце XIX в. из России сопровождался увеличением числа промышленных предприятий в крае. Особый размах среди русских предпринимателей

получил мукомольный бизнес. В 1894 г. Товарищество «М.А. Красильников и Ко» построило первую в Семипалатинске паровую крупчатую мельницу. Владельцы крупчатых мельниц оказывались в особенно выгодном положении. Они покупали зерно у крестьян по низким ценам, перерабатывали его в крупчатку и получали громадные прибыли.

Очень выгодным бизнесом была виноторговля. В Семипалатинском Прииртышье виноторговлей занимались русские купцы Кривошеин, Шустов, Деров и другие. Первый винокуренный завод был построен в станице Семипалатинской пермским купцом Поклевским в 1876 г. В феврале 1882 г. в Семипалатинском уезде был пущен в ход винокуренный завод «Плещеев и Ко». Прибыль завода доходила до полумиллиона рублей. По объему производства винокуренные заводы стояли на 2-м месте после горной промышленности. Огромная территория, большая удаленность от населенных пунктов друг от друга создавали для тайной торговли спиртным самые благоприятные условия. Поэтому винокурение и виноторговля стали важным источником обогащения предпринимателей края на этапе первоначального накопления капитала.

Выгодные перспективы для торговли, связанные с развитием судоходства и пароходства на Иртыше в конце XIX в., привлекли внимание

многих русских предпринимателей. Крупные из них стали владельцами пароходов и пароходных компаний. Так, тобольский купец И.Н. Корнилов в 1872 г. открыл пароходную фирму под названием «Корнилов и наследники». Основной доход фирмы обеспечивался за счет перевозки грузов, особенно поставки в верховья Иртыша хлебной продукции. Филиалы фирмы располагались почти во всех городах Западной Сибири и, в том числе, в городах Прииртышского Казахстана – Павлодаре, Семипалатинске.

Широкая поддержка со стороны колониальной администрации, почти полное отсутствие конкуренции в степных селениях давали возможность русским предпринимателям свободно действовать в степи, наживая огромные прибыли. Среди купечества Прииртышского Казахстана русские купцы занимали второе место. Анализ переписи 1897 г., проведенный современным казахстанским историком С.К. Игибаевым, показал, что в Семипалатинской области в конце XIX в. количество купцов составляло 1033 человека, т.е. 0,15% от общего числа населения. Среди них 50% купцов – татары, далее идут русские [20, С. 38]. Например, в Усть-Каменогорске, по данным переписи 1897 г., из 95 купцов большинство составляли русские: Е. Семенов, П. Усов, Ф. Муравьев, братья Федоровы, Сенины, а также Кривошеин, Носов, Бобров, Дьячков и др. [21, С. 46–47].

В целом есть основание констатировать слабое внимание дореволюционных авторов к проблемам истории купечества Прииртышья периода капитализма. Лишь в отдельных работах, в том числе вышеуказанных, можно подчеркнуть разнообразный фактический материал по данной тематике. Поэтому напрашивается вывод о том, что в дореволюционной историографии отсутствовали труды, направленные на специальное изучение истории деятельности русских предпринимателей в Прииртышском Казахстане. Большинство дореволюционных публикаций представляет собой довольно поверхностные очерки экономической деятельности отдельных представителей русского купечества в колониальном Казахстане. Эти работы основаны на ограниченной документальной базе, а методология

работ не содержала глубокого анализа предпринимательской деятельности русского купечества. Следует признать, и некоторые положительные стороны дореволюционной историографии по изучаемой проблеме. Прежде всего, в процессе исследований края дореволюционные историки создали достаточно обширную базу архивных документов и личных наблюдений. Богатый фактологический материал, содержащийся в трудах дореволюционных исследователей Прииртышского Казахстана, является ценным источником при изучении истории рынка и предпринимательства в Казахстане. Их работы способствуют разработке таких проблем, как источники рекрутования и состав предпринимателей, особенности первоначального накопления в колониальном крае, роль российского капитала в экономике Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венюков М. Краткий обзор внешней торговли через Западную Сибирь в 1851–1860 гг. // Записки ИРГО. СПб, 1861. Кн. 3.-С. 161–186.
2. Завалишин И. Описание Западной Сибири.-М. Т. 3: Сибирско-киргизская степь. СПб., 1867.-145 с.
3. Балкашин Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Средней Азией и Китайскими владениями // Записки ЗСО ИРГО.-Омск, 1881. Кн. 3.-С. 1–32.
4. Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири.-М., 1867.
5. Потанин Г.Н. Семипалатинск и другие города Семипалатинской области // Живописная Россия. СПб., 1884. Т. 2.
6. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892.-720 с.
7. Каuffman A.A. Переселение и колонизация. СПб., 1905.-348 с.
8. Абрамов Н.А. Город Павлодар в статистическом отношении // Известия ИРГО. СПб., 1870. Т. 6. Отд. 1.
9. Герасимов Б. К вопросу об исследовании верховьев Иртыша. Историческая справка // Известия ЗСО ИРГО. Омск, 1914. Т. 2, вып. 1–2.-С. 1–7.
10. Коншин Н.Я. Материалы для истории Степного края // Памятная книжка Семипалатинской области. Семипалатинск, 1900.-54 с.

ТАРИХ ФЫЛЫМЫНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

11. Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. СПб., 1913.-455 с.
12. Частновладельческие хозяйства в Семипалатинской области. СПб., 1912.-126с.
13. Зефиров Н. Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства в Акмолинской области.-Омск, 1914.
14. Копеев М.Ж. // Степная киргизская газета. 1890. № 6, 7.-С. 7–9.
15. Коншин Н.Я. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области // Памятная книжка Семипалатинской области. - Семипалатинск, 1901.-С.1–182.
16. Красовский М. Область Сибирских киргизов. Материалы для географии и статистики. СПб., 1868.-428 с.
17. Маевский В. Ботовская ярмарка // Сборник статей по Семипалатинской области. Из памятных книжек на 1897–1899 гг.-Семипалатинск, 1899.-С. 184–204.
18. Лаптев И. Торгово-промышленные центры Западной Сибири // Сибирские вопросы.-Омск, 1907. № 32.-С. 16–20.
19. Абрамов Н.А. Усть-Каменогорск в 1861 г. // Записки ИРГО. СПб., 1863. Кн. 4.-С. 110–138.
20. Игибаев С.К. Население Семипалатинской области в конце 19 века // История Казахстана. Алматы, 1994. № 2.-С. 36–40.
21. Щербик Г. Усть-Каменогорское купечество // Деловой Усть-Каменогорск.-Усть-Каменогорск, 2001. № 5.-С. 46–47.

Павлодарский государственный университет
им. С.Торайгырова

ИЗ ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ ФЕМИНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Мақалада әйелдер (феминистік) қозғалысының қалыптасу тарихы зерттелген, өрбір кезеңдегі болып жатқан белгілі қогамдық құбылыстар мен процесстерді басқаша бағалауга көмектеседі. Әйелдердің қозғалысы - әлеуметтік процесстердің маңызды құрамадас болігі, тарихтағы алғаш рет дербес, бұқаралық, біріккен сипатына айналғаны феминистік қозғалыстың басталуы кезінде еди.

In article the history of formation female (feminist) movement which allows to estimate differently already known public phenomena and the processes occurring during this or that period is studied. The women's movement was the important component of social processes, for the first time in history it has got the independent, mass, organised character in feminist movement origin.

В современное время, мы все больше и больше начинаем осознавать пути становления и утверждения цивилизации в целом и повышения в них роли женщин, а в общечеловеческом прогрессе в частности. На основе нового мышления создаются демократические формулы, которые позволяют взглянуть на роль женщины в современном мире.

Необходимо изучить и воссоздать историю становления женского движения, как общественного и социального, раскрыть понятие феминизм, чтобы понять сущность феминистского движения.

Феминизм (фр. Feminisme, от лат. Femina - «женщина») - в широком смысле стремление к равноправию женщин с мужчинами во всех сферах жизни общества, в узком смысле – женское движение, целью которого является устранение дискриминации женщин и уравнение их прав с мужчинами [1].

Если обратиться к вопросу об истории зарождения женского движения, то первоначально женское движение возникло в Северной Америке – в период войны за независимость 1775-1783 гг. В это время в Америке политизировалось не только сознание

женщин, но и содержание их частной жизни. Женщины, ранее не питавшие интереса к политике, быстро приобщились к политической мысли и включились в политические дискуссии. Таким образом, происходят глобальные изменения той роли, которую играют женщины во всех областях жизни – политике, производстве, экономике. Этот процесс сопровождается ростом женского самосознания, которое в дальнейшем дает возможность предъявить свои права на равное с мужчинами участие в политической и социальной жизни.

Родоначальницей женского движения в Америке являлась Абигель Смит Адамс (супруга второго президента Джона Адамса).

Во Франции женское движение возникло во время Великой французской революции 1789 г. В основном документе «Декларации прав человека и гражданина» закреплялись принципы революционеров. В декларации первая фраза гласила: «Все люди рождаются свободными и равными в правах», однако женщины в нее не попали.

Олимпия де Гуж предложила в 1790 г. «Декларацию прав женщины», где потребовала уничтожения всех мужских привилегий. За свой радикализм Олимпия де Гуж расплатилась сполна, в ноябре 1793 г. её гильотинировали.

Такое положение развития женского движения было и в Англии.

Мэри Уолстонкрафт – родоначальница женского движения в Англии – в сочинении «Защита прав женщины» (1792 г.) подробно описала то состояние невежества и жалкой покорности, на которое в силу социальных предрассудков и системы воспитания были обречены женщины. В сочинении она утверждает, что женщины не являются существами, стоящими на более низкой ступени развития по отношению к мужчинам, но кажутся такими из-за недостаточного образования. Она предлагает рассматривать и мужчин и женщин как разумных существ и представлять общественный строй, основанный на разуме.

Таким образом, в XVIII веке в странах Европы и Америки началось зарождение женского движения как социального, за свои права и свободы. Женщины этого времени понимали, что воспитание и образование, равное с мужчинами, поставило бы их на одну ступень, дало бы возможность развиваться наравне с ними. Но этому препятствовало законодательство, которое они еще не могли изменить. Женщины постепенно отвоевывают себе экономическую значимость, утраченную еще в доисторическое время, поскольку вырываются из дома и, работая на заводе, по-новому принимают участие в производстве. Резкий скачок промышленности требует гораздо больше рабочих рук, поэтому привлечение женщин становится необходимым. Это и есть

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

великая революция, которая в XIX веке преображает участь женщины.

В конце XIX - начале XX вв. феминизм стал разнообразным по форме и содержанию, появляются многочисленные феминистские организации, ассоциации. В этот период активно действовали суфражистки – отстаивавшие политико-правовое равенство женщины, т.е. предоставление женщинам избирательных прав; социалистки - защищали идеи равной оплаты женского труда и участие женщин в профсоюзах. Все это позволяло женщине выходить за пределы дома, получать образование и работу. Благодаря накопленным знаниям, увеличивается и самосознание женщин, они уже видят свою главенствующую роль в развитии общества.

Актуальная деятельность суфражистских организаций подготовила общественное мнение к решению женского вопроса, способствовало пересмотру и принятию новых законов о собственности замужних женщин (1870 и 1882 гг.), о праве опеки над детьми (1783 г.). В 1869 г. англичанки были допущены к выборам в местные представительные органы.

В XX в. появляется термин эмансипация (лат.-emancipatio) – у римлян обозначало освобождение из-под отцовской власти. Отсюда произошло общее значение – освобождение от зависимости и ограничения [2]. Многие годы зависимость женщины определялась

ее экономической несостоятельностью – т.е. материальным неблагополучием, физической ослабленностью. В этот период появляются профсоюзы женщин, создаются лиги потребителей, с помощью их женщины боролись за улучшение условий труда.

Таким образом, к началу XX в. феминистское движение сумело охватить широкие слои общества, стало массовым и организованным, женщины смогли добиться для себя уже значительных прав и создали предпосылки для дальнейшей реорганизации общества, участия в творческом процессе, в истории.

Революция 1905 г. ускорила процесс вовлечения женщин в общественную жизнь и политизировала некоторые действия формирования. Зазвучали призывы к организации женских обществ, которые не ограничивались бы интересами своих членов, а приняли бы участие в жизни всего общества.

С приобретением опыта политической деятельности женщины стали более уверенными в себе, в своих силах, т.е. без индивидуального отношения отдельно взятой личности, ничего бы не изменилось, и все осталось бы на том же уровне, на каком оно было. Это послужило импульсом возникновение гендерного движения. Правильнее сказать, гендерное движение – есть вторая волна феминизма.

Итак, сегодня на страже равенства прав и возможностей мужчин

и женщин стоит гендерная политика, гарантирующая равный правовой статус женщин и мужчин во всех сферах жизнедеятельности, исключающая любую форму дискриминации по половому признаку.

Если говорить о Казахстане, то у нас наконец-то принят закон (декабрь 2009 г.) о гендерном равенстве (гендерное равенство - непременное условие развития демократии). О стремлении обеспечить равные права всем гражданам, независимо от принадлежности к полу, Казахстан заявил еще на заре независимости, присоединившись к Конвенции ООН «О

ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин». На современном этапе развития Казахстану необходимо проведение серьезных исследований в области гендерных отношений, разработки научно-практических рекомендаций и законодательных актов по ликвидации существующих диспропорций между мужчинами и женщинами и преодоления, таким образом, гендерных стереотипов во всех слоях общества. Этот результат напряженных усилий с полным основанием можно считать исполнением заветной мечты всего женского движения Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иллюстрированный энциклопедический словарь. – М., 1999. – С.761.
2. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. – Спб., 1864. – Т.3.
3. Женский вестник. – 1904. №3. – С.83.
4. Феминизм: Восток, Запад, Россия. – М., 1993. – 243 с.

Инновациялық Еуразия университеті,
Павлодар қ.

**XIX ҒАСЫРДЫҢ БІРІНШІ ЖАРТЫСЫНДАҒЫ
ПАТША ҮКІМЕТІ РЕФОРМАЛАРЫНЫң
ҚАЗАҚТАРДЫҢ АУМАҚТЫҚ ҚАТЫНАСТАРЫ
МЕН ЖЕРДІ ДӘСТҮРЛІ ПАЙДАЛАНУЫНА
ТИГІЗГЕН ҮІҚПАЛЫ**

В данной статье рассматривается влияние реформ царского правительства на территориальные отношения и традиционное землепользование казахов в первой половине XIX века.

The article is due to the czaric government influence on the territory relation and traditional land usage of Kazakhs in the first half of the 19th century.

XIX ғасырдың бірінші жартысы – қазақтың дәстүрлі көшпелі қоғамында болған күрделі өзгерістер уақыты. Бұл өзгерістер көшпелі қазак әлеуметтің ішінде болған дамулар нәтижесінде болған жоқ, олар сыртқы факторлардың ықпалынан пайда болды. Сыртқы факторлардың ең әсерлісі қазақ қоғамының саяси жүйесінің дағдарысында орын алды. Барлық отаршыл Ресей саясаты XVIII ғасырдағы қазактар ұйымының саяси жарғыларының мақсаттық бағытын жоюға бағытталды. Негізгі аяусыз соққы хан институтына қарсы жұмсалды, ол дәстүрлі қоғамдағы сатылы биліктің құрылымын аяқтады және де ол этностың тұтастығы мен оның тәуелсіздікке деген үмтілісінің айқын көрсеткіші болды. Қазақ қоғамының саяси тәуелсіздігінің

көрсеткіші болған хандық билігі XIX ғасырдың басында Кіші жүзде де, Орта жүзде де қоғамға деген қызметтің тоқтатты.

Хан билігін жоюдың алғашқы талпыныстарын Ресей XVIII ғасырдың аяғында Кіші жүз аумағында жасай бастады. Қазақ жерін тиімді басқару үшін Ресей үкіметі бір қатар шараларды қабылдады. Оның нәтижесінде Қазақстан аумағының құрылымы жалпы ресейлік принциптерге және әкімшілік-саяси құрылымның стандарттарына сәйкес болуы керек еді.

О.А. Игельстром Кіші жүздегі тұрақсыздықты пайдаланып, Кіші жүздің басқару жүйесіне еніп, оны тайпалардың үш одағына бөлу керек деп есептеді. Орынбордың генерал –губернаторы О.А. Игельстром ханды

ТАРИХ ФЫЛЫМЫНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРИ

хандық кеңеспен ауыстырамын деген ойда жүргендө, Сырым Датұлының қозғалысы басталып кетеді.

Бірақ Нұрлыханнан қайшылығына қарамастан Сырым батыр мен оны қолдаған ру басшылары хан билігінен бас тартқан жоқ. Сырым мен басқа ру басшыларына дәстүрлі, қолданбақ шешімдері жөнінде ру басшыларымен келісіп отыратын, Ресей отаршылдық ұйымдарына емес, халық сезінен құлақ түріп отыратын хан керек болды. Сол үшін көтеріліске шыққандар бірнеше рет сұлтандар арасынан қалаған басшылар кандидатураларын ұсынды. Соңдықтан орыс биліктері Кіші жүздегі хан билігіне бір қатар өзгертулер жасауға мәжбүр болды.

Орта жүз аумағындағы жағдайлар өзгешелеу болды. Абылай хан өлімінен кейін мұндағы билік еш кедергісіз оның үлкен ұлы - Уәлидің қолына ауысты. Дегенмен Орта жүз билеушілері арасында Ресейге және оның жүргізіп отырған саясатына деген қатынасы үш түрлі болды: 1) Уәли партиясы; 2) Қасым партиясы; 3) Ресеймен жақындасуды қолдайтын партиялар (Бекей) [1, 149-151 б.].

XVIII ғасыр аяғы мен XIX ғасырдың басында қазактардың жалпы аудандарында жерге, жайылымға деген жетіспеушілік пен мұқтаждық орын алды. Сонымен қатар, қазактар XVIII ғасырда малдары мен халық санын көбейтіп шықты. Бұл мәселелер халық тығыз орналасқан қазактардың солтүстік аумағында ерекше сезілді.

Аталған мәселелер Кіші жүзде Бекей сұлтанның Нарынға көшуі арқасында, ал Орта жүзде Сұлтанбет пен басқалардың Ертіс өзенінің оң жақ жағасына көшуімен шешілді.

1822 жылғы “Сібір қазақтары туралы жарғы” Ресей патшалығының қазақ жерлерін ірі аумақтық жауалауына бастау болды. «Қаранғы» қазақ елінде ағарту ісін жүргіземіз, жерді өндегуе бейімдейміз деген сұлтаумен, олар үлттық сана-сезім мен мемлекеттілікті жоюға бағытталған жоспарлы саясатын жүргізді. 1822 жылғы реформа қазақ халқы үшін жақсылық әкелмейтіні туралы “О древних союзах киргиз-кайсаках” мақаласында белгісіз автор жазған. Автордың пікірінше: патшалықтың заң шығару қолайсыз жағдайлары қазактардың рухани, адамгершілік қасиеттерінің төмендеуіне, жиган-тергенін шашып, кедейленуіне әкеп соқты [2, 91 б.]. Бұл пікірді В.В. Радлов таұстады, ол 1822 жылғы жарғы халықтың әлеуметтік жағдайының төмендеуіне әкелді дейді: «сырттан мәжбүрлеп енгізілген және бос теорияға негізделген тәртіп ілгері басуға ісіне тек кедергі болды. Табиғи жағдайларына байланысты жайылым жердің көп бөлігі тек көшпелі өмірге ғана жарайды және де көшпендерді көшіріп отырықшы еткен жағдайда бұл, әрине, кері тартпаға себеп болып, жайылымдардың босап қалуына әкеледі» [3, 345 б.].

Қазақстан мен Ресей империясының қосылуы аяқталған соң, патшалық қазақ жерлерін жауап

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

алуға бағытталған жоспарлы саясатын жүргізді. Басында бұл саясат шекара аудандарында бекіністер салумен басталды, біртіндеп олар Қазақстан аумағына ене бастады.

Ресейге деген тәуелділіктің күшеюімен қатар Орта жүз қазақтарының солтүстік шекаралары біртіндеп ығыстырыла бастады. Осы жағдайға байланысты құнды деректер капитан И. Г. Андреевтің жазуларында бар: «...солтүстік аумақтан айырылуы шығыс аумағының алынуымен толықтырылды. Жонғар хандығының өлсіреі нәтижесінде қазақ қоғамы Ертіс пен Ілеңің жоғарғы ағысына жылжыды. Олардың иеліктеріне Алтай, Тарбагатай және Жонғар Алатауының шұрайлы жазық және таулы оазистері еніп жатты» [4, 47-48 б.].

Сібірдегі аумак орыстарға оңай жолмен берілген жоқ. Сол кезде М. Тевкелев пен П. Рычков Сібірдегі шекаралас орыс кенттері мен бекіністердің барлығы көптеген жылдар бойы қазақтардың жиі шабуылдар жасап тұратын қаупі болғаны жайлы жазған [5, 587 б.].

Қазақ шежіресінде Әулие Елена бекінісінің құрылышы жайлы (қазіргі Петропавловск қ.) қызық сюжет келтірілген. Бекініс салынған жер бұрын Дәүлеткелді байдың үрпағына тиесілі болған. Сол Дәүлеткелді байдың қолында кішкентай кезінде Абылай хан тәрбиленген екен. 1752 жылы ресейліктер бұл бекіністі сала бастаған кезде Дәүлеткелді адамдары

Абылай сұлтанинан көмек сұрады. Осы кезде Жонғарларға қарсы ауыр соққылар жүріп жатқан еді. Бұл кез Лама Доржы басқарған уақыт еді. Сол кезде Амурсан мен Давааци Лама Доржыдан қашып, Абылай хан қол астына енді.

Басқа жақтан алып қарасақ, мүмкін алдын ала орыстармен сауда нүктелерін ашу туралы келісім-шарт жасалған шығар (Әулие Елена бекінісі сол мақсатта салынды деп есептелді), әйтеуір Абылай оның салуына қарсылық білдірmedі. Ашуланған Даuletкелді үрпағы Қазақстанның онтүстігіне Жиделі Байсын еліне көшіп кетеді. М.Ж. Көпееев олардың үрпактарын Қонырат тайпасынан көргенін атап өтеді [6, 317 б.].

Жарғы қазақтардың жерді пайдаланудың дәстүрлі жүйесіне айтарлықтай өзгерістер енгізді. Қазақстан көшпенділерінің ғасырлар бойы қалыптасқан аумақтық қатынастары отаршыл халықтарға қарағанда өзгеше принциптерге негізделді. Орта жүз қазақтары өмірінің дәстүрлі мәдениеті мал шаруасымен бірге маусымдық көшіп-қонумен байланысты болған, себебі табиғи-климаттық жағдайлар қолайлы болды.

Жарғының іске асырылуымен ішкі жайылымдарда жана өскери бекіністер салына бастады. 1822 жылғы шілдеде Ақтау тауларында «Ақтаулық» және Есілдегі «Жарқайын» бекіністерінің алғаш негіздері қаланды. 1824 жылы казак

ТАРИХ ФЫЛЫМЫНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

полктерін орналастыру мақсатында Қарқаралы, Көкшетау, Ақмола, Атбасар, Аягөз, Баянауыл, Көкбет, Құсмұрын бүйректары шықты.

1844 жылы Ұлытау бекінісінің негізі қаланды. М.Ж. Қопеев шежіресі осы бекіністің Павлодар облысында салынғаны туралы былай деген: «Сиыр жылы (1824 ж.) Баянауылда дуан саламын деп орыстар ағаш кестіре бастады...» [1, 169 б.]. Осы бекіністер Қазақстанның ең әдемі және әйгілі жерлерінде орналасқан. Жайылымды 10 арыс алқап 1,5 десятина жерді қамтыды [7, 46-76 б.].

1849 жылы бекіністер мен қорғандардан басқа Орта жүзде казак тұрақтары мен стансалары пайда болды: Арықбалық, Атбасар, Көкшетау, Қотырқөл, Лобандық, Төменгібұрлықтық, Сандықтаулық, Айыртаулық, Имантаулық, Шучинск. Ертіс пән Жетісудан бастап қорғандар мен стансалар тізбегі созылып жатты, олар - Аягөз, Ұржер, Қапал және Лепсі [8, 28-32 б.]. Сібір әскерлерінің казак тұрғындары, офицерлік шендегілер үлкен жер бөлігіне иеленді. Бірақ алған жерлерін тиімді пайдалана алмаса да офицерлер мен сібір казактары өздерінә пайда түсірудің тиімді және оңай жолын тапты. Олар жер иеліктерін қазақтарға жалға берді.

Сөйтіп, қазақтар казактардан жерді жалға алуға мәжбүр болды. Жалға берілген жер үшін төлемақы арзан болған жоқ және де казактар мен офицерлер жалға беруші ретінде қазақтарға зомбылық көрсеткен. Бір

қыстап шығу үшін қазақтар 2 - 4 рубльге дейін, ал қыстақты салу үшін 3-5 рубльге дейін, малды бағу үшін 7 - 20 рубльге дейін, шөп шабу үшін әр десятина үшін 50 тиын төлеген [9, 179 б.].

Белгілі қазақ ғалымы С.Д. Асфендиаров өз халқының жағдайына қатты алаңдаған, оның пікірінше қазақ тұрғындарының мұқтаждығын елемеген Ресей үкіметінің қоныс аудару саясаты қазақтардың су көздері мол, құнды, ең таңдаулы жерлерін тартып алып, жер байлығын пайдаланған. Бұның барлығы көшпенде халықтың дәстүрлі өмір салтын бұзып, қазақ ауылдарының үйренген жерінен қоныс аударуға мәжбүрлеп, жерге деген таластарды туғызған. 1822 жылғы жарғы бойынша Сібір қазақтары жерлерін әкімшілік шеңеуліктер мен казактарға берді [10, 186 б.].

«1822 жылғы Жарғының» енгізілуі, қазақ жерлерін отаршылдықтар пайдасына түсіруі, Қазақстан аумағында бекіністерді салуы, жерді казақтарға таратуы – бұның барлығы көшпендердің маусымдық жайылымдар ауысымын өзгертіп, қазақтардың жерінен айырылуына себеп болды. 1822 жылғы жарғы жайылымдардың маусымдық ауысымдарына негізделген, ежелден қалыптасқан көшпенде шаруалық жүйесіне үлкен соккы тигізді. Жарғыда “Әрбір округтың шекарасы белгіленген жері бар, басқа округ тұрғындары ол жерге жергілікті басшылардың рұқсатысыз өте алмайды” деп

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

көрсетілген [11, 93 б.]. Енді әрбір округ өз аумағын белгіледі.

Мемлекеттік одақтың 1837 жылғы З қарашадағы шешімінде Сібір ведомстволарындағы қазактар «империядан тыс жерлерге көшсе, жасаған қылмысы үшін өскери сотпен жазаланатын болады» деп жазылған [11, 175 б.]. Бұның барлығы қазақ санасына симады, себебі қазактар кең байтақ жерін қазақ халқына тиесілі деп есептеді. Көшпелі елден жерді тартып алу және 1822 жылы округтік бүйірықтардың енгізілуі қазактар арасында наразылық тудырды, ол кейіннен Орта жүзде болған көтерілістерге әкелді. Соның ішінде, Қарқаралы және Қекшетау округтері. Осындай қарсылықтардың бірін Санжар сұлтан басқарды. Ағасының ойын әрі қарай жеткізген Кенесары Қасымұлы.

Әкімшилік - ауамактық реформалардың негізгі максаты - жаңа жүйе арқылы басқаруды терендету және жайылымдағы отарлауды жеңілдету. Бірақ бұл шараларды іске асыру қынга түсті. Қындығы - бұл жайылымдағы қазактардың ұдайы көшіп қонуы, қазактардың шамадан тыс қалып қоюы, колониалды басқарулардың қадағалауы. Хандық билікті жою - алғашқы ірі орыс отарлау саясатының нәтижесі. Сонымен, қазактарды отырықшы етуге ынталандыру және қарқындандыру ісі түрлі әдістер арқылы өтті. Ресей үкіметінің негізгі міндеті - бұл қазактардың егіншілікпен айналасуына икемдеу. Дәстүрлі әлеумет өз шаруашылық үрдісін өзі реттеп отырды,

егер егіншілікпен айналасу тиімді болса, онда қазактар бұл шаруашылықтан бас тартпаған. Егіншілік ісінің дамуы қазақ даласында бір келкі болмады. Жалпы алғанда, бірнеше экологиялық табиғи аймақтарды атауға болады: солтүстік және оңтүстік жазықтары, орташа таулы бөлік, шығыс таулы аймағы.

Оңтүстік жазық және жартылай шөлаудандары XIX ғасырдың ортасында егіншілікті дамыту ісінде алдыңғы қатарда болды. Егіншілік сипаты - суармалы. Зерттеушілер Орталық Қазақстанның ең күргақ деген даласында да егіншіліктің болғанын атайды.

Сібір билігінің қазактарды отырықшы ету және егіншілікке тартуы XVIII ғасырда да көріне бастаған. XIX ғасырдың зерттеушісі Н. Коншин өз енбегінде көшпендерілер арасындағы егіншіліктің маңыздылығы артып келетінін, ал мал шаруашылығының кей жерлерде екінші орынға шегергенін қалғанын атап өткен [12, 41 б.]. Бірақ олардың ерекшелігі - сол уақытқа дейін қазактар өздерінің құнарлы жерлерінен айырылған болатын. Сондықтан белсенді жұмыстар шөлді аймақтарда жүргізілген.

XIX ғасырдың бірінші жартысында жайылым аудандарында дәстүрлі суармалы-арықтық егіншілік қарқынды дамыған. Жалпы алғанда, қазактардың егіншілікпен айналысуына ең алдымен әлеуметтік-экономикалық және XIX ғасырдың ортасында көшпелі қоғамның саяси дағдарысы себеп болған. Ең негізгісі қазактардың

ТАРИХ ФЫЛЫМЫНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

отырықшы және күрделі шаруашылық кешеніне ауысуына шөптерді шабу болды. XIX ғасырда алғашқы болып шөп шабу ісімен Ресей шекарасындағы қазақтар айналаса бастады.

Көшпелі қазақтардың шөп шабу ісінекөшүі-XIX ғасырда жиі болған жүгүттәр нәтижесінде мал басының азайына және де көшпенділер жағдайының нашарлауына байланысты. Жұттардың зардабы жайылым аумақтарының көбі тартып алғаннан кейін ауыр сезілді. Бірінші жағдайда қазақтардың көшіп-қонатын жерлерінің ұланғайыр аумағын Ресей тартып алды. Екінші жағдайда, XIX ғасырдың ортасынан бастап далада бос және қыстауға қолайлыш жайылымдар да қалмады.

Шөп шабу көсібі бірқатар терминдердің пайда болуына әсер етті. Шөп шабу шаруашылығымен айналасу үшін қазақтар төмендегі құралдарды қолданған. Мысалы: бел орақ - егін орып, шөп шабатын шалғы тәрізді құрал; шалғы – ұзын ағашқа сапталған, өткір жүзді шөп шабатын ауыл шаруашылық құралы [13]; орақ – егін, шөп оруға арналған ағаш сапты, жарты ай тәрізді дөңгеленіп келген темір құрал [14]; шалғын – шөбі биік, қалын шыққан кекорай шабындық; корық жер – шөбі шабылатын жазғы уақытта сақталған аумақ [15].

XIX ғасырдың бірінші жартысындағы патшалық үкіметтің реформалары көшпелі қазақ әлеуметінің өмір тіршілігінің барлық салаларын тежеген. 1822 -1824

жылдардағы аумақтық-әкімшілік реформалар нәтижесінде қоғамның потестарлық-саяси жүйесі өзгерді, басқарудың дәстүрлі институттары патшалық үкіметтің жаңа шенеулік аппараттарымен ауыстырылды.

Соның нәтижесінде XIX ғасырда солтүстік, шығыс Қазақстан аумағын отарлау барысында Жарғы өнгізу кезінде жерді пайдалану жүзеге асырылды. Орта жүзде бір қатар өзгерістер енгізілген, көшпелілердің жерлері қысқарылған, шөп шабу дамыған, дәстүрлі нормалар аумақтық мәселелерді шешу барысында рулық қатынастарының орнауы және т.б.

Жаңа әкімшілік-аумақтық бастамалардың енгізілуі қазақ тайпаларының аумақтық дербестігін айтартықтай дәрежеде жоғалтуына әкеп соқты. Ең алдымен қазақтардың көшіп-қонуының бұрынғы бағыттары қатты шектелді.

Сөйтіп, XIX ғасырдың бірінші жартысында Қазақстанның солтүстік, шығыс аумақтарын отарлау барысында және де «Жарғының» енгізілуіне байланысты Орта жүз қазақтарының жерді пайдалану жүйесінде түбекейлі өзгерістер орын алды, атап айтқанда: көшіп-қону аумағының күрт қысқарды; тайпалар мен руларды орнықтыру барысында алабарлық пайда болды; ірі рулық одактардың боліну және ыдырау үрдісінде жерді пайдаланудың рулық жүйесі де ыдырады; аумақ мәселесін шешуде әдетте қолданылып жүрген рулық қарым-қатынастарға

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

сәйкестендіріп шешу нормалары (рулық иерархия) енді жарамсыз болып қалды; сауда орталықтары мен жәрменкелерінің пайда болуына байланысты аумақтық жайылым мен бағыттарды бөлудің жаңа жүйесі

пайда болып, бекітілді; қазақтардың көшпелі малшаруашылығынан кешенді шаруашылыққа ауысуының негізгі факторы болып табылған шөп шабу ісі дамыды.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Артықбаев Ж.О. Материалы к истории правящего дома казахов.-Алматы, 2001. - 204 с.
2. О древних союзах киргиз-кайсаков. СПб., 1886. - 101 с.
3. Радлов В.В. Из Сибири.-М., 1989. - 749 с.
4. Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998.-280 с.
5. Казахско-русские отношения в XV-XVIII вв. (сборник материалов и документов).-Алма-Ата, 1961.-740 с.
6. Абылай хан /Кұраст. С. Дәүіт. Фылым академиясы М.О. Әuezов атындағы әдебиет және өнер институты.-Алматы, 1993. - 416 б.
7. Хорошхин М. Казачьи войска. СПб., 1881.-206 с.
8. Потанин Г.Н. Заметки о Западной Сибири // Русское слово. - 1860.- № 9. - С. 25 - 32.
9. Памятная книжка Семипалатинской области на 1901. - Семипалатинск, 1901 г. - Вып.5.- 268 с.
10. Асфендиаров С.Д. История Казахстана.-3 -е изд.-Алматы, 1998. - 304 с.
11. Материалы по истории политического строя Казахстана.-Алма-Ата, 1960. - Т.1 - 2.- 441 с.
12. Коншин Н.Я. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние // Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год. - Семипалатинск, 1898. - С. 29-54.
13. Жумажанов Куантай. 1940 г.р., с. Актубек, Жанааркинского района, Карагандинской области, қуандық (арғын).
14. Ешанов Сейфолла. 1928 г.р., с. Актубек, Жанааркинского района, Карагандинской области, уак.
15. Жунисов Амантай. 1917 г.р., с. Касабай, Ақтоғайского района, Карагандинской области, тобықты (арғын).

*Инновационный Евразийский университет,
г. Павлодар*

КОЛОНИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНА: ИМПЕРСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕОЛОГИИ

Мақалада қысқаша түрде қазақ халқы жөнінде Ресей империясының ішкі саясаты туралы әңгіме болады.

The article gives basic prepositions of internal policy of the Russian empire in relation to the Kazakh people.

С XVIII века характер политики России по отношению к кочевникам в известной степени определялся теми представлениями о народах колоний, что возникли в мировоззрении европейцев под влиянием просветительской концепции истории и прогресса. Согласно ей культура разных народов осмысливалась через идеи единства человеческого рода, основанные не на евангелических постуатах, а на научном объяснении существовавших между народами различий особенностями естественно-географической среды обитания. Этот подход послужил основой для формулирования универсальной концепции всемирно-исторического прогресса: от дикого состояния, общего для всех народов, через варварство к вершинам цивилизации, представленным европейской культурой. Образ жизни неевропейских народов – туземцев колоний – представлялся отражением прошлой истории Европы, что стало рациональным

обоснованием европоцентризма. «Отсталость» культуры иных народов восточных окраин вошедших в состав Российской империи объяснялась естественнонаучными причинами: климатом, природными условиями и др. и при описании их образа жизни использовались морально-этические оценки европейской цивилизации. Их культура не получила равных европейской прав на собственный «естественный» прогресс, на самобытное развитие. В системе культуры ей была отведена низшая ступень, и сама участь ее была предрешена – европейской культуре с ее достижениями было суждено одержать верх над несоответствующими ей формами общежития [1, С. 113].

Тогда же было дано научное обоснование патерналистски снисходительному отношению к инокультурным народам. Все, что у других народов соответствовало объективным, с точки зрения европейца, нормам и ценностям, признавалось

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

проявлением прогресса и исторической зрелости. А то, что не соответствовало им, казалось возможным изменить, поскольку признавалось осуществимым внедрение универсальных ценностей в любое общество. Представление о правомерности и необходимости европейской помощи и руководства оправдывало навязывание «отсталым» народам более «передовых» форм жизни. В концепции стадиальности общественного развития равенство культур понималось как равнокачественность, тождественность, а не уникальность, несводимость друг к другу [1, С. 129].

Однако Россия была и остается уникальной страной и опыт европейского просвещения, проникая в русское общество, приобретал совершенно другое ценностное разрешение. Россия оставалась крепостнической, т.е. основная часть русского населения находилась в тяжелейших рабских условиях. В этой среде всегда господствовали иные ценности, нежели у правящих верхов, т.е., как писал Ленин, русской культуре была свойственна двойственность и эта двойственность тяжело отражалась в судьбах народов империи. Проникновение европейской культуры во все регионы и вызванное этим чувство исторического оптимизма, вера в победу цивилизации над природой (а значит, уверенность в возможности изменить жизнь кочевников) не способствовали

формированию мировоззренческой терпимости в отношении чужих нравов и обычаяев и не породили признания за чужой непонятной культурой равных европейской прав и возможностей самобытного развития.

В государственном подходе Российской империи к решению «инородческого вопроса» проявились именно эти фундаментальные основы культурного и политического существования русского государства, пронизанные идеей европоцентризма и идеей своей особой исторической миссии русского народа. «Русские не умели видеть другие цивилизации просто народами, так как оценочное зрение русских искажено особыми свойствами народа-избранника», – отмечал С. Панарин особенность отношения России к Востоку, в том числе и к кочевой культуре казахов [2, С. 64].

Многовековой опыт этнокультурной гетерогенности и архаичный способ построения отношений верховной власти с подданными обусловили особые условия включения казахов Сибири в социально-политическую структуру государства, т.е. на формально равноправных с другими категориями подданных основаниях, а в действительности «инородцев», которое предполагало отношение к ним как к людям более низкой культуры.

Казахская пословица гласит: «Әр елдің салты басқа, иттері қара қасқа» - «У каждого народа свои обычаи и даже

собаки разные», т.е. казахи признавали, что у каждого народа своя мораль, этика, вкусы, понятия, признавали равное положение народов на Земле. Признание равенства предполагает глубокую связь различных аспектов: признания не только человеческой, но и культурной полноценности, не только социального равноправия, но и политического равноправия. Эти принципы выступают не как внешние друг другу, а представляют собой связную систему прав, где одна норма отсылает к другой. С этой стороны позиция государственной власти России свидетельствует о непризнании за кочевниками, как за членами общества, полного гражданского и политического «совершеннолетия». В этом смысле «охранительная» политика XVIII в., мероприятия по насильственной ассимиляции начатая в XIX и продолженная в XX вв., представления о «ранговости» народов и непризнание за ними прав на самостоятельное существование и развитие представляют явления одного порядка.

Отчасти этим объясняется то, что кочевники для Российского государства на всех этапах колониальной политики оставались лишь объектом реализации его демиургических замыслов. Под формой опеки, протектората государство претендовало не только на эксплуатацию их труда, но навязывало им цели и перспективы развития в соответствии с собственным пониманием должного и с учетом

собственных интересов. И только единицы не могли не придать значения свидетельствам того, что этот «своебразный мир» имел «предшествующую эпоху развития... свою эволюцию, чтобы отлиться в известные формы», в которых гармонично сочетаются окружающая среда, ландшафт, хозяйственные занятия, социальная организация, привычки, склад характера, духовная культура, физическое строение, мировоззрение и пр., что позволяет ему демонстрировать устойчивость и самодостаточность, справляться с собственными внутренними кризисами, изменяя способы производства и социальные формы. «Кочевая культура... в своей среде создавалась целесообразно, выливаясь в формы, которые поколебать будет трудно», – отмечал Н.М. Ядринцев [3], фактически ставя вопрос о том, что кочевой быт в его разнообразных, усложняющихся видах не является всего лишь одной из универсальных культурных стадий, но представляет собой особую форму существования человеческих обществ, своеобразный тип цивилизации.

Имперская идеология нашла свое отражение и в науке. «В исторической науке долгое время существует традиция – противопоставлять общество неоседлых скотоводов как варваров по отношению к городской цивилизации, основывающейся на ирригационном земледелии. В таком подходе сказалось влияние эгоцентрических ценностей

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ориентаций оседло-земледельческого населения, усматривавшего в номадах носителей разрушения и дикости. В этом же проявляется и необъективность, связанная с применением одних и тех же критериев при оценке двух различных миров. Так, общепризнанные критерии уровня развития цивилизации – наличие письменности, ремесел и пр., которые позволяют понять состояние городской культуры, принципиально не применимы при характеристике уровня культуры, достигнутого различными обществами номадных скотоводов» – отмечают современные исследователи [4].

Вследствие представлений о культурно-исторической отсталости

кочевых народов государственный патернализм проявился в отношении их с наибольшей отчетливостью и силой. Вообще, устойчивость патерналистского инстинкта является особенностью политической культуры Российского государства, которая определяется политической мыслью как «государственная цивилизация» или «система государственного феодализма». Доминирующее положение государственного начала во внутренней жизни Российской империи стало «константой» всего его исторического пути и наиболее ярко оно проявилось в виде геноцида по отношению к казахскому народу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Токарев С.А. История зарубежной этнографии.-М., 1978.-С. 113.
2. Панарин С.А. Восток глазами русских // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия.-М., 1993. Ч. 1.
3. Ядринцев Н.М. Значение кочевого быта в истории человеческой культуры // Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб., 1891.-С. 249.
4. Ашерян Г.Е. Роль неоседлых скотоводов в развитии цивилизаций Евразии // Взаимодействие кочевых культур и цивилизаций.-А-А.: Наука, 1989. -С. 21-24.

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АНТРОПОЛОГИЯ: ЗЕРТТЕУЛЕР, ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

А.В. МАТВЕЕВ

УДК 39(=574)(571.13)

Омский государственный университет,
г. Омск, Россия

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ КАЗАХОВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Жұмыстың мақсаты: адамның әдемтегі көші-қон шеңберінен тыс кеңістікте дәстүрлі көші-қон мәдениетін зерттеу. Ұсынылған мақалада Омбы-Ертіс өңірі қазақтарының дәстүрлі көші-қон мәдениетін зерттеудегі қорытындылар мен дәстүрлі көші-қонның үш кезеңдері – 1) жолға шыгу, 2) жолда журу және 3) үйге оралу қарастырылыған.

The work purpose is research of traditional culture of movement of the person outside of habitual local moving. In given article results of researches of the separate block of traditional culture of movement at the Kazakh population of Omsk Priirtyshja are presented and three its stages are considered: 1) a departure stage in road, 2) a stage «Roads to chaos» and 3) a stage «Returnings».

Под традиционной культурой передвижения мы понимаем сумму народных знаний, направленных на обеспечение достижения цели путешествия человека, а также последовательное применение этих знаний в конкретных природно-географических условиях, в рамках системы сухопутных коммуникаций, посредством элементов материальной культуры населения (одежда, пища, транспортные средства и т.д.).

При этом под термином «путь» мы понимаем путешествие человека за пределы локальных хозяйственных повседневных перемещений с любой коммуникативной мотивацией на время

более одного дня. Объектом нашего изучения будет одна из важнейших составляющих традиционной культуры передвижения - народные знания, включающие в себя многообразные знания магических и обрядовых действий, приметы и т.д., а также определенная последовательность применения этих знаний в природно-географических условиях центральных и южных районов Омского Прииртышья.

В июне 2000 г. в ауле Бельсенды-Казах Горьковского района Омской области была проведена комплексная экспедиция Музея археологии и этнографии Омского

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

государственного университета и Омского государственного историко-краеведческого музея, одной из задач которой стал сбор информации по теме «Традиционная культура передвижения» казахского населения.

Для рассмотрения традиционной культуры передвижения казахского населения необходимо было последовательно решить ряд задач: рассмотреть феномен традиционной культуры передвижения населения, структурировать ее на основные этапы, реконструировать эти этапы на основании имеющегося материала по духовной культуре казахского населения.

Хронологические рамки исследования охватывают конец XIX - первую половину XX в.

Источниковой базой данной работы стали: этнографические материалы, полученные участниками экспедиции в ауле Бельсенды-Казах Горьковского района Омской области в 2000 г.; этнографические материалы, собранные Западносибирскими историко-этнографическими экспедициями под руководством Н.А. Томилова и этнографическими экспедициями казахского отряда Омского государственного университета под руководством О.М. Бронниковой в 1976 - 1984 гг.

Цель всякого отправления в дальний путь (движение происходящее более одного дня) живого человека - реализация не обыденных задач, поставленных перед ним коллективом

(своих задач), и благополучное возвращение с результатом совершённой деятельности. В данной работе мы рассмотрим одну из важнейших составляющих традиционной культуры передвижения - народные знания, включающие в себя многообразные знания магических и обрядовых действий, приметы и т.д. Реализация этих знаний на практике происходит и происходит в определенной последовательности, которая в целях попытки реконструкции может быть грубо нами разбита на три этапа: «выход из дома», «движение вне дома», «возвращение в дом».

Здесь авторы принимают общую культурологическую схему мифологического пространства, выраженную в работах А.К. Байбурина, Э.Л. Львовой, В.Н. Топорова. В этой схеме движение рассматривается как выход за границу «обжитого», «упорядоченного» пространства, космоса в «неупорядоченное», «необжитое», в «хаос». Одним из методических принципов работы стал тезис А.К. Байбурина: «Выявление содержания того или иного текста предполагает реконструкцию соответствующих уровней или фрагментов картины мира». Поэтому для реконструкции традиционной культуры передвижения населения необходим анализ всех уровней (фрагментов) картины мира, связанных с мотивом движения человека, с мотивом преодоления границ

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АНТРОПОЛОГИЯ: ЗЕРТТЕУЛЕР, ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

пространства. Такими фрагментами мира, отражающими мотив преодоления границ пространства, являются, прежде всего, погребальный и свадебный обряды. Определенную сложность разработки вопроса составила слабая изученность вопросов духовной культуры казахского населения Омской области.

В научном обороте имеется несколько работ Ш.К. Ахметовой, О.М. Бронниковой, З.Е. Кабульдинова, отчасти посвященных данным вопросам. Именно поэтому мы были вынуждены руководствоваться аналогиями, объяснениями из общеказахского фонда духовной культуры (по работам Ч.Ч. Валиханова, В.В. Вострова, И.В. Захаровой, Г.Е. Тайжанова); а также из общетюркского фонда духовной культуры (по работам Н.А. Алексеева, Э.Л. Львой, И.В. Октябрьской, А.М. Сагалаева, М.С. Усманова). В ряде же случаев для реконструкции использовалась формальная логика, основанная на общем понимании принятых в науке культурологических схем представления мифологического пространства. (см. работы А.К. Байбурина, В.Н. Топорова). Хотелось бы заранее оговориться, что понятие «традиционная культура передвижения» - это искусственно созданная нами мозаичная модель. В данной работе речь идет об идеальных образах и структурах, конкретизация которых возможна лишь при условии дальнейших исследований.

I. Отправление в путь-дорогу.

Этап выхода из дома может быть нами охарактеризован как этап отправления коллективом человека (группы лиц) в дальнюю дорогу. После этого каждый уходящий человек переставал быть членом конкретного коллектива, переставал играть в нем свою функциональную роль - он «умирал» для общества. Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская и М.С. Усманова, основываясь на общетюркском материале Южной Сибири, пишут: «Можно предположить, что вообще отправление в путь в традиционном мировоззрении выступает метафорой ухода в иной мир, мир смерти». Для обеспечения благополучного возвращения в «этот мир» - «последующего оживления» необходимо было уже на данном этапе соблюсти значительный комплекс обрядовых действий, количество которых напрямую зависело от тяжести, опасности предстоящего пути. Осуществление этой суммы знаний в присутствии и при участии всего коллектива, для осуществления замыслов которого отправлялся в дорогу человек, привело к тому, что данный комплекс обрядовых и магических действий сохранился до настоящего времени у целого ряда народов, изученных вышеупомянутыми учеными, а также у казахов Омской области.

1. «Выбор дня пути».

Первоначально перед отправлением человека в путь

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

необходимо было определить день предстоящего отъезда. И здесь у казахов (также как у представителей других народов) вступал в силу целый ряд запретов на выезд в определенные дни. Считалось, что выезд в путь нельзя совершать во вторник (сейсенбі). Вторник традиционно для казахов день тяжелый, невезучий. Это представление распространено достаточно широко в среде казахского населения и не только на территории Омской области. Аналогичные сведения были получены казахскими исследователями в результате работ Павлодарской (1961 г.) и Алма-Атинской (1975 г.) этнографических экспедиций. Причина такого выделения вторника в неблагоприятный день не ясна, и информаторами никак не объяснялась. Нет какой-либо информации о времени принятия казахами современного календаря с понедельным делением на 7 дней. В консультациях со специалистами (И.В. Захаровой, Ш.К. Ахметовой) было выяснено, что в древности казахи использовали лунный календарь. Возможно, с традицией использования лунного календаря как-то связано и представление казахов о других неблагоприятных для выезда в дальнюю дорогу днях. Неблагоприятными для отъезда днями традиционно считаются 9, 19, 29 число каждого месяца. Особенno опасным для путешествия считается 29 число. Причину, объяснение данных запретов сами информаторы пояснить

не могут. Семантика данного числа не рассмотрена в научной литературе. Наиболее представительная информация по этому вопросу имеется в «Комментариях» к первому тому собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова: «Число 9, по древним народным верованиям, считалось священным у многих народов и символизировало полноту возмездия или дара». Собственно в мусульманской традиции число 9 особенно не выделяется.

2. «Обрядовые действия при подготовке к путешествию» (за день до отправления).

После того, как день отправления в дорогу был определен, за день до отъезда начинали совершать комплекс ритуальных действий, имеющий общее название «саадака» (садага - жертва, милостыня в «Казахско-русском словаре» Х.Махмудова, Г. Мусабаева). Информаторами садака определяется как пожертвование, подношение, дань перед дальней дорогой нищим, немощным. Уходящий в дорогу раздавал указанным лицам небольшие подарки: мелкие денежные знаки («кто сколько может»), отрез ткани (кездеме), пищу (ас). В ответ на подарки нищие, немощные читали молитву («что-то похожее на молитву»), желали доброго пути. Цель такой раздачи может быть лаконично выражена в следующем изречении информатора: «Когда далеко еду - даю дань нищим, чтобы они за меня молились». Кроме того, в качестве объекта раздачи садака

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АНТРОПОЛОГИЯ: ЗЕРТТЕУЛЕР, ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

обязательно выступал мулла, который в благодарность за подношение читал бата - благопожелание в путь, подкрепленное молитвами. Длительность чтения бата в каждом конкретном случае была разной. Обряд раздачи садака традиционен как для казахского населения Омской области, так и для населения Республики Казахстан. Однако хотелось бы оговориться, что применение обряда садака шире его конкретно рассматриваемого «преддорожного пожертвования». Информаторы утверждают, что строгое соблюдение старых обычаев отправления в дорогу происходит сейчас только в самых важных случаях - на проводах молодого человека в армию, в свадебной обрядности при отправлении невесты в дом жениха. Именно в этих случаях необходимо присутствие как можно большего числа людей, желающих положительной реализации задуманного мероприятия. Вероятно, в разных случаях конкретная цель предстоящего путешествия определяла специфику и качественное наполнение проводимых на этом этапе обрядов. Однако, как нам видится, их форма была общей.

В 2000 г. нам удалось зафиксировать информацию об обряде курмалдык - праздник в честь молодого человека, уходящего служить в армию, «чтобы вернулся живым и здоровым». Непосредственно накануне отправления в доме забивали и готовили 2-3 баранов, собирались все односельчане. Отдельно

усаживали молодых и стариков, «им раздавали деньги, чтобы они в ответ пожелания говорили» (в другом варианте только в конце праздника, перед тем как убирать стол один из стариков читал бата).

3. «Начало движений» (преодоление границ пространства).

На следующее утро все участники курмалдык снова собирались уже непосредственно проводить молодого человека в дорогу. И здесь случалось следующее: «Призывнику вся деревня собирает деньги в дорогу. Перед тем, как призывник уходил, люди давали ему кто сколько может. Это была ему помочь». По сведениям жителей аула Бельсенды-Казах, в день отъезда, пока человек находился в доме, для осуществления удачной дороги было запрещено: выносить из дома сор, вытряхивать что-нибудь; ругаться в доме или с кем-либо в ауле; шить, подшивать одежду в дорогу. Объяснить суть этих запретов сами информаторы не могут. Только в последнем случае информатор пояснил «шить перед дорогой нельзя, потому что на месте пришьешь». Далее человек выходил из дома к транспортному средству. Здесь происходил следующий этап обрядового комплекса. При выходе из дверей дома уходящий давал своим собакам хлеб - «собаки дом охраняют и ждут хозяина». Обязательным действием было чтение молитвы «Бисмилия» собственно человеком, отъезжающим в дорогу в момент

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

непосредственного начала движения на транспортном средстве.

Участник экспедиции 2000 г., исследователь казахов Б.К. Смагулов также говорит о том, что часто в этот момент начала движения говорят: «Ал, кудайга тапсырдым, кудайга тапсырылдым» («Я вверяю остающихся Богу, и сам себя вверяю Богу»). Проецируя конкретную ситуацию на общепринятую мифологическую схему организации пространства, можно заметить, что человек, совершив все необходимые ритуалы в доме, возле дома, затем с молитвой отправляется в путь. Попробуем обозначить конкретные границы мифоэтического пространства в казахском мировоззрении. Удачей работы экспедиции 2000 г. было выявление следующей информации: «40 шагов выйдешь из дома (аула), брось правой рукой в правую сторону (не на дорогу) монеты» (в одном случае четко указано число монет - семь). Другая информация: «От дома расстояние 40 шагов - это еще дом, а дальше все, считается дальняя дорога».

Таким образом, на основании периодически повторяющегося этнографического материала можно предположить - граница с «хаосом» находится в некоторой точке - «40 шагах от дома». С другой стороны, можно со значительной долей уверенности утверждать, что в традиционном казахском мировоззрении наиболее обустроенным, освоенным,

структурированным пространством (как и у многих других народов) является дом. Его границей традиционно выступают двери. Вспомним сам факт осуществления обряда кормления собак: «Собаки дом охраняют и ждут хозяина». Что же посередине, между двумя границами? Мы рискнем предположить - еще один уровень мирового строения – «переходное, промежуточное» пространство, наделенное чертами как «обустроенного пространства», так и «хаоса». Внутреннее содержание данного пространства напрямую вытекает из его свойств переходности. Применительно к отъезжающему в путь человеку удачное прохождение этого «переходного» участка напрямую просеивалось на результативность последующего пути. Если уже на этой территории путник получал неблагоприятные знаки, то дальнейшее его передвижение в «хаосе» могло быть гибельным. В ауле Бельсанды-Казахнами были зафиксированы следующие приметы: дорогу уходящему человеку не должны были пересечь - женщина, пожилой человек, черная кошка; на пути уходящего человека не должен было быть встречного с пустым ведром или любой другой пустой емкостью; плохой приметой считалось вернуться с дороги в дом за чем-либо. В случае совершения вышеперечисленных неблагоприятных примет лучше было вернуться домой. Вероятно, в более далекие времена так и поступали. На этом этапе также достаточно хорошо прослеживается

участие коллектива в организации благоприятных предзнаменований предстоящего пути. С одной стороны, в результате предшествующего проведения комплекса садака и, например, курмалдық практически все население аула узнавало о предстоящем отъезде тех или иных людей. С другой стороны, все также знали о неблагоприятных приметах и старались не допустить их по своей вине.

Необходимо заметить, что и в настоящее время казахские женщины и пожилые люди стараются не переходить дорогу уезжающим мужчинам; останавливаются и ждут пока он (они) проедут. Люди, идущие с пустыми ведрами, увидев отъезжающих, сворачивают в сторону. Все встречавшиеся в ауле на пути отъезжающих говорят им благопожелания. Например, «Бар, жолын болсын!» - «Иди, твоя дорога пусть будет!».

По информации Б.К. Смагулова, у казахов есть представление о некоем покровителе людей, находящихся в пути. Этого покровителя обозначают словом «кыдыр». В связи с этим казахи напутствуют отъезжающего в путь человека словами: «Жолдасын кыдыр болсын!» («Пусть твоим спутником будет кыдыр!»). Хызыра (кыдыра) мы встречаем в народных представлениях турок, где он выступает в виде странствующего по земле благочестивого старца, дающего счастье и богатство

каждому, кто увидит его. Хызыр был покровителем путешественников, указывал им дорогу. В то же время участники экспедиции фиксировали у населения аула Бельсенды-Казах целый ряд действий, направленных на нейтрализацию недобрых предзнаменований. По сведениям информаторов, в случае, если дорогу переходила кошка, пожилой человек, женщина или навстречу шел кто-нибудь с пустым ведром, необходимо было бросить на дорогу денежку. Если денег не было, то необходимо было бросить на дорогу что-нибудь («даже брелок для ключей»). Возможен был и другой вариант действия: необходимо было переплюнуть через правое плечо и сказать: «Алла сактасын» («Упаси Бог»). В другом случае, когда необходимо было все-таки выехать в неблагоприятный день месяца - 9, 19, 29 числа, также проделывали вышеописанную операцию «по дороге от дома». Один из информаторов дал нам объяснение такой необходимости: «При отъезде нужно бросить на дорогу дорожную жертву - горсть мелочи. Это тоже садака. Путешественник надеется на Бога, перед которым нищие замолвят слово за него, когда найдут деньги, обрадуются этому и помолятся». Такое объяснение вполне укладывается в контекст общего понимания садака. Однако возникает подозрение, что перед нами элемент более древней общетюркской мировоззренческой схемы мира, выраженной как жертва

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

духам в обрядах у народов Алтая, Восточной Сибири.

II. «в хаос».

Мы наблюдаем, как путешественники «пересекли последнюю границу», «погрузились в хаос», «умерли для коллектива». В данной последовательности особый интерес представляет изоморфизм двух мифологических моделей: отправления человека в путь и погребального обряда. Поэтому, чтобы одна мифологическая модель не перешла в другую, С.Н. Соломатина, на материалах западных тувинцев, говорит о традиционной необходимости предоставления путнику возможности, «удаляясь, следовать в едином жизненном потоке со своими домочадцами...».

1. На материалах казахского населения мы четко можем говорить о существовании целого ряда запретов для остающихся «домочадцев». После отъезда путешественника, в течение как минимум дня, нельзя было прибираться в доме, вытряхивать сор из дома (в настоящее время - запрещено мыть пол), белить дом. Сами информаторы не могут объяснить причину этих запретов. Мы предполагаем, что эти, разнородные на первый взгляд, запреты объединены четким осознанием опасности для отезжающего человека изменения упорядоченного пространства дома. Именно дома, как наиболее освоенного, структурированного пространства. Таким объяснением этих запретов мы присоединяемся к

вышеозначенному более емкому тезису С.Н. Соломатиной.

Массовый переход к полуоседлости и связанное с ним строительство домов у казахов, возникновение постоянных поселений, относится ко второй половине XIX века. К 1928 г. О.М. Бронникова определяет для казахского населения Омской области окончательное сложение нового типа поселений (круглогодично стационарного) в условиях оседлого скотоводческо-земледельческого хозяйства. Поэтому запрет на «мытье пола», ставший к концу XX века у казахского населения повсеместным, - вероятно позднее заимствование аналогичного русского обряда. Однако с другой стороны можно предположить, что перед нами изменение общей формы запрета, при сохранении традиционного его содержания, состоявшего в запрещении изменений элементов пространства дома. Хотелось бы отметить еще одну важную для нас деталь: указанные запреты действовали на протяжении как минимум одного дня - дня движения путешественника. Мы же знаем, что традиционно предстоящая дорога считалась дальней – «калыс жол», если в пути путешественнику приходилось заночевать. День пути являлся и мерой длины пути, и мерой «дальней» и «ближней» дорог. В этой ситуации можно предположить, что через день прекращается необходимость и (или) возможность «сохранения

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АНТРОПОЛОГИЯ: ЗЕРТТЕУЛЕР, ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

единого жизненного потока» между путешествующими и остающимися.

Еще одной традиционной мерой длины пути для казахов Омской области, Республики Казахстан, а также многих тюркоязычных народов Южной Сибири является «шакырым» (расстояние слышимости громкого крика человека равное приблизительно 1 км). Все информаторы утверждают, что раньше во время движения в дороге обязательно и часто пели песни: «Идет человек долго по дороге и песню поет - самому голодно, а душе сытно». В настоящее время поют как традиционные песни на казахском языке, так и популярные эстрадные «произведения» на русском языке. Почему человек в дороге песни поет? Наверняка ответ на этот вопрос для многих народов мира лежит в области психофизиологии человеческого организма. Известно, что ритмическое пение помогает в работе, облегчает ее. Хотя отдельные исследователи говорят и о том, что песня несла в себе магическую, обереговую функцию: «В старину веровали, что песня снимает чары с человека и животных».

2. «Остановки в пути, этикет гостя».

В дороге делали остановки. Одной из причин остановок была необходимость осуществления человеком, транспортным животным жизненно необходимых физиологических потребностей. В их число входили и входят краткосрочный

отдых в течение дня, прием пищи, сон. По словам информаторов, время обеда узнавали по собственной тени от солнца: «старик знает время стоя». При долговременном использовании населением определенных маршрутов передвижения, места подобных остановок становились традиционными – «их знают даже лошади».

На относительно плотно заселенной в конце XIX - начале XX в. территории современного Горьковского района Омской области местами для отдыха в дороге казахского населения становились дома родственников и знакомых в населенных пунктах, встречаемых по дороге. Тесные родственные связи среди казахов строго поддерживаются и в настоящее время. Именно поэтому остановка в пути не обязательно определялась физиологическими потребностями человека или транспортного животного. По нормам традиционной культуры передвижения казахов, зафиксированным на территории Казахстана, если путник, проезжая мимо аула, не заедет к родственникам или родственникам родственников, это воспринималось как выражение недружелюбия или даже оскорблений. Такие нормы традиционной культуры передвижения существовали и на территории Омского Прииртышья. Большое значение люди всегда отводили выбору места ночевки. У казахов Горьковского района местом для ночевки в дороге также

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

обычно становился дом одного из родственников или знакомых. При подъезде к какому-либо населенному пункту путешественник соблюдал определенные правила поведения. В XIX веке «всадник, приближаясь к аулу, за 1-2 км должен был прекратить быструю езду, слезть с коня и вести его на поводу, подходя к жилищу». В традиционную культуру передвижения составляющей частью входит этикет гостя, который для казахского населения является традиционным. И здесь обязательный и принудительный характер имеет трапеза, от которой гость не может отказаться, чтобы не обидеть хозяев: «приезжие как зашли в дом (в гости), надо обязательно чай попить на новом месте».

Ш.К. Ахметова в своем исследовании пишет: «Кочевая жизнь предков казахов воспитала в них убеждение, если гость примет угождение, то хозяина ждет благополучие. Специальной посуды для гостей не было. Давали ту, что используется повседневно. Признаком неприязни считается, если зашедший в дом отказывается от угощения. В этих случаях традиционным этикетом предписано «ауыз тию», что означает «взять в рот», то есть хотя бы попробовать кусочек хлеба с маслом». В ауле Бельсенды-Казах Горьковского района Омской области нами зафиксированы сведения о том, что кроме дома родственников или знакомых, в крайнем случае, в

качестве места для ночевки можно использовать мусульманское кладбище: «Возле него безопасно. Шайтан не тронет, и никто из людей». Такое представление широко распространено на территории Казахстана. Г.Е. Тайжанов связывает такой обычай с развитым у казахов культом предков. В любом случае, проезжая мимо мусульманского кладбища, путник должен был остановиться, слезть с коня или замедлить движение для того, чтобы прочитать молитву. Этот обычай также был широко распространен среди казахского населения. В ауле Бельсенды-Казах в настоящее время его соблюдают только представители старшего поколения и, особенно, религиозные люди.

3. «Опасности в пути».

В дороге опасались «чужого человека». По устной информации И.В. Захаровой, казахи считали, что от любого чужого человека (независимо от национальной принадлежности), в силу именно его чуждости, можно ждать всего нехорошего. Нами фиксировались сведения о разбое и убийствах на дорогах людей в 1910-1930-х гг. Поэтому для осуществления безопасности путешественники зачастую выезжали значительным числом человек или обозами (5-6 телег или саней). В дороге в качестве оружия могли использовать всегда подручные на арбе (телеге), шана (санях) - вилы, топор, нож, палку. «Ружей было мало у простых людей». Кроме вполне материализованных

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АНТРОПОЛОГИЯ: ЗЕРТТЕУЛЕР, ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

опасностей на дороге можно было встретить неприятности другого характера. На дорогах существовали и существуют «плохие» места, которые чаще всего связывали с присутствием «нечистой силы». При проезде через такое место человек обязательно должен был прочитать молитву. Участникам экспедиции 2000 г. в ауле Бельсенды-Казах удалось зафиксировать и посетить одно такое «плохое» место. Оно находится в западном конце деревни на Зеленой (более молодой по времени застройки) улице. По информации местного муллы, «там у дороги лежит черт - ушастая красная собака со щенком. Он все заразы таскал. Поэтому, проезжая там, надо помолиться». Интересно, что за черта («шайтана») там увидел мулла, который приезжал в аул несколько лет назад из городской мечети? Данный пример также наглядно показывает один из механизмов возникновения и фиксации в коллективной памяти таких «плохих» мест. Однако возникали эти «плохие» места не на пустом месте. По многочисленным данным информаторов, место действительно было «некорошим», потому что «бывало, там люди замерзали», «если ночью в ту сторону идти, то заблудишься».

Севернее аула Бельсенды-Казах, в районе бывшего населенного пункта Рогозинки, вышеупомянутый мулла определил еще одно местонахождение нечисти, «которую надо вывести». О давнем наличии там непонятных явлений также говорят информаторы:

«Мужики наши рассказывали, что когда пашут там, иногда за спиной старик подходил и спрашивал: «Сколько времени?». А когда они оборачивались, чтобы ответить, то никого не было». Таким образом, регулярное проявление в определенной точке местности (в том числе и на дороге) плохих, странных, непонятных вещей (количественное накопление) приводит к закреплению за таким местом значения «плохого» места (качественная его трансформация). Кроме таких опасных «стационаров» путник в любое время, в любом месте мог встретить «шайтана», встреча с которым напрямую связывается с возможностью для путника в дальнейшем заболеть: «болезнь проявляется в различной форме. Шайтан может быть и в виде маленькой девочки с распущенными волосами. Стоит у дороги и копеек просит. Надо дать. Если не дать, то шайтан бесится. Лучше дать, но бояться его нельзя». В этой информации четко говорится о тактике поведения при встрече с шайтаном. Кроме того, еще более четко в качестве абсолютного апотропея от опасностей в пути выступают монеты.

4. «Духи - хозяева мест».

В общетюркской картине мира неосвоенное пространство («хаос») было населено многочисленными анимистическими существами, главным образом – «хозяевами» определенных мест. В 1874 г. в своей работе «Русское царство. Приаральский край (киргизские степи и Туркестанский край)» Завадский-

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

Краснопольский писал: «Однообразие степной природы способствовало почитанию кочевниками предметов, которые как-то выделялись на фоне изменчивого ландшафта. Одинокое дерево, огромный камень, небольшой источник вызывали у них неподдельное чувство восхищения. Обитающему здесь духу проезжающие мимо казахи обязательно оставляли символическую жертву - полоски ткани, конский волос и т.п.». Об этом же феномене писали в свое время Ч.Ч. Валиханов, Ю.Г. Петраш, З.Е. Кабульдинов, упоминая и о предпочтительности ночевок вблизи мест обитания духов. Обрядов, связанных с почитанием казахами аула Бельсенды-Казах «хозяев определенных мест», нами не было зафиксировано. Смена в 1880-х гг. традиционной территории расселения этой группы казахского населения и соответственная смена природно-географических условий проживания привели к тому, что на новой территории (современный Горьковский район Омской области) исторически не успели сложиться в значительном числе такие места обитания «духов-хозяев». Информация по этому вопросов у казахов других районов современной Омской области отсутствует.

У тюркоязычных народов Сибири места обитания «духов-хозяев» связывались и с традиционными местами преодоления (бродами, переправами, гатями, мостами) каких-либо преград (рек, гор, лесов, болот и т. д.). Перед преодолением преград духам

совершалось жертвоприношение. На территории же междууречья рр. Иртыша и Оми такие препятствия отсутствуют. Ландшафт этого региона «представлен сложными сочетаниями разнотравно-злаковых луговых степей на лугово-черноземных почвах с луговыми солонцами, березовыми колками на сололях, низинными болотами, займищами и озерами». Своеобразие ландшафта определяло отсутствие густой речной сети (в нашем случае отсутствие преград). Мост - как дорожное искусственное сооружение в данной местности явление достаточно позднее (конец 1920-х - 1930-е гг.) и традиционным для казахов в данной местности не является. Поэтому традиции «заселения» мостов и переправ «духами-хозяевами», в условиях общей антирелигиозной политики Советского правительства, у казахов Горьковского района не сложилось.

5. «Обряды на месте прибытия».

Пока можно только предполагать, что существовали какие-то обрядовые действия, совершаемые по прибытии на место, где предполагалось достичнуть задачи путешествия. Реализация задуманной задачи также, по всей видимости, должна была сопровождаться комплексом ритуалов, зависящих от цели маршрута (продажа / покупка продукции, сватовство, погребение умершего родственника и т.д.). Сведения об этих ритуалах можно найти в специальной научной литературе, посвященной свадебному,

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АНТРОПОЛОГИЯ: ЗЕРТТЕУЛЕР, ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

погребальному и другим обрядам, и в рамках данной работы рассматриваться не будут по причине своей множественности и специфичности.

Обратный путь, по всей видимости, совершался главным образом по всем вышеупомянутым правилам передвижения в «неорганизованном пространстве». Необходимо только понимать, что в этом случае человек покидал не свой упорядоченный «космос» - «дом», а временное место, которое он определенное время занимал в чужеродном «хаосе».

III. «Этап возвращения».

Последним этапом традиционной культуры передвижения человека являлся этап возвращения домой. Здесь человек образно говоря «воскресал» для общества (коллектива), из которого он ранее удалился. На этом этапе происходил обратный «переход» всех горизонтальных границ мифологического пространства. При осуществлении этого перехода у многих народов в древности существовал жестко регламентированный комплекс обрядов, смысл которых сводится: а) к благодарению всех, кто поддерживал путника в дороге (оставшихся «домочадцев», духов предков, живых родственников в других населенных пунктах; б) очищению путника от влияния «неорганизованного пространства»; в) недопущению прорыва элементов «хаоса» в «космос». Только после

проведения целого комплекса сложных обрядов происходило «принятие» человека в коллектив.

В пользу такого утверждения говорят немногочисленные сохранившиеся свидетельства. Ранее мы упоминали об обычая спешивания всадника при подъезде на 1-2 км к аулу и дальнейшее его медленное движение пешком.

У казахов аула Бельсанды-Казахами зафиксирован только один обряд этапа «возвращения» - праздник «той», на который раньше приглашались все жители аула. В настоящее время стариков, как правило, на этот праздник не приглашают. Пришедший с дальней дороги или его родственники собирают молодежь и лиц среднего возраста для совместного застолья. Аналогичное явление зафиксировано у казахского населения других районов Омской области.

Таким образом, в данной работе мы попытались реконструировать в последовательном проявлении сумму народных знаний, направленную на обеспечение достижения цели путешествия, отправляющегося в путь человека, обозначив ее термином «традиционная культура передвижения» населения. В это же понятие входит анализ конкретных природно-географических условий региона, которые мы кратко рассмотрели, а также изучение системы сухопутных коммуникаций, используемых населением для передвижения. Эта

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

последняя составляющая «традиционной культуры передвижения» не рассматривалась нами по причине своей достаточной глобальности.

На основании проведенного исследования можно утверждать, что со временем, у казахов, как и у многих других народов, включенных в свое время в техногенную цивилизацию, произошло некоторое атрофирование традиционной культуры передвижения. Эти изменения связаны с постепенной трансформацией представлений о структуре мифологического пространства. Окружающее пространство (мир) посредством литературы, средств массовой информации, телевидения познается человеком все больше (интенсивнее и экстенсивнее). При этом постепенно утрачивается одна мифологическая его картина, присущая традиционному обществу, и принимается другая, присущая современной техногенной цивилизации. Установлено, что некоторые элементы мифологической картины традиционного общества утрачиваются быстрее, сохраняются наиболее важные. В начале XXI века в традиционной культуре передвижения, как культурно-историческом феномене, закономерно, на наш взгляд, сохраняются элементы первого ее этапа (этапа выхода из дома). Обряды других стадий постепенно стираются в памяти населения.

Кроме этого естественного видоизменения и угасания традиционной культуры передвижения как культурно-исторического феномена, традиционная

культура передвижения групп казахского населения, массово пришедших в XIX в. на территорию Западной Сибири, подверглась значительному изменению и по другим причинам. По мнению Н.А. Томилова и О.М. Бронниковой, «в конце XIX - начале XX в. в хозяйстве и культуре казахов Западной Сибири складывается ряд специфических локальных черт, возникших в результате природно-географических, исторических сложившихся социально-экономических условий и под влиянием окружающего иноэтнического населения, главным образом русского и татарского, что дает право говорить о формировании на этой основе особой западносибирской этнографической группы казахского народа».

На материале «традиционной культуры передвижения» казахского населения мы также можем наглядно проследить такое иноэтническое влияние. Во-первых, это может быть связано с переходом казахского населения на полукочевое, а затем на оседлое к 1928 г. (на территории Омской области) существование. Восприятие казахским населением отдельных элементов русской, татарской материальной культуры, таких как стационарное жилище (постройки из дерновых пластов), привели постепенно к существенной смене отдельных элементов мировоззрения и общего представления о картине мира. По этой причине произошла некоторая трансформация ряда обрядовых действий традиционной культуры передвижения казахов. Однако можно

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АНТРОПОЛОГИЯ: ЗЕРТТЕУЛЕР, ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

говорить о том, что часть представленных в данной работе народных знаний западносибирской группы казахского населения, связанных с путешествием, является достаточно древней по своему происхождению и традиционной для всего казахского народа.

По мнению авторов, часть обрядовых действий казахи переняли от татарского населения, или под влиянием трансформировали имевшиеся. Как нам кажется, это в большей степени связано с мусульманским пластом духовной культуры казахов. Исследователями неоднократно упоминалось, что в XIX в. муллами у казахов назначались татары. Вероятно, именно они привнесли в традиционную казахскую культуру передвижения целый ряд обрядов, связанных с начальными этапами ухода человека в дальнюю дорогу (комплекс обрядовых действий садака). Хотя возможно дело ограничилось только некоторой трансформацией объектов раздачи.

Поэтому хронологически о традиционности представленной выше «традиционной культуры передвижения» казахского населения можно говорить только в пределах конца XIX - середины XX вв. Хотя, как уже упоминалось выше, значительный ряд обрядовых действий несет на себе традиционные знания более раннего периода.

В результате написания работ нами невольно была предпринята

попытка выяснения традиционного устройства мира (мифологического пространства) в представлении казахского населения. Четкого понимания трехуровневого деления пространства: «дом» - «частично организованное, переходное пространство» - «дезорганизованное пространство (хаос)» в космологии казахов, конечно же, не зафиксировано. Это наша модель, которая основывается пока на небольшом количестве фактического материала. Она была создана для структурирования всего комплекса обрядовых действий, связанных с пониманием казахским населением мотивов дальнего пути, отправления человека в дорогу, правил поведения в дороге.

В перспективе - дальнейшее выявление и изучение подобных обрядовых действий у казахов Омской области, а также остальных групп населения Среднего Прииртышья. Сравнение обрядов такого характера позволит, как нам кажется, выявить как особенности традиционной культуры передвижения населения, мировосприятия каждой отдельной этнической группой окружающего ее пространства (в том числе и через традиционное понимание дороги), так и общие, глубинные мировоззренческие основы, присущие древнему человеческому коллективу.

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова А.А., Матвеев А.В. «Юл-хаир» и другие традиционные обряды отправления человека в дальнюю дорогу у тарских татар // Сибирская деревня: история, современное состояние перспективы развития: Сборник научных трудов третьей всероссийской научно-практической конференции. - Омск, - С. 141-143.
2. Валиханов Ч.Ч. Дневник поездки на Иссык-куль 1856 г. // Валиханов Ч.Ч. Соб. соч. , 1984. - Т. 1. -С. 306 – 358.
3. Виноградова Л.Н. Мотив «прихода издалека» в обходной обрядовой поэзии славян // Структура текста - 81: Тезисы симпозиума. - М., 1981. - С. 68-69.
4. Диваев А.А. Приметы киргиз во время путешествия // Записки ЗСОИРГО по отд. Этнография. Сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина. - СПб., 1909. - Т. XXXIV. - С. 483-488.
5. Дэвлет М.А. Образ пути-дороги в наскальном искусстве Сибири и Центральной Азии.//Исторический ежегодник.Специальный выпуск. - Омск, 2000. - С. 76-83.
6. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и времена. Вещный мир. - Новосибирск, 1988. - 224 с.
7. Марр Н.Я. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (к увязке языкоznания с историей материальной культуры) // Избранные работы. Язык и общество. - М., 1934. - Т. 3. - С. 123-151.
8. Матвеев А.В. Жилище - дверь - двор - ворота в горизонтальной структуре мифологического пространства русских XIX - первой половины XX в. (по материалам Омского Прииртышья) // Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей. - Омск, 2001. - С. 131-136.
9. Матвеев А.В. К вопросу о запрете у казахов выезжать в дальнюю, важную дорогу 9, 19, 29-го числа каждого месяца // Материалы научной молодежной конференции “Молодые ученые на рубеже третьего тысячелетия”, посвященной 70-летию со дня рождения академика В.А. Коптюга. - Омск, 2001. - С. 44-46.
10. Матвеев А.В. Материальные элементы традиционной культуры передвижения казахов современного Горьковского района Омской области в конце XIX - первой половине XX вв.//Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII - XX вв.): II международная научная конференция: Тезисы докладов и сообщений. - Омск, 2001. - С. 176-179.
11. Матвеев А.В. Народные знания при выборе дня пути в традиционной культуре передвижения славянского населения Среднего Прииртышья конца XIX - первой половины XX вв. // Исторический ежегодник. - Омск, 2001. - С. 235-239.
12. Матвеев А.В. Переправы через р. Иртыш в свете изучения Сибирских оборонительных линий XVIII в. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. - Томск, 2001. - С. 52-54.
13. Матвеев А.В. Программа по изучению элементов традиционной системы коммуникаций населения // Вопросники и программы по этноархеологии и этнографии для участников археологических и этнографических экспедиций и студенческих практик: Учебно-методическое пособие. - Омск, 2002. - С. 22-32.
14. Матвеев А.В. Традиционная культура путешествия. Общие вопросы // Народная культура Сибири: Материалы X научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. - Омск, 2001. - С. 225-230.
15. Матвеев А.В., Михалева Т.В. Традиционная культура передвижения человека (на примере этнографической группы казахов Омской области). Отправление в дорогу//Культурологические исследования в Сибири. - Омск, 2001. - №1. - С. 138-143.
16. Матвеев А.В., Михалева Т.В. Традиционная культура передвижения

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АНТРОПОЛОГИЯ: ЗЕРТТЕУЛЕР, ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

- человека (на примере этнографической группы казахов Омской области). «Дорога в хаосе», «Возвращение»// Культурологические исследования в Сибири. - Омск, 2001. - №2 (6). - С. 117-125.
17. Невская Л.Г. Дорога в погребальном обряде (литовские и русские параллельные тексты) // Этнолингвистические Балто-славянские контакты в настоящем и прошлом / Предварительные материалы конференции. - М., 1978. - С. 104-108.
18. Невская Л.Г. Семантика дороги и смежных представлений в погребальном обряде // Структура текста. - М., 1980 - С. 228-239.
19. Новоженов В.А. Колесный транспорт эпохи бронзы Урало-Казахстанских степей. Краткий обзор источников // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Сборник научных трудов (междисциплинарный). - Караганда, 1989. - С. 110-122.
20. Поярков Ф. Из области киргизских верований // Э.О. - Кн. XI. - С. 91-94.
21. Приль Л.П. Староверы: пространство, путь, дорога// III Сибирский симпозиум «Культурное наследие народов Западной Сибири: русские старожилы». - Тобольск, 2000. С.195-197.
22. Путевые записки епископа Никодима. 1870 (От Томска до Тобольска) // Русский архив. - 1903. - № 3. - С. 390-420.
23. Радищев А.Н. Записки путешествия в Сибирь // Радищев А.Н. Избранные сочинения. - М.; Л., 1949.
24. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Духи и души в традициях народного ислама Сибири (к изучению религиозного синкретизма в малых локальных культурных комплексах) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. - Омск, 2001. - С. 229-236.
25. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Предметы хозяйства и средства передвижения сибирских татар в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета // Хозяйство и средство передвижения сибирских татар в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. - Новосибирск, 1999. - С. 60-67.
26. Синаи М. На великом Шелковом пути. Встречи на земле казахов. - М., 2000. - 158 с.
27. Соломатина С.Н. К мифологии пути у западных тувинцев: направление движения // Традиционные верования в современной культуре этносов. - СПб., 1993.
28. Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира: Энциклопедия. - М., 1992. - Т. 2. - С. 340-342.
29. Топоров В.Н. Путь // Мифы народов мира: Энциклопедия. - М., 1992. - Т. 2. - С. 352-353.
30. Фаворов Б.П. Челны каменного века // Судостроение.- Л., 1977 - №1 - С. 61-62.
31. Худяков Ю.С. Торговые пути, связывавшие Южную Сибирь и “Великий шелковый путь” // Кузнецкая старина. - Новокузнецк, 1999. -Выпуск. 4. - С. - 72-81.
32. Чистяков В. А. Представление о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях XIX-XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор.-М., - 1982. - С. 114-127.
33. Шухов И.Н. Оружие западносибирских ямщиков // Омская область. - 1940. - №3 (март) - С. 79.
34. Щепанская Т.Б. Культура дороги на Русском Севере. Странник // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. - СПб., 1992. - С. 102-127.
35. Юшков И. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости: - 1861. - № 45. - С. 367, 370, 570.
36. Ярзуткина (Абрамова) А.А., Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Хазыр Илиас в Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. - Омск - Ханты-Мансийск, 2002. - С. 253-257.
37. Ягмин А. Киргиз-кайсацкие степи и их жители. - Спб., 1845. - 77с.

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

Ж.О. АРТЫҚБАЕВ

ӘОЖ 81'373,21

Л.Н. Гумилев атындағы ЕҮУ,
Астана қ.

ҰЛЫ ЕРТІС ЖАҒАЛАУЫНДАҒЫ ҚИМАҚ ДӘУІРІНІҢ ТОПОНИМДЕРІ

*Автор в своей статье раскрывает древнее
происхождение некоторых топонимов Среднего
Прииртышья.*

*The author in the article opens an ancient origin of some
toponyms Great Priirtyshja.*

Ертіс өзенің көнежәне ортағасырлық тарихтың алтын қазынасы сияқты. Ұлы өзеннің бойындағы кез келген жерді байыптаң қарасаңыз бірнеше мынжылдық тарихтың ізін көресіз. Ол бір жағынан Ертіс бойында жиі кездесетін ірі аңдардың сүйек қаңқаларынан - палеонтологиялық қалдықтардан басталып қимақ дәуіріндегі қоныс - жай, қорым-қорғандарда жалғасын табады. Көктем уақытында су көтеріліп, Ертіс жарқабағы опырыла бастаса ірі андар мен балықтардың іздері, белгілері шығып жатады. Бұл көзге көрініп, қолмен ұсталатын ескерткіштер, ал Ертіс бойында бұдан да ғажап дүниелер бар. Олар Ертіс бойында сакталған көнө жер-су атаулары. Ресей патшалары мен Кеңестің тексіз жүйесі қанша курессе де жоғалта алмаған топонимиялық атаулар нағыз ескерткіштің өзі. Бұғынгі күні тарихи зердесі өсіп, азаматтық қоғамға қарай қадам басқан қазақ зиялық қауымы Ертіс бойындағы тарихи жер-су атауларына аса жауаптылықпен қарауы керек-ақ. Олардың көпшілігі кемі бір

мың жылдық оқиғалардың күесі. Осынау зор байлықты аяқта таптап өзінің әлде бір амбицияларына бола өзгертіп жатқан азаматтарға қарап қарының ашады. Ертіс дариясы бойындағы жер-су атаулары туралы біз аз жазып жүргеніміз жоқ. Осы мақала Орта Ертіс жағалауындағы жер-су атауларының тарихы мен мағынасын анықтауға арналған.

Железен атавы қимақ кезеңіне қатысты ма ?

2006-шы экспедициялық зерттеу барысында анықтағанымыз жергілікті қариялар осы ауданды және елді мекенді «Железен» деп атағанды дұрыс көреді. Бірнеше қайтарып сұралық, бұрыннан бергі аты «Железен» дейді. Осы сөзде сіз бен біз білмейтін бір сыр бар екенін содан – ақ сезесін. Әйтпесе көзіргі колда бар ғылыми және көпшілік әдебиет бұл атауды 1717 жылы Ертістің осы түсында бекініс салған подполковник И. Ступинмен тікелей байланыстырып қойған. Бірсыныра информаторлар И. Ступин салған бекіністің сыртқы шарбағы темірден болған – мыс дейді.

Ж.О. АРТЫҚБАЕВ

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АНТРОПОЛОГИЯ: ЗЕРТТЕУЛЕР, ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

Біздің деректерге қарағанда бір жағы Балтық теңізіне, екінші жағы Қара теңізге шықпақ болып жатқан Ресей мемлекетінің ол кезде Ертіс бойында темірден шарбак орнатуға хәлі келмеген сияқты. Тіпті Бухгольцтің экспедициясы да ең алдымен Шығыстың алтынын алуға аттанған. Себебі соғыс қаржысызың журғізілмейді.

1697- ші жылғы Ремезов картасында Ертіске сол жағынан, яғни қырдан келіп құятын Железинка өзені көрсетілген: «р. Железинка течет из степи». Шын мәнінде Железинка өзені Ертістің ішкі саласы және ол Ертіске Железинка ауылына жетпей қосылады. Жобамен айтсақ бұл өзенше Боброво (Құндызың қала) ауылына жақын тұстан басталып Пятирыжск маңында негізгі арнамен қосылады. Олай болса Железинка ауылын бұл өзеншің арасы кем дегенде отыз шақырым болып қалады. Бірақ бұл өзеншешің аты көзіргі Железинка ауылына ат беру мүмкіндігін біз жоққа шығара алмаймыз. Екіншіден ерте заманда бұл өзеншешің бастауы қыр жақта болуы да мүмкін. Кім біледі!? Бірақ дәл көзір Железинка өзені ұлы Ертістің жәйғана бір саласы, қарапайым, кішкеңғана өзен. Соңғы 200-300 жылда Ертіс арнасында көзге түсерлік өзгеріс болмаған. Егер ондай өзгерістер болса ол орта ғасырларға тән деп ойлаймыз. Себебі біз көрген қимақ қалалары көзір Ертістен ондаған шақырым қырда жатыр. Олардың кейбіреуі көлдердің жағасында орналасқан сияқты. Ол заманда Ертістің өн бойында Зайсан көліндегі бірнеше көл болғанға үқсайды.

Железинка өзені мен бекініс арасының алшактығына бірінші рет көніл аударған XVIII ғасырдың 30-шы жылдары Ертіс өңірінде зерттеулер жүргізген Г.Ф. Миллер болатын. Ол біріншіден бұл бекіністің не себептен Железинка атанғаны түсініксіз дейді, екіншіден бекіністі орнатқан казак Свиерский дейді, үшіншіден бұл жердің ертеден Железинка аталатынын жазады. Г.Ф. Миллердің таяуда жарияланған (Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера //История Сибири. Первоисточники. VI выпуск. Новосибирск, 1996) жолжазбаларында бұл жер «Жезен» атымен жүр: «Остров Жезенский, в $\frac{1}{2}$ версты ниже Жезенской крепости, рядом с западным берегом, длиной в $\frac{1}{2}$ версты. Жезенская крепость, на восточном берегу, недалеко от верхнего устья старого рукава реки, который в 10 верстах снова впадает в Иртыш...»

1770-ші жылдары бекіністе болған П.С. Паллас бұл мәселеге терең көніл аудармағанға үқсайды. Ол ешқандай да күмәнсіз өзіне дейін қалыптасып қалған пікірді қайталайды. Міне осылай бір гипотеза қайталана бере шындық ретінде қабылданып кетеді: «Железинская крепость получила свое название от ручья сим именем называемого, текущего с киргизской стороны в Иртыш». Бұғынгі күнгі зерттеушілердің бәрі де осы жаттанды пікірге сүйенеді.

Біз ең алдымен Железинка атын «Темір қала», «Темір қаш» т. б. қазақша терминдерден іздел көрдік. Біріншісі бертінгі аудармаға үқсайды, яғни орыс

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

тілінде қалыптасып қалған бекініс атауын қазақтардың қайта аударғанына келеді. Екіншісінде аздаған мағына бар, себебі «қаш» сөзі көне түрік тілінде «жарқабақ», «жар» деген де мағына береді. Бірақ Ертістің Железинка бекінісі орналасқан тұсын біз көп қарап темір рудасы кездесетін белгілерді таба алмадық. Елді- мекен жалпы бекініске ыңғайлы жерге орналасқан, жардың өзі де корғанысқа жақсы. Ресейліктер XVIII ғасырдың басында Ертіс жағасына қоныс сала бастағанда ең алдымен корғанысты ойлағаны осы Железинкадан көрінеді.

Осыдан кейін біз «Железинка» сөзінің мағынасын қазақтың «Жел өзен» сөзімен байланыстырып көрдік. Мұнда да күмәнді мәселе көп көрінді. Себебі қазакта Желтау, Желтимес т.б. жер атаулары жиі кездеседі, ал Жел өзен жоқ және мағынасы келіспейді. Бірақ түпкілікті түрік ұғымдарын іздестірсе бұл тұспалдан да бірдеме шығуы (мысалы: желді су- жел өзен) мүмкін.

«Древнетюркский словарь» авторлары (В. Наделяев, Д. Насилов, Э. Тенишев, А. Шербак) VII-XIII ғасырлардағы түрік жазба ескерткіштерінде сүйене отырып 20 мың сөзге талдау жасайды. Бұл XIX ғасырда В.В. Радлов бастап кеткен жұмыс өзінің жалғасын С.Е. Маловтан тауып, кейінен осы «Сөздікте» жүйеленіп шыққан. Көне түріктің талдауға түсken жиырма мың сөзінің бірі «жел» бірнеше мағына білдіреді, бұл сөзден өсіп шыққан талай-талай ұғым бар. Мәселен «Жел

бұқа» көне түрік заманында аждаға деген мағына береді. Көне түріктер оны «Жеті басты Жел бұқа» деп атаған. «Жел Тәнірі» деген де, ұғым бар, ол желдің иесі, жел құдіреті деген мағынада. Егер ат жылдамырақ жүрсе біз желіп жүр дейміз, егер бір адам оғаш қылыш көрсетсе біз желік қуып жүр дейміз т.б.

XI ғасырдағы өмір сүрген Махмұд Қашқаридің өзі «жел» деген сөз «самал жел» мағынасын басқа «жын» деген де мағына береді дейді. Бұл жерде қазақтың «аурудың үлкені желден» дейтін сөзін еске алған жөн шығар. Ерте заманда «жел тиді», «жел қарысты» деген мәселелер әр жағында белгісіз, түсініксіз күштердің болуымен түсіндірілсе керек. Желдің ондаған мағынасаның бірі “jel esin” /жел езін/. 840- шы жылы Қырғыз тайпаларынан жеңіліп батыска қарай босқан ұйғыр бітікшілері бірнеше кітаптар шығарған. Осы кітаптарда желді «железен» дейді. IX-XI ғасырларда араб және парсы саяхатшылары мен көпестері Ертіс бойынан керемет өркандеген қалаларды, дамыған су транспортын, айлактарды, сонымен бірге жазу мәдениетін көрген. Атақты Әл-Идрисидің Ертіс бойы туралы жазбалары қимақ (кемек) хақанының баласы Әл-Жаңақтың кітабынан алынғанын автордың өзі мойындаиды. «Железен» сөзінے қатысты екінші бір тұспал нұсқа «желен өзен». Желен сөзі қазақ тілінде қатар-кұрбы деген мағына береді. Осыған байланысты «жігіт-желен» деп те айтылады. Монгол тілінде де осы мағынада қолданылады.

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АНТРОПОЛОГИЯ: ЗЕРТТЕУЛЕР, ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

Менің пікірімше қазақ және монголдың тұрмыс-тіршілігінде қолданылатын «желі» сөзі де /Құлындарды байлайтын ұзын арқан/ қатарлас деген мағынада қолданылады. Ертістің негізгі арнасымен 30 шақырым бойы қатарлас ағып жатқан Железен өзені осы «желі» сөзінен де бастау алуы мүмкін. Міне байырғы заманың бір ескерткіші Железен атауына қатысты пікіріміз осы.

Қашыр атауы туралы.

Ертістің оң жағалауындағы ерте заманнан белгілі жер-су аты -Қашыр. Осы атаудың мағынасын анықтамақ болып біраз қарияларға жолықтық және жергілікті өлкетанушылардың жазғандарын ақтардық. Көкейде жүрген әр түрлі дүдемал сұраптарды біз 2005 жылы 23 маусымда «Сарыарқа самалы» газетінде жарияладық/қараңыз: Кереку жері керемет сырларға толы/: «Қашыр» атына байланысты ел аудында жүрген аңыз- деректер бар ма? Жақында (4 маусым 2005 ж.) «Сарыарқа самалы» газетінде мақала жариялаған екі азамат (Мұбәрәков, Әміржанұлы) «бұл атаудың мағынасына белгісіз, оны Теренқөл атымен ауыстырайық» дейді. «Теренқөл», әрине, қазақша және әдемі атау, осы аттас болыстық 19 ғасырда болғандағы белгілі. Ал біздің қолымыздағы деректе 1616 жылғы осы манда Көшім ханың баласы Есім сұлтанмен бірге Қашыр тайши дегендін аты жүр: «а кочуют де с Ишимом две тайши Салбар да Қашир, а с ними воинских 500 человек». Бұл Қашыр кім болды, ол туралы бір сыйбыс бар ма?

Деректерде Қашыр тайшының мекені «Тас мешіт» делінеді. Ол Майданы жеріндегі Қалбасын ба, әлде Ақтогай ауданының жеріндегі қимақ заманынан қалған құрылыштардың бірі ме? Бізге келіп түсіп жатқан хабарларға қарағанда көне заманың қызыл кірпіштен салынған ғимараттарының орны Ертіс бойының әр жерінен кездесіп қалады.

«Қашыр» атауы 1697 жылы С.У. Ремезов жасаған «Хореографическая чертежная книга» аталатын сирек картада жүр. Ол картада өзеннің сол жағында Қашырға қарама-қарсы «Аллаберді жары» деген жер атауы бар. Одан шығысқа қарай Тұлкі аталатын жарлар, Тұлкі өзені көрсетілген, ол өзен онтүстік- шығыстан ағып келіп Ертіске құйғанға үксаиды. Бар ма осы өзеннің сұлбасы көзіргі уақытта?».

Осы мақалада көтерілген мәселелер әлі де нақты жауабын тапқан жоқ. Дегенмен зерттеу барысында біз тағы да қосымша деректер тапқан сияқтымыз. Олардың шындыққа қаншалықты сөйкес екенін болашақ көрсетіп берер деп ойлаймыз.

Ескі сөздіктерде «Қашыр» атауы дәл осы қалпында кездеспейді. Мысалы, Махмұд Қашқаридың «Түрік тілінің сөздігінде» бұл сөз жоқ, бірақ оның орнында «қаш» сөзінің бір мағынасы «жарқабак» дегенді білдіреді: «Қаш-қас, қабақ, жарқабақ. Бірдеменің шеті, жиегі, жарқабағы. Мысалы- иар қашы- Жардың қабағы. Басқалары да солай» (11, т.3, 212 б.). Менің пікірімше «қашыр» сөзінің түп

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

негізі көне түркітің осы «қаш» атауында жатыр. Енді осы түбірге «ыр» қалай қосылады және журнақ қандай мағына тудырады деген сұраққа келейік.

С. Ремезов картасында «Қашыр» жәй, жеке тұрған жоқ. Картадағы Қашыр атауының жаңындағы «п» әрпі протока дегенді білдіреді. Яғни өзеннің қосалқы саласы, немесе екі судың арасын қосып жатқан өзек. Біздің ойымызша XVII ғасыр соңында жасалған Ремезов картасы Ертіс бойының тарихи рельефиң нақты хабар береді. Егер сіз Павлодардан батысқа қарай аттанып, Ертістің оң қанатымен жүрсөніз, Қашырға жақындаған тұста өзеннің жарқабағаның төмөндеғенін аңғарар едіңіз. Өзеннің оң жағындағы биік жарқабақтарды біз Бесқарағай маңынан, одан бергі Қара қала тұсынан, одан кейін Павлодар қаласының батыс жағынан кездестіреміз. Қалай дегенмен биік жарлар аракідік қана. Қашыр тұсында жағалау жайдак болып келеді де, одан әрі қарай биіктей тұседі. Осморыжск /Тал қала/ және одан әрі Ертістің он жағалауындағы жарлар биіктеп, төмен қараған адамның басы айналатындей, терен қаньондарға айналады.

Екінші бір ескеретін нәрсе Ертіс осы Қашыр тұсында онға қарай-/солтүстікке/ ішкериңелей еніп кетеді. Оның бір белгісі Песchan елді-мекені маңындағы Ертістің ескі, ұлы арнасы. Ертіске жолай кіріп –шығып жататын жүздеген ұсақ өзендерге /салаларға/ қарағанда негізгі арна бірден ерекшеленіп тұрады. Ол үлкен алпауыт жардан,

өзеннің еңдеп аққан өзегінен де көрінеді. Ертістің осы ескі арнасынан да су кейде ернеуінен шығып Песchan ауылының ортасымен жайылады. Бұғінгі күнге дейін бұл ауылдың екіге бөлініп тұру себептерінің бірі осы табиғи фактор.

Енді үшінші мәселе Қашыр маңындағы жердің ерекшелігіне келейік. Ол Қашырауылның жете бере кездесестін терең өзек. Жергілікті халық бұл өзекті Қарасу дейді, яғни көлдің қоқтемде тасыған кезінде өзекке түсіп содан қалып қойған су. Ал шын мәнінде бұрынғы кезеңде Қарасуық атанған Ертістің бір саласы осы өзекшемен өткенге үқсайды. Жергілікті жер танитын қариялар көрші Ресейдің Сібір өлкесіндегі Қарасуық өзені мен Ертістің ішкі саласы Қарасуық арасында ертеде байланыс болған деп есептейді. Ол түгілі су мол жылдары Обы өзені тасып, арнасынан асқан су Ертіске дейін түседі дейтін де пікір бар. Ең алдымен Обы суы Қоржын көлге келіп құяды, одан Ұзын қамыстың құлағы дейтін, көзіргі Ертіс жағасы Қашыр маңына жақын үлкен өзекке жетеді, одан әрі жоғарыда айтылған Қарасу. Жергілікті ел осыған байланысты «речка Качирка» атауын қолданады. Мен осы әнгімелерде бір тарихи шындық, дерек бар деп есептеймін.

Біз бұғінгі күні осыдан жұз-екі жұз жыл бұрын болған географиялық ортадан ажырап қалдық. Оның мысалын әржерде көруге болады. Осыдан бірнеше жыл бұрын Бетпақдаладан Сарысу бойын жағалап өтетін экспедицияға басшылық жасадым. Қазір қарасан адам шошитын шөл дала, аппақ сор, теп-тегіс тақыр.

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АНТРОПОЛОГИЯ: ЗЕРТТЕУЛЕР, ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

Бетпак дала Сарыарқаның онтүстік іргесіндегі бійк қорған сияқты 350-400 шақырымға созылып жатыр. Қырат жер. Осы қыратқа шығып, Созакты бетке алып ескі көш жолдарымен тартасыз. Құс қанаты талатын, ат тұяғы күйетін осы шөлді кесіп өтетін Сарысу өзені көзір әбден құрғаған, арнасының кей жерін құм басып кеткен. Мен XIX-XX ғасырдың осы Сарысу туралы жазылған ғылыми әдебиетін түгел қарадым, барлығы да өзен көп болса Телікөл-татыға барып құяды дейді. Ал жергілікті қариялардан сұрасаң ертеде осы Сарысудың Сырдарияға құйғанын айтады. Олардың ішінде өзеннің суы мол жылдары Сырдарияға жетіп құйғанын көрген ақсақалдар ант-су ішіп отырған соң сенесің, әрине. Осы сияқты Ертіс пен Обь арасындағы дәнекер ертеде Қарасуық болғанға ұқсайды.

Осы тұрғыдан келгенде көне түрік дәуірінде осы өзек, осы арна Қашыр суы деп аталса керек деген болжам жасауға болады. Оған тағыда бір дәлел «Древнетюркский словарь» сөздігіндегі атау тұлғадағы «Қашыр су» сөзі. Бұл дерек «Сөздікке» XII-XIV ғасырлардағы үйғыр жазуымен жазылған заң /құқық/ құжаттарынан алынған. Олардың көпшілігі Берлин және Санкт-Петербург ғылыми коллекцияларында сақталған. Осы деректемелердің біразына академик В.В. Радлов талдама жасапты.

Бір қызығы Ленинградта Шығыстану институтында оқыған студенттік жылдары Ә.Х. Марғұлан үйғыр тілдес жазба ескерткіштермен

көп айналысыпты және В.В. Радловтың еңбектерінің қысқаша көшірмелері дәптерінде жүр .

Сонымен біздің келген қорытындымыз біреу. «Қашыр» сөзінің негізгі тарихи формасы «Қашыр суы», яғни Ертістен шыққан су. Ертістің өнебойындағы ұзынды-кішілі өзеншелердің бәрі Ертістен басталып Ертіске келіп құяды. Олардан ерекшелігі Қашыр суы Ертістен басталып Обықе қарап тартады, екі өзеннің арасын қосып жатады деп ойлаймыз. Сонымен бірге Махмұд Қашқари сөздігіндегі «қаш» сөзі жәй жарқабақ емес, жайдақ жарқабақ мағынасын беруге тиіс деген пікірдеміз, нәмесе осы түбірдің сонынан жалғанатын «ыр» журнағы сөздің мағынасын кері аударып «жарқабақсыз», «қабақсыз», «қассыз» дегенге алып келеді. Бұл жағын әлі де зерттей түскен дұрыс болар.

«Қашыр»- атауына қатысты гипотезалардың ішінде жергілікті өлкетануши ағамыз Мұкәш Мұбарақовтың ұсынған деректері қызық. Ол кісі осы Қашыр маңының тумасы, жер жағдайын білетіні жәй әнгімесінен де жақсы анғарылады. Оның үстінен тарих деректерді ескеріп отырады. Ол кісі Теренкөл деген бұрынғы осы жердің атауын жақсы көреді, бірақ өкінішке орай Ресей мен Қазақстан шекарасы бөлінген тұста болыстықтың жері бізде, орталығы Ресейде қалып қойған.

Мұкәшагайдың Қашырға қатысты екі түрлі мәліметі бар екен. Біріншісі ертеде, осыдан 7-8 ата бұрын /200-

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

жылдай/ бұл жерде уақ руынан Байсал ата деген кісінің мекендегені және оның қашыр малын ұстағаны туралы. Қашыр деп жылқы мен есектің буданын айтады. Бұл Таяу Шығысты көп тараған, өсіресе жолаушы жүрген саяхатшылар мен көпестердің пайдаланатын мініс көлігі. Ерте заманда Ертіс бойына келген араб, парсы саудагерлерінің керуендерінде қашыр болса оның таң қалатын ештемесі де жок. Мүкеңнің айтуына қарағанда Байсал-атаның қонысы көзіргі лесхоз орналасқан жерде. Сол маңда “Байсал шұңқыры” делинетін өзек осы кісінің атымен аталған. Жазғытұрым Байсал шұңқыры анау-мынау көлге бергісіз. Бірақ біздің қолымызды XVII ғасырдың картасында Қашыр атауы бар, яғни Байсал атаға дейін-ақ бұл өзенше Қашыр су атанған.

Мұкәш ағайдың екінші дерегі біріншісінен де қызық. Ол кісінің қолындағы шежіреге қарағанда /1963-шы ж. көшірілген/ “....Арғынның Ақжол сопы деген баласынан: Ақташы, Құлеші /Бақташы-Ж.А./, Бұғышы, Тағышы дегендегері Жиделі Байсында дейді ... Ақжол сопының мұнда қалған баласы –Сырым. Оның екінші қатынының баласы –Қашыр. Қашырдан-Ақтілес, Күшік туады”

Бізге белгілі бәсентиін шежіресінің басқа нұсқаларында, Мәшһұр жазбаларына қарағанда, Сырымды Ақтілес пен Күшікке ағайынды қылады. Шежіре ол үшеуінің атасы бөлек болса да анасы бір еді дегенге келтіреді. Қалай болғанда да осы үшеуі бір деңгейлес адамдар сияқты. Ал Мұкәш ағамыздың

қолындағы шежіре біз ешқашан ойланбаған мәселені көтереді. Расында да Балықшы Түркімен тұқымы-мыс болып бірігетін Ақтілес, Күшік және Сырым арасында талай тарихтың құпиялары тұр. Олардың өмір сүрген заманы туралы мифтік түсініктер, детальдар бұл кейіпкерлердің бізге қимак /кемек/ арасынан келгенін айтып тұр.

Жоғарыдағы анызға сүйене отырып Қашыр атауы көне заманнан бері келе жатқан топоним деп айта аламыз. Осы жерде біздің заманымызды VIII- XI ғасырларында басими, қарлұқ, үйғыр мекендеген Ертіс алқабында Қашыр, Қашыр су деген атаулар болды. Осы жағалауда туган адамдарға ныспы болып берілуі де бізді тым танқалдырмайды. Қашыр елді мекені маңындағы тарихи ескерткіштер біздің осы гипотезамызды қолдап тұр деп есептейміз, себебі Ертістің Қашыр тұсындағы қимак /кемек/ заманының Ақтөбе қаласы, 2007 жылы кездейсоқ ашылған қимақ жауынгерінің бай мурдесі т.б. осы жерде ерте орта ғасырларда ірі мәдени орталықтардың болғанына ен бірінші айғақ.

Құрман кол, немесе «озеро Коряковское» топонимінің тарихы.

Құрман қазір бүкіл карталарда, анықтамаларда Коряковка атальшы жүрген көлдің байырғы қазақша аты. Жергілікті өлкетанушылардың оқырманға жалған ақпарат беріп, орыстар келгенге дейін бұл көл иесіз, бос, атаусыз жатқан еді дегеніне де қарсы дәлелді пікір айтқан шығармыз. Қалаға бар-жоқ жиырма шақырым болатын осынау түзды көлдің

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АНТРОПОЛОГИЯ: ЗЕРТТЕУЛЕР, ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

тариҳы көне замандарға бастайтының біреу-біледі, біреу - білмейді.

Құрман көл тариҳы Орталық Азияның көнгілдік заманындағы қаранды түкпіріне барады. Біз осыған дейін ол заман туралы тек Қытайдың жылнамалары, нә археологиялық қазба жұмыстарының нәтижелері ғана дерек бере алады деп есептедік. Енді қарап отырсақ қазақ жеріндегі толып жатқан жер-су атаулары сол заманның тілсіз қуәлөрі екен, шетінен ал да пайдалана бер. Тек тілді біл, сол заманың әдет-ғұрпынан хабардар бол қазақ сөзінің астарына бойла! Қазақтың көне аңыздары ұлы түркі дәуіріне де, одан әрі де ендең, бойлап кетеді. Оларды да қапысын тауып тариҳи дерек көзі есебінде пайдаланатын кез жетті. Мінё сондай аңыздардың бірін Мәшіұр Жүсіп Көпейұлы жинақталған «Қазақ шежіресінің» арасынан кездестіреміз: «Маган көктен Жебірейіл періште рухы келтірген жоқ. Естіген құлақтың жазығы жоқ... Естігенімді жаза бергендіктен шежіреші атандым.

Керекуге жиырма бес шақырым жерде Құрман тұзы деген тұз бар. Сол Құрман Қыпшақ екен де, өзі мейлінше бай болған екен. Жылқысының есепсанын өзі де білмейді. Жалғыз баласы болышты», -деп басталады, бұл шежіре – аңыз. Бұл аңыздың толық нұсқасын осы жинақтағы «Бәсентиін шежіресінің көне қабаттары» мақаласынан қараңыз.

Бұланыз нәні көрсетеді? Біріншіден Ертістің он жағалауы ертеден қыпшақ руларының қарамағанда болғандығын, ал шығыстан келген бірлі –жарым

тайпалардың алдымен қыпшақтармен жақындасуға тырысқанын көрсетеді. Бөрі бұл жерде тек жеке тұлға емес, ол шығыстан келген бәсими-ұйғыр қауымының өкілі. 840-шы жылғы қырғыз шабуылынан кейін тоз-тоз болып, Ертісті қуалап батысқа қарай жылжыған елдің қыпшақ рулары мекендеген өнірге келгенді сөзсіз. Сондай жердің бірі Кереку жардың маңы, Құрман көлі т.б.

Тағы да бір қызығы Ертіс жағасын ертеден мекендеген бәсентиін елінің ішінде Бөрі деген ірі ата бар. Ел шежіресінде көбінесе Апай-Бөрі деп атайды. Мәшіұрдің жазып отырғаны осы Бәсентиін ішіндегі бөрілердің атасы болып тұр. Ендеше бәсентиін сияқты ірі тайпаның ішіндегі белгілі ата кешелі- бүгін дүниеге келді дегенге кім сөнеді? Бұл арғы заманың тариҳы екені бесенеден белгілі.

Осы VI ғасырдың ортасындағы дерек бәсентиін арасындағы бөріге тікелей қатысты. Дегенмен олардың Ертістің орта ағысына қарай келуі сәл кейінірек болған оқиға.

Құрман деген адам болды ма, жоқ па? Бұл сұраққа жауап беру өте киын. Мұмкін болған да шығар. Дегенмен көне сөздікте «құрман» сөзінің садақ дегенді білдіретінін М. Қашқариджазды. Орысша нұсқасында аудармасы: «налучье, саадак» Қашқаридің шілдемесінде «Құрман» деген сөз-ок, садақ салатын қалта /қорамсак/. Фалым бұл атау оғыз бер қыпшақ арасында қолданылатынын жазады. Егер олар «кез құрман» десе онда оқ пен садакты

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

қатар салатын қапшық деген мағынаны білдіреді. «Бұл сөз белге белбек байлау дегендегі құрман сөзінен туындаған» дейді тілші ғалым.

М. Қашқари анықтамасына байыппен қарау керек пікірдеміз. Егер көлге жақсылап қарасақ, оның екі үлкен бөліктен тұратынын аңғарар едік. Ортасы қылта ертеде құрман аталуы да мүмкін. Бірақ қалай болғанда да бұл жер қыпшақтың қонысы болғаны сөздіз.

Енді біз көлдің «озеро Коряковка» атану себебіне келейік. Біздің қолымызыдағы жазба деректер Құрман көлінен тұз тек 1747 жылдан бастап қана өндіріле бастағанын айғақтайды. Осы жылы генерал Киндерман қазіргі Павлодар қаласының, ол кезде форпост Коряковка, өсуіне де, көлден тұзды өндіруге де себепті жарлық шығарды. Коряковканың әскери қоныс есебінде көтеріле бастағаны осы XVIII ғасырдың 40-шы жылдары, көлдің басында тұз өндірушілердің артелі пайда болғаны, бір-бірімен шамалас.

Бір қызық мәлімет XIX ғасырдың сонына осы жерлерде саяхат жасаған белгілі өлкетанушы Н. Я. Коншиннің жазбаларында жүр: «Коряковское озеро – одно из богатейших соляных озер в России, находится в 17 вер. от Павлодара, на правой стороне Иртыша».

Сонымен Құрман көлдің нәмесе Құрман тұздың тарихы Ертіс өніріндегі басқа да жер-су атаулары сияқты көнек түркі дәүіріне барады. Осы топонимге қатысты зерттеулерге негіз болған

Құрман көлдің көнек түркілік атау екенін бізге нұсқап тұрған қазақ аңыздарынан айналсаң болмайды ма?! Зерттеушінің іздеген алтыны кейде осылай аяқ астынан табылып жатады, қазақ тарихының қызығы да, қындығы да осында.

Құндыз қала.

Ертістің оң қабағындағы бұл ауыл орыс деректерінде Бобровка, қазақ деректерінде – Құндыз қала аталған. Ертістің өткелге ынғайлы жіңішке, қылта тұсына орналасқан Құндыз қала ежелгі дәуірден бері қызу көш жолы болды. Құндыз қалаға қарама – қарсы, өзеннің сол жағасында атақты Қараөткөл ауылы бар. Ол жер ертеден бері қасиет қонған қоныс екені белгілі. Жалпы Ертіс бойындағы бір керемет нәрсе – бүгінгі қасиетті атанып жүрген елді-мекен, корымдардың барлығы да ертеден /кем дегенде орта ғасырдан бері/ ел жинақталған, мәдениет ескерткіштері сакталған жерлер. Қарәткөл ауылының ортасындағы қорымда қажылардың басқа бірнеше өүлие жатыр дейді аксақалдар.

Құндыз қаланың алғашқы иелері кімдер? Әбліғазы Бахадұр хан былай дейді: «Ұйғырлар үш мың жылға жақын осы айтылған жүртта /Орхон өзені, Құттағ, Тоқырту бұлақ т.б. / отырды. Одан кейін ыдырап әркімге олжа болып, жаң-жаққа батырап кетті. Бір бөлігі жүртінда отырып қалды, бір бөлігі Ертіс өзеннің жағасына келді. Бұлардың өзі тағы үшке бөлінді. Бір бөлігі Бешбалық шаһарына барып, егін егіп, дәулетті ел болды. Енді бір бөлігі жылқы, қой бағып, Бешбалық маңында

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АНТРОПОЛОГИЯ: ЗЕРТТЕУЛЕР, ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

көшіп-қонып, көшпенді өмір сүрді. Ушінші бөлігі Ертістің тоғанында балық, құндыз, тиін, сусар аулап, етін жеп, терісін киіп күнелітті. Жібектен не мақтадан, не басқа материалдан істеген киімді ғұмырында киіп көрмеген еді. Егер қыздарын қарғаса «жылқылы, қойлы жігітке тұрмысқа шығып ет жеп, қымызы ішіп, басына жаман құн тусын» дер еді».

«Құндыз қала» сол заманың ескерткіші болса керек. М. Қашқарі сөзіндігінде құндызды «құндуз» деп жазады. Тілші ғалым «Құндуз қайры» деген дәрі бар, ол құндыздың тасағынан жасалады» дейді. «Құндыз» атауының таза түркілік екені және оған байланысты аңыздар көне үйғыр ескерткіштерінде кездеседі. Г.Ф. Миллердің фон Габенниң ғылыми мұрасына арналған еңбегінде үйғырлардың пұт /будда/ әсерімен шыққан әнгімелері кездеседі. Оның ішінде қоян, құндыз, маймыл /бечін/ həm сілеусін /ілбіс/ туралы ертегі қазақ ішінде әлі күнге айтылады. Бұл құжаттарға сілтеме «Древнетюркский словарь» кітабында жүр. Қазіргі қазақ ғалымдарының ішінде ортағасыр тарихынан үйғыр атын алғып тастағылары келетіндері бар. Оны қалай аластаймыз егер біздің ерте ортағасырлық тарихымыздың талай оқиғалары үйғырлармен байланысты болса. Бұл жерде біз Әбілғазының үйғырлар Ертіс бойына 840-жылдан кейін келді дейтін дерегін қабылдағанымыз жөн.

Құндыз қала маңындағы түркілік дәстүрлер туралы белгілі археолог Ф.Х. Арсланова да жазған. 1960-1961 жылдары зерттеуші Ертістің оң жағасында Құндыз қала мен Қашыр арасында 13 қорғанды қазды. Олардың арасында өлікті мұсылманша жерлегендері де /оң жағымен, басын құбылаға қаратып/, мәжуси тәртібімен сүйектерін отқа өртегендері де бар. Барлығына тән ортақ белгі-өлгөн адаммен бірге жылқының, қойдың сүйектерінің кездесетіні, мыстан жасалған әр түрлі тұрмыстық заттар /қонырау т.б./, темір қару- жарактар / қылыш/ селебе/ найзаның ұшы, қайыңның қабығынан жасалған қылшан /садақ, қорамсақ/ т.б. Қорғандар үйінді тәбе түрінде кездеседі. Әлі күнге дейін Құндыз қала маңында қимақ/кемек/, үйғыр заманынан қалған қорым-төбешіктер көп. Ф.Х. Арсланова Құндыз қала ескерткіштері VII-VIII ғасырларда жасалынған дейді. Біз 2006 жылғы экспедициялық барлау жұмыстарының кезінде Құндыз қала мен Қашыр арасынан тек қорғандардығана емес, сонымен бірге ірі қалалардың орынын да кездестірдік.

Қимақ дәүірінің топонимі «Зергер».

Зергер қонысы Павлодар қаласынан сөл шығысқа қарай, Ертіс өзенінің жағасында Подстепка елді-мекені орналасқан. Бұл қоныс ерте заманнан бері бар екені бірнеше фактілермен дәлелденеді. Ең алдымен ескеретін нәрсе XVIII ғасырдағы Ресейдің отаршылдық саясаты стихиялық түрде, қалай – болса

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

солай жүрген жоқ. Шығысқа қарай, дала өніріне қадам басқа жаңа адамдар өздерінә дейін игерілген, қоныстар салынған, қалалар тұрған жерлерге келді. Ертістің оң жағысындағы қай елді-мекенді алсақ та тарихы тым әріге кетеді. Екіншіден, Ертіс бойындағы қоныстардың көшілігі сияқты Подстепканың да ескі қазақша атауы бар.

С. Ремезовтың картасында кәзіргі Подстепной селосының маңындағы Ертістің жары «верблюжий яр» аталады. Бұғынғы күні жергілікті информаторлардан біз жардың дәл қай жерде екенін анықтай алмадық. Оның есесінے Подстепканың маңында да, одан Кенжекөлге дейінгі аралықта да көн заманның ескерткіштері мол. Біз басқа этодтерде жазғанымыздай қола дәүірінің, қимақ/кемек/ заманының көптеген ескерткіштері Ертістің ұлы арнасында емес, қайта онымен қатарлас ағып жатқан салаларында орналасқан. Подстепка маңынан шығатын қарасу /ол да Подстепка/, біздің жоғарыда айтқан гипотезамыздың шындық екенін дәлелдейді. Подстепка өзенінің он жағасындағы құм төбелерде /бөрік/ талай заманның ескерткіштері жатыр. Подстепка ауылына қатарлас Комарицина мекені патша заманындағы қара- шекпен қонысы қазақша Жетібай аталады. Баяғыда ағайынды жеті жігіт болған екен – мыс делінеді. Біздің пікірімізше осы маңдағы қоныстардың ішіндегі кәртамысы жоғарыдағы айтылған Подстепка. Қариялардың айтуына қарағанда ертеде қазақ ауылдары Құлынды даласына қарай жаз жайлап

көшіп кеткенде Ертістің осы жағасына орыс орнығып, қала салып қойса керек. Қайта тартып алуға қазақтың күші жетпей, амал жоқ қоныс өзгерткен. Қалай болғанда да бұл жер ертеден бергі елдің орыны.

Подстепка селосының да, онымен араласып кеткен көрші Заря ауылының көне көз қариялары да бұл жерді Зергер дейді. Ертіс бойына қатысты зерттеуінде XX ғасырдың басындағы қазақтың тамаша зерттеушісі, қоғам қайраткері Бекейхановтың бұл жерді Зергер атағанын білеміз. Енді Зергер деген сөздің қандай мағына беретініне келейік. В.Н. Попова Ертіс өніріндегі Зерелі /Баянаул/, Зерсор /Железин/ көлдерінің түбірін қазақтың «зэр», яғни у деген сөзімен байланыстырады. Осыдан кейін «Зерелі» атауы улы көл болып шыға келеді. Бұл талдау шындыққа қаншалықты жақын? Қазақ жерінде «зэр» сөзіне негізделген әдемі, тұщы көлдер көп. Басқасын былай қойғанда Кекшетаудағы Зеренді көлін еске алайық, осы көл улы көлге үқсайды ма?

Ендеше «зэр» сөзінің мағынасын парсы тіліндегі «зэр»-«зэр сым»- яғни алтын құміс, ақша мен байлық деген сөздермен неге байланыстырмаймыз. Бұл біздің жерімізде ертеден бар ұғымдардың бірі. Тіпті парсы /иран/ тілі қазақ жерінә тым жат тіл емес, осыдан ұш жарым, төрт мың жыл бұрын иран тілдес тайпалардың біразы қазақ жерін жайлап жүрген. Оларды кәзіргі әдебиетте арья /арий тайпалары деп атайды. Олардың Иран жерінә қоныс аударуы б.з.д. II

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ ЖӘНЕ АНТРОПОЛОГИЯ: ЗЕРТТЕУЛЕР, ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

мынжылдықтың соны, Иран сөзі Арья сөзінен шыққан [1].

Жоғарыдағы себептерден басқа да дәлелдер келтіруге болады. Ерте орта ғасырларда, Қарахан империясы тұсында әр түрлі мамандық иелері, сонын ішінде қолөнершілер қырға көп келген. Сол замандағы Орталық Азия архитектурасындағы ұқастықтарды басқаша түсіндіру қын. Ертіс бойындағы Қимақ /кемек/ қалаларының салынуына Түркістан құрылышшыларының қатысы бар екені анық сияқты. Май ауданың жеріндегі Калбасунка /Қалабалғасын/ ескерткішінің әдемі құрылсысы, сәнді айшықтары онтүстіктегі Айша бибі, Бабаджа хатун, Қарахан күмбездерінен кем түспейді, ұқастықтары да мол Олай болса Ертістің оң жағасында сонау қимақ /кемек/ заманда ірі қолөнер орталығы болды, онда зергерлөр мекендеді деп неге болжам жасай алмаймыз?

«Зер» сөзін В.К. фон Герн алтын деп, ал «зергер» сөзін «ювелир» деп аударады. Біз осыған толығымен қосыламыз. Бұл әбден қазақиланған, ертеден қолданыста бар сөз екені ақиқат. Сөз мақалға кіру үшін кемі мың жыл уақыт керек деп есептейміз. Бұл сөздің ақиқат қазақ сөзі екендігін сәнкөй, ерке қыздардың ертеде танауларына (мұрын) бекітетін “зере” атты алтын әшекей де дәлелдейді. XIX ғасырдың сонына дейін бұл дәстүрді адайдың қыздарынан көрге болады. Сонымен көзіргі Подстепка және Заря елді – мекендерінің негізгі көнө аты Зергер - ерте заманда бұл жерде өнерлі, зерлі адамдардың қоныстанғанын білдіреді.

Орта Ертіс өнірінде орналасқан ең белгілі қимақ дәүірінің топонимиялық ескерткіштерінен қысқаша ғана тоқталдық. Бұдан әрі жергілікті өлкетанушылар мен тарихшылардың басты назары осы тарихи дәүірдің ескерткіштерінде болады деген сеніміміз бар.

ӘДЕБИЕТТЕР

- 1.Артықбаев Ж.О. Некоторые дополнения к комментариям текста «Биография Зая-пандиты» /Письмо к научному редактору – В.П.Санчирову/. // Проблемы истории и этнологии Казахстана. – Караганда, 2001. – С.3-10.
- 2.Артықбаев Ж.О., Ерманов А.Ж., Жәнісов Э. Орта Ертіс өнірі қимақ дәүірінде. «Темір жауынгер» тарихының құпиясы. –Астана, Фолиант, 2004 ж.-36 бет.
- 3.Артықбаев Ж.О. Кереку жері керемет сырларға толы // Сарыарқа самалы. 2005 жылы, 23 маусым.
- 4.Артықбаев Ж.О. Кочевники Евразии в калейдоскопе веков и тысячелетий. Санкт-Петербург, 2005.
- 5.Артықбаев Ж.О. Малоизвестный памятник калмыцкой архитектуры в Центральном Казахстане – Қызыл-Кенчский дворец // Шамбала. Научно-информационный журнал при Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН /в печати/.
- 6.Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. По арабским источникам. – Алма-Ата, 1973.
- 7.Кумеков Б.Е. Сообщение ал-Идриси /XII в./ о странах кимаков и карлуков // Казахстан в эпоху феодализма. – Алма-Ата, 1981.
- 8.Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М., 1969.

А.Ж. ЕРМАНОВ

УДК 94 (574)

Павлодарский государственный университет
им. С. Торайгырова

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАЗАХОВ ПРИИРТЫШЬЯ В ЭПОХУ ЦАРИЗМА

Бұл мақалада отарышылдық кезеңіндегі Ертіс өңірі қазақтарының этникалық тарихы зерттеледі. Зерттеудің тарихи хронологиялық әдісі қолданылған.

In article the ethnic history of Kazakhs of Priirtyshja during a tsarism epoch is investigated. It is used historical a chronological method of research.

Исследование современного этнического развития народов тесно связано с изучением этнической истории. На сегодняшний день издано большое количество работ, посвященных изучению этнической истории. Объектом изучения стали и этнокультурные процессы на территории Казахстана, в частности в Прииртышье. Но в настоящее время проблема не столько в изучении этнической истории казахов в целом, сколько в ошибочном заблуждений таких концепций как европоцентризм, присущий политике России с XVIII в. по отношению к кочевникам.

Тема данной статьи весьма актуальна. Ведь на протяжении веков на исторической земле казахов перекрецивались судьбы многих народов - носителей различных культур, религий и традиций. В результате сложилась уникальная ситуация, когда вместе с казахами мирно живут

представители более ста этносов и около 20 конфессий. При этом длительное совместное проживание различных этносов сформировало в обществе устойчивые традиции толерантности.

Согласно просветительской концепции истории и прогресса культура разных народов осмысливалась через идеи единства человеческого рода, основанные не на евангелических постуатах, а на научном объяснении существовавших между народами различий особенностями естественно-географической среды обитания. Этот подход послужил основой для формулирования универсальной концепции всемирно-исторического прогресса: от дикого состояния, общего для всех народов, через варварство к вершинам цивилизации, представленным европейской культурой. Образ жизни неевропейских народов - туземцев колоний - представлялся отражением

ӨЛКЕТАНУ ЖАҢАЛЫҚТАРЫ

прошлой истории Европы, что стало рациональным обоснованием европоцентризма.

«Отсталость» культуры иных народов восточных окраин вошедших в состав Российской империи объяснялась естественнонаучными причинами: климатом, природными условиями и др. и при описании их образа жизни использовались морально-этические оценки европейской цивилизации. Их культура не получила равных европейских прав за собственный «естественный» прогресс, на самобытное развитие. В системе культуры ей была отведена низшая ступень, и сама часть ее была предрешена - европейской культуре с ее достижениями было суждено одержать верх над несоответствующими ей формами общежития.

В качестве источников нашего исследования по данной тематике использовались материалы переписи 1893 г. в Семипалатинской области, записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана и т.д.

Также привлечены бесценные труды - «Казахстан в 20 - 40-е годы XIX века» Е. Бекмаханова, «Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза» М.С. Муканова, исследования К. Нурбаева «Сарыарка: до и после колонизации», Н. Логутова «Очерки родового быта казаков Семипалатинской губернии», Ю. Копеева «Павлодарский уезд. Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям»,

Н. Коншина «Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области», Бекмахановой Н.Е. «Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма» и.т.д.

XVIII век был особенно тяжелым не только для казахов в целом, но и в частности для казахов Среднего жуза. В результате казахско-ойратских войн казахи понесли огромные потери. Вследствие чего пришлось идти на сближение с Россией из-за угрозы со стороны Джунгарского ханства. Казахи лишились части своей территории на северо-востоке - на правобережье Иртыша, где в первой четверти 18 века Россией были построены военные крепости и введены казачьи войска.

Нехватка земли вследствие строительства крепостей привела к переходу казахов на правобережье Иртыша. Царское правительство было вынуждено идти на уступки относительно пользования пастбищами на российской территории, что в свою очередь привело к миграции кочевого населения. Усиливались хозяйствственные и культурные контакты между коренным казахским и пришлым русским населением. Также активно продолжалась военная экспансия на территории Среднего жуза.

Для более полного уяснения возникновения, роста пришлого инонационального населения и его влияния на политические и социально-экономические процессы на территории

НОВОСТИ КРАЕВЕДЕНИЯ

Среднего жуза, необходимо рассмотреть, как проходило межевание казахских земель в данном регионе, ибо в результате этого межевания имевшего целью изъятие у коренного населения лучших плодородных земель, прежде всего в пользу сибирского казачества, а также крестьян-переселенцев, увеличивалась доля пришлого населения. Известно, что межевые работы в Среднем жузе начались в 1769 году, в результате которых Государственная комиссия отвела земли сибирским линейным казакам и регулярным войскам. Комиссия отвела им 10 верст земли с внешней стороны Сибирской линии, - на левом берегу Иртыша [1, С. 216].

Территориальная близость казахов к Поволжью, Уралу и Западной Сибири способствовала установлению тесного общения между казахами и населявшими Россию народами. Вместе с русскими крестьянами и горнозаводскими рабочими Урала, татарами и башкирами казахи участвовали в Крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева. С XVIII в. в северном и восточном Казахстане стали селиться русские казаки и крестьяне-переселенцы. Приток переселенцев усилился во второй половине XIX в. и особенно возрос в годы столыпинской реформы.

Как нам известно из истории, на территории Прииртышья центром была Семипалатинская область. Если соотнести территорию Семипалатинской области с современным административным устройством, то в

ее границах существуют следующие области: Восточно-Казахстанская, Семипалатинская, Павлодарская и Карагандинская. По данным переписи 1893 г. в Семипалатинской области насчитывалось 602096 жителей, среди них оседлых — 82209, а кочевых — 519887 [2, С. 56]. Последние были представителями различных племен и родов Среднего жуза.

Павлодарский уезд граничил на востоке и северо-востоке с Томской губернией, на западе - с Акмолинской областью, на юго-востоке с Семипалатинским уездом, на юге - с Каркаралинским. Занимал площадь 103788 кв. версты. Если отсюда вычесть «кабинетные» земли, переселенческие участки, то в ведении казахов оставалось 9 147 425 десятины. По переписи 1893 г. в уезде было 144 старшинства, объединявших 21 877 хозяйств с населением 114 145 жителей.

В первые десятилетия XX в. число хозяйств увеличилось более чем на 13,5 тыс. Чем это было вызвано? После введения закона 1891 г. «Об управлении степными областями» русская администрация потребовала окончательного определения принадлежности казахских хозяйств к каждой области, уезду. Павлодарский уезд граничил с Томской губернией, многие его хозяйства кочевали на землях этой губернии и, особенно, в Кулундинской степи, где кочевание было разрешено согласно утвержденному положению Комитета министров от 22 ноября

1880 г. Видимо, такое резкое увеличение числа хозяйств в Павлодарском уезде объясняется не только естественным приростом населения, но и водворением обратно в степь казахских хозяйств, ранее кочевавших на землях Томской и Тобольской губерний.

Количественное соотношение племен на территории уезда в начале XX в. было следующее: аргынов - 27 327 хозяйств, кыпшаков - 2 962, найманов - 1 982, уаков - 1 399, кереев - 376 и сословие тулэнгутов 1 352 хозяйства [3, С. 216].

Аргыны занимали в основном левобережную часть Иртыша, до Баянаульских гор; кереи и найманы - напротив крепостей по левобережью Иртыша, уаки - к востоку от Иртыша и в северо-восточной части уезда.

Ввиду изъятия 10-верстной полосы вдоль Иртыша, а также участков для переселенцев, казахи были вынуждены устраивать зимовки на летних пастбищах [4, С. 78].

В 1858 г. генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд отдал распоряжение, по которому казахи, жившие в пространстве 10-верстной полосы, оставались на своих зимовках и освобождались от уплаты в пользу войска, но им запрещалось строить новые зимовки. Это делалось для того, «чтобы удаление киргиз с полосы произошло впоследствии само собой» [5, С. 212]. Вот таким способом царская администрация выживала казахов с их же земель.

В начальны й период переселенческой политики (1871 -

1896 гг.) в Семипалатинскую область переселилось крестьян из России 3 400, а уже за период 1897 - 1916 гг. - 130 100 человек, в общей сложности 133 500 [6, С. 110]. Если удельный вес казахов в Семипалатинской области в 30-е годы XIX в. был равен 100%, то в последующие годы он идет на убыль: в 50-е годы составлял 85,82% [7, 178 с], а к 1917 г. - 67,39% [6, С. 99].

Сейчас некоторым нашим современникам следует не манипулировать цифрами о преобладании в наши дни русского населения в той или иной области, а правильно видеть корни, причины, породившие демографические перекосы и изменения удельного веса казахов в некоторых областях.

Как мы уже подчеркивали, казахи живут в пределах своей этнической территории, исторически сложившейся на протяжении многих веков, и ставить какие-то претензии к этому народу, к его территории некорректно.

Делая вывод, мы четко осознаем, что несмотря на колониальные цели царизма, присоединение Казахстана к России сыграло прогрессивную роль - общими усилиями был свергнут царизм, в конце-концов укрепилась дружба казахов с русскими и другими народами. Простые труженики понимали друг друга, так как их задачи были общими - как выбраться из нужды и как зажить по-человечески. Верхние же слои общества, как и во все времена, играли судьбами народов.

НОВОСТИ КРАЕВЕДЕНИЯ

Этнической консолидации казахов как нации способствовало бы возвращение части их, покинувших свою этническую территорию в силу многих объективных и субъективных причин. Это процесс сложный и длительный по своему осуществлению, но когда-то надо его начинать. Чем быстрее, тем лучше. Легче это осуществить с соотечественниками (проживающими в Союзе), труднее с теми, кто живет за рубежом, а по данным 1987 г. их насчитывается довольно много - 910 000 человек [8, С. 488]. Интерес зарубежных казахов к родине предков возрастает, о чем свидетельствуют

участвовавшиеся в последнее время поездки их туристических групп в Казахстан. Нужны мероприятия правительственного уровня, тогда и возвращение казахов на свою этническую родину будет успешным.

Каждый народ, его язык и культура, защищены законами нашей республики, которые не дают преимуществ ни одному этносу. Все равны и все равнозначны, и в сфере производства, и в науке, и культуре труждатся рядом представители разных народов. Нам нечего делить, но отстаивать стабильность, лучшую жизнь можно только сообща.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Нурбаев К. Сарыарка: до и после колонизации (историко-географический аспект).-Павлодар, 2005 г.,-366 с.
- 2.Волости и населенные места 1893 г. Вып.5. Семипалатинская область.СПб.,1893
- 3.Логутов Н. Очерки родового быта казаков Семипалатинской губернии // Записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана, 1929. Т.1. Вып.XVIII.
- 4.Копеев Ю. Павлодарский уезд // Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям, 1889, № 29
- 5.Коншин Н.Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901г. Вып.1.
- 6.Бекмаханова Н . Е . Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма.-М.: Наука, 1986
- 7.Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии.-М.: Наука, 1980.
- 8.Бажанов В.С., Костенко Н.Н. Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана.-Алма-Ата, 1961.
- 9.Инсебаев Т. Очерки истории Павлодарского Прииртышья. Ч. 1. - Павлодар, 2000.
10. Карамзин М. История государства Российского.
11. Абдиров М. Завоевание Казахстана Царской Россией.-Астана, 2000,-55 с.
12. Хрестоматия по истории государства и права. Учебное пособие. Сост.: Артықбаев Ж.О., Дулатбеков Н.О., Бабулова Г.Ж.-Караганда, 2000,-141 с.
13. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Подг. к изд. С.Г. Кляшторный. -М.: Вост. лит., 2002,-757 с.
14. Акишев А.А., Калиев Э.А. История Павлодарского Прииртышья с древнейших времен до наших дней (краткий очерк) // Павлодарское Прииртышье: история и современность.-Павлодар, 1996
15. Арын Е., Нуухулы А., Инсебаев Т. Павлодарская область: календарь исторических событий и дат.-Павлодар: ПГУ, 2003.
16. Муканов М.С. Этническая территория казахов в 18 – начале 20 вв. -Алма-Ата, 1991.

Инновационный Евразийский университет,
г. Павлодар

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Бұл жұмыста сөзіс жылдарындағы Семей облысында театр өнерінің дамуы зерттеліп, қазақ және орыс драма театrlарының жұмыс жетістігі зерделенді. Совет азаматтарының моральдық рухтарын көтеру үрдісіндегі театр ролі қарастырылды.

The Development of Theater Art, success of Kazakh and Russian Drama Theater during the world war II in Semei Oblast and the role of theatres in raising the national spirit of Soviet people is described in this article.

На первый взгляд несовместимые понятия войны и культуры в годы Великой Отечественной войны оказались прочно связаны, и смогли предопределить дальнейший исход борьбы. Моральный дух людей во многом повышался благодаря воодушевленному поэтическому слову, музыкальному произведению, сценическому искусству танца, пения и др. Культура стала на страже военных событий страны, творчество талантливых людей решительно способствовало слому вражеского натиска. И, несмотря на то, что любое культурное направление тогда, так или иначе, соответствовало военной тематике, было лишено возможности свободного творчества, оно отражало необходимость сложившегося времени.

Не и склонченiem стал Семипалатинский край, который не только

принимал эвакуированные промышленные предприятия и налаживал производство военной продукции, но и формировал плеяду творческой интеллигенции путем развития сферы образования, в том числе высшего звена, а также – театрального, музыкального искусства.

Особое внимание в этой связи заслуживает деятельность русского и казахского драматического театра г. Семипалатинска. До 1934 года в городе не было своего постоянного театра, постановкой спектаклей занимались лишь приезжие из других регионов театральные коллективы. Русский драматический театр был организован на базе городского театра рабочей молодежи (ТРАМ) и носил данное название до 1937 года. В 1935 году на основании постановления президиума Облисполкома в городе был образован

НОВОСТИ КРАЕВЕДЕНИЯ

казахский театр. Не успев встать на ноги и окрепнуть талантливыми актерами, театральные коллективы вынуждены были проверить себя на прочность в тяжелые годы войны.

Самой первой трудностью театров стало их совместное существование в одном помещении, в связи с тем, что здание русского театра было решено занять под военную часть Красной Армии. Следующим, и, пожалуй, наиболее тяжелым испытанием стала сама деятельность в военное лихолетье.

«В решающие этапы борьбы коммунистической партии за свободу и счастье нашего народа, советский театр всегда был с народом – с партией. Он помогал Советской власти в годы ее становления. Он призывал на трудовые подвиги в годы первых советских пятилеток. Он высоко поднимал знамя любви к Родине и ненависти к ее врагам, вдохновляя и призывая советских людей на самоотверженную борьбу с озверелыми силами фашизма в дни Великой Отечественной войны... Настойчиво бороться за мир, воспитывать в людях качества героических борцов за счастье человечества, готовность дать сокрушительный отпор врагам мира и свободы – вот поистине великая цель, которую ставит перед собой наше прогрессивное искусство. Страстное и мощное слово театра должно вооружить людей непобедимой силой правды и

мужества, веры в будущее и ненависти к тем, кто хочет повернуть историю вспять» (из доклада о 20-летней работе областного в будущем объединенного казахско-русского театра драмы им. Абая) [1, С. 2].

Действительно, несмотря на царившую идеологию Коммунистической партии абсолютно во всех направлениях культуры, «живое» искусство артистов, музыкантов не могло не сыграть определяющей роли в поддержании морально-психологического настроя советских граждан.

По словам директора Семипалатинского театра Янковского «областной казахский театр в своей творческой линии ставит перед собой две задачи: создавая в плане социалистического реализма спектакли и образы, воздействующие на сознание зрителей, их деятельность и поведение, способствуя культурному росту, создать стимул к героическому труду, к подвигу, к борьбе с пережитками и самоотверженной помощи в обороне родины. Во-вторых, путем подбора репертуара способствовать идейному и художественному росту коллектива театра, ставя задачи, чтобы каждый спектакль являлся ступенью в движении театра вперед» [2, С. 40].

В самом деле, театр двигался вперед, и на его подмостках ставились многочисленные спектакли, музыкальные комедии, и даже оперы. Среди основных произведений следует отметить «Свадьба в Малиновке», «Аршин-Мал-Алан», «Жалбыр», «Ер-таргын» и др.

ӘЛКЕТАНУ ЖАҢАЛЫҚТАРЫ

Русский драматический театр, несмотря на значительные трудности в работе, создал большой полноценный репертуар, отведя центральное место в репертуаре пьесам, посвященным Великой Отечественной войне и борьбе с фашизмом («Светит, да не греет», «Разбойники», «На всякого мудреца довольно простоты», «Коварство и любовь» и др.). Помимо этого, коллектив театра, разбитый на 3 концертные бригады, занимался культурным обслуживанием колхозов и совхозов области. В репертуаре бригад были номера танцев, пения, отрывки из пьес, миниатюры и специально подготовленные скетчи. Всего за военный период было дано более 700 концертов, в том числе в частях Красной Армии, в госпиталях среди раненых бойцов и командиров. Нельзя не отметить и посильную материальную помощь театра, в ходе которой в фонд обороны было внесено 100 тыс. рублей. Естественно, за проделанную работу, театр был удостоен всевозможных грамот и наград. Так, в 10-летний юбилей театра, 3 работникам было присвоено звание заслуженных артистов КазССР, 6 человек были награждены грамотами Верховного Совета КазССР и 5 человек – Почетными грамотами Облсовета депутатов трудящихся [3, С. 45]. Однако самой высокой наградой для коллектива театра, стал его перевод из 3-й тарифной группы во 2-ую.

Гастрольная жизнь театра, сопровождаемая постоянными переездами с необходимым скарбом декораций и одежды, во многом также

объяснялась эвакуацией в здание Семипалатинского театра в ноябре 1941 г. Киевского академического театра им. Ив. Франко. Украинская театральная труппа, находясь в другом для себя городе, продолжила активную творческую жизнь и смогла порадовать семипалатинского зрителя большим количеством талантливо поставленных пьес. По отзывам местной исполнительной власти: «...в дни Великой Отечественной войны советского народа с немецко-фашистскими захватчиками, искусство свободолюбивого украинского народа в республике братского Казахстана было представлено во всей своей силе, показывая неразрывные узы многонационального братства всех народов Советского Союза» [4, С. 29]. За что, собственно, театру была вручена Почетная грамота со стороны Исполкома Семоблсовета депутатов трудящихся.

За тот период, когда в городе пребывал театр из Украины, семипалатинские артисты Русского театра, находясь на гастролях в Аягузском, Урджарском районах, осуществляли новые постановки. Всего было поставлено 23 новых пьес, среди которых «Крылатое племя», «Мой сын», «День живых» и др. За высокое актерское мастерство, коллектив театра получил благодарность Аягузского исполкома горсовета депутатов трудящихся и районного комитета КП(б)К. За 2 года пребывания в районах, театр поставил свыше 150 концертов в станах и полевых бригадах [5, С. 77].

НОВОСТИ КРАЕВЕДЕНИЯ

Безусловно театр не имел бы успеха без труппы артистов, вынужденных набирать опыт в тяжелых условиях войны. В русской драматическом театре высоким актерским мастерством отличались И. Северская, О. Шатрова, Э.Ленская, Е. Орел, А. Резинин, Г. Ганюшкин, Ф. Милославин, В. Квятковский. Среди казахских артистов следует отметить С. Кыдрадина, А. Жамбыраева, Ж.Сакенова и др.

Однако не все могло складываться в то неспокойное время в жизни театров благополучно. В частности, были выявлены недостатки в подборе репертуара пьес. Цельный ряд поставленных русско-казахским театром спектаклей оказался подвергнутым критике со стороны профессионального руководства, которые были признаны «малохудожественными, безыдейными, развлекательными». К таким спектаклям были отнесены – «Мыс предупреждения», «Повесть о неизвестном», «Факир на час» и др. Во многом это оказалось возможным благодаря действовавшей цензуре, которая критически рассматривала любую инициативу со стороны творческой интеллигенции. Именно поэтому, предъявляя строгие требования к советскому искусству, и тем самым воспитывая зрителя в строго выдержаных рамках, происходило закабаление творческого порыва, что в свою очередь не могло разнообразить ни репертуар произведений, ни многочисленные потребности зрителя.

«Наш высокотребовательный зритель не приемлет спектаклей, где

жизнь советского общества изображается вяло, скучно, без раскрытия противоречий нашего развития, недостатков и трудностей, в борьбе с которыми утверждается все новое прогрессивное, коммунистическое. Советский зритель требует спектаклей, отличающихся глубиной содержания, высотой идеи, радующих красотой и благородством формы. Если содержание и формы советского искусства полны чувства глубокого оптимизма, то содержание и формы современного буржуазного искусства наполнены мрачными красками пессимизма. Советское искусство вдохновляет наш народ на героические подвиги и живет его интересами. Искусство же, служащее интересам буржуазии полно описанием порнографических извращений, убийств, пропагандой культа грубой силы, ренегатства, всяческим опошлением человеческого достоинства», – отмечалось в докладе о 20-летнем юбилее работы семипалатинского областного театра [1, С. 3].

То, что были допущены подобные пьесы на сцене Семипалатинского театра, директор оправдывал тем, что тогда еще не вышло в свет Постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». «С выходом в свет этих исторических документов нашей партии, направленных на улучшение работы в области литературы и искусства, театр коренным образом изменил направление своей работы. В основу его репертуара были поставлены лучшие пьесы советской драматургии и русской классики».

ӨЛКЕТАНУ ЖАҢАЛЫҚТАРЫ

Были отмечены трудности в выполнении финансового плана, несмотря на то, что зачастую приходилось давать бесплатные концерты. Из-за нехватки квалифицированных артистов, не удавалось поставить все запланированные спектакли. Таким образом, не выполнялся и репертуарный план.

Несмотря на отмеченные трудности, отсутствие квалифицированных специалистов, в этих довольно тяжёлых условиях артисты выполнили свой долг, их благородный труд способствовал сохранению консолидирующего единства народа для отпора врага в годы войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦДНИ ВКО (Центр документации Новейшей истории Восточно-Казахстанской области), Ф. 1401, Оп.2, Д.8, Л.1-15.
2. ЦДНИ ВКО, Ф. 1401, Оп.1, Д.2, Л.39-41 об.
3. ЦДНИ ВКО, Ф. 1401, Оп.1, Д.2, Л.42-48.

4. ЦДНИ ВКО, Ф.490, Оп.1, Д.24, Л.29.
5. ЦДНИ ВКО, Ф.103, Оп.4, Д.35, Л.77-77об.

Л.И. СМОКОТИНА

УДК 908

Томский государственный
архитектурно-строительный университет, г. Томск

Г.Н. ПОТАНИН О ЗНАЧЕНИИ «РОДИНОВЕДЕНИЯ» В РАЗВИТИИ СИБИРСКОЙ ТОРГОВЛИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Қазіргі кезеңде, нарықтық экономикага кошу барысында, Г.Н. Потаниннің XIX г. соңы – XX г. басында сібірлік саудада «отантану» мәселеісінің маңызы жайлыштырып зерттеп-білу өзекті болып келеді. Оқымыстының ойы бойынша ең бастысы согысу емес, дұрыс сауда жасай білу және бул үшін копестердің арналы білім алушын жетілдіру керек деген.

In modern conditions when occurs transition to norms of market economy, the special urgency is got by research of sights of G.N.Potanin about value «motherland knowledge». In development of the Siberian trade in the end of XIX - the beginning of XX century G.N.Potanin, considered that it is more important to learn successfully to trade, instead of to be at war. According to Potanin, it was possible to achieve it only under condition of modernisation of the vocational education of merchants.

Одна из особенностей Сибири состояла в том, что она имела общую границу с Монголией и Китаем. Благодаря этому факту сибирские купцы получили благоприятную возможность заниматься также и внешней торговлей. К сожалению, Китай долгое время препятствовал становлению и развитию торговых отношений с Россией. До 1861 г. политика Цинской династии в Китае основывалась на самоизоляции, что негативно сказывалось на развитии не только русско-китайских, но и русско-монгольских торговых отношений (с 1691 г. Северная Монголия входила в состав Китая). Именно поэтому

Россия сначала стала торговать с Монголией через Кяхту – торговый пункт Восточной Сибири (согласно Буринскому договору между Россией и Китаем от 1728 г.), а с 1861 г. также и через Кош-Агач – торговый пункт Западной Сибири. Долгое время сибирские купцы торговали на российско-китайской границе, так как они не имели права въезда «... в пределы Китайской империи», отмечал Г.Н. Потанин [1].

С серединой XIX в. торговые отношения стали приобретать динамику. Отмена крепостного права и развитие капитализма в России совпали с изменениями в политике

Китая. Русско-китайские торговые договоры, подписанные в 60–80-е гг. XIX в. стимулировали развитие торговых отношений между этими странами: Согласно Пекинским договорам от 1860 и 1869 гг. русские купцы получили право торговать в Монголии, а с 1881 г., согласно Петербургскому договору Россия получила право беспошлинной торговли в Монголии. Этот договор гарантировал сохранение этих торговых привилегий в течение 10 лет [2, С. 453].

Начало непосредственному знакомству с Монгoliей было положено сибирским торговым капиталом, который без государственной поддержки сумел организовать свою торговлю на территории Монголии. Неслучайно Потанин называл торговлю сибирских купцов в Монголии «вольнонародным завоеванием» [1]. Среди сибирских купцов особого успеха в русско-монгольской торговле добились купцы г. Бийска, которые через Чуйский тракт стали торговать непосредственно в Монголии. Если русский человек, воспитанный государственной властью, как правило, превращался в человека робкого, непредприимчивого, боящегося риска, то бийцы «... представляют счастливое исключение в истории нашей торговли с азиатскими странами», замечал Потанин [3].

Бийцы не только открыли, но и монополизировали торговлю с Монголией, годовой оборот которой за 64 года, с 1848 по 1912 г., вырос более чем в 130 раз (с 14285 руб. до

1874602 руб.) [4. Т. 1. Кн. 1. С. 124]. По мнению Г.Н. Потанина, причина успеха бийских купцов заключалась, с одной стороны, в удобном географическом положении г. Бийска, а с другой – наличии у них деловых качеств, выразившихся в том, что они «проявили большую предприимчивость, терпение, настойчивость и выносливость ...», писал Потанин [3]. Г.Н. Потанин не сомневался в том, что именно «легкость наживы, возможность в короткий срок сделать торговую карьеру» являлись хорошим стимулом для них стать предпринимчивыми людьми [5].

Интерес Григория Николаевича Потанина к торговле сибирских купцов в Монголии можно объяснить тем, что он в вопросах изучения природы и общества всегда стоял на позициях естественнонаучного материализма. Экономический вопрос является самым главным и «...только с разрешением его могут разрешиться в желательном смысле и все другие вопросы», считал Потанин [6, С. 104]. Это объясняет, почему еще в 1903 г. Григорий Николаевич Потанин поднимал вопрос о необходимости всестороннего исследования русско-монгольской торговли [2, С. 5].

Григорий Николаевич Потанин в решении этой непростой задачи возлагал свои надежды, прежде всего, на томских ученых. К тому же идея изучения русско-монгольской торговли не сразу нашла понимание в Министерстве торговли и промышленности. По

НОВОСТИ КРАЕВЕДЕНИЯ

инициативе Г.Н. Потанина было учреждено «Общество изучения Сибири и улучшения ее быта», и уже весной 1909 г. Григорий Николаевич Потанин выступил с мыслью организации научной экспедиции в Монголию под руководством этого научного общества [2, С. 5].

В 1910 г. Министерство торговли и промышленности, осознав угрозу потери Монголии для России как рынка монгольского сырья (шерсти овчьеи и верблюжьей, шкурок сурка и скота) и экспорта русских промышленных товаров (фабрикатов), признало также необходимым изучение русско-монгольской торговли. С этой целью оно инициировало снаряжение московской экспедиции. Несмотря на то, что томская и московская экспедиции преследовали одинаковую цель, они расходились в поставленной задаче. Если задача участников томской экспедиции, в состав которой вошли экономисты, профессора Томского университета, М.И. Боголепов и М.Н. Соболев, состояла в выяснении нужд русской торговли, то для московской – лоббирование интересов московских фабрикантов. Изучение государственного и международного значения русско-монгольской торговли «не входило в ее задачи», констатировал Г.Н. Потанин с горечью [1]. Стремление участников томской экспедиции изучить русско-монгольскую торговлю всесторонне – как в экономическом, так и политическом

плане – вызвало понимание и желание профинансировать эту экспедицию как со стороны Министерства торговли и промышленности (3 тыс. руб.), так и сибирских купцов (2 тыс. руб.). Частные пожертвования поступили от бийских и минусинских купцов Н.И. Ассанова, Г.Г. Бодунова, А.Д. Васенева и Г.П. Сафьянова. Щедрая благотворительность сибирских купцов объяснялась их желанием с помощью томских ученых «...разоблачить жадные аппетиты московских мануфактуристов, не желающих понизить цены на их товары <...> стремящихся <...> все прибыли, которые получают бийские купцы, забрать без остатка в свой карман и обратить бийского купца <...> в своего приказчика», – писал Г.Н. Потанин [1].

Бийский купец Н.И. Ассанов в своем письме министру торговли и промышленности обращал его внимание на снижение прибыли сибирских купцов из-за роста цен на монгольское сырье и от продажи русских промышленных изделий, которые по своей цене и качеству не выдерживали конкуренции с иностранными товарами. «Десять лет тому назад шкурка сурка стоила 7 копеек, в настоящее время стоит 1 руб. 50 коп. <...> торговля русскими фабрикантами с каждым годом падает, ее вытесняют англичане и американцы через посредников китайцев, массами сбывающих свой товар монгольскому

народу. <...> с 1901 по 1910 вывоз из России в Монголию в одном только Улясутайском округе упал с 475 тысяч до 120 тыс., т.е. в четыре раза» [3].

Томские ученые подтвердили правильность слов Н.И. Ассанова. Они писали, что все русские лавки в Монголии торговали плохо. «Если прежде торговали на 200 руб. в день, то теперь и 50 руб. в день считается хорошей выручкой», – с горечью констатировали томские профессора [2, С. 75]. Будущее для сибирских купцов также представлялось мрачным, поскольку Китай планировал в русско-китайский договор (1911 г.) ввести 5 % пошлину на русские товары, что сделала бы их еще менее конкурентоспособными на монгольском рынке [2, С. 453]. Томские ученые решили успешно поставленную перед ними задачу. Полученные ими сведения были встречены «с большой похвалой экономистами и монголистами», констатировал Григорий Николаевич [8, С. 97]. Примечательно, что результаты этой экспедиции были опубликованы в книге М.И. Боголепова и М.Н. Соболева «Очерки русско-монгольской торговли» (Томск, 1911). В этом труде томских ученых было представлено «обстоятельное описание всех сторон русской торговли в Монголии», отмечал Г.Н. Потанин с радостью [1]. Таким образом, проведенная исследовательская работа томской экспедиции лишний раз подтвердила мнение Г.Н. Потанина

о пользе децентрализации науки. Он считал более целесообразным доверять изучение родины местным силам, а не экспедициям из Петербурга и Москвы. «Провинциальные учебные общества, знакомые с местной средой, могут найти <...> людей со средствами, готовых дать деньги на ученое предприятие, а также людей, способных содействовать изучению личным трудом», – писал Потанин [8, С. 97].

В то же время Г.Н. Потанин в исследовании этого вопроса пошел дальше томских ученых. Он обратил особое внимание на то, что «...почти все сырье, производимое монголами, оказывается в руках китайских купцов и русские могут получать шерсть только от китайцев и только небольшую часть прямым путем от монголов» [7]. Причину этого факта Г.Н. Потанин видел, с одной стороны, в культурном влиянии китайцев на монгольский народ в течение многих столетий, а с другой – в аристократическом устройстве общественного строя Монголии [7].

Монголия в рассматриваемый период была разделена на множество княжеств, или хошунов, во главе которых стояли князья с наследственными правами. В обязанности князей входило, с одной стороны, производить сбор податей с монголов, а с другой – полученные средства расходовать на народные и государственные нужды. В частности, на содержание пограничной стражи на государственной границе и почтовой службы, оказание

НОВОСТИ КРАЕВЕДЕНИЯ

материальной помощи в виде пособий монастырям и местному духовенству и т.д. В то время в стране отсутствовало денежное обращение, в роли денег выступало серебро. Сложность для князя заключалась в том, что доходная часть бюджета состояла из натурального налога. Монголы, занимаясь скотоводством, могли платить только его продуктами (шерсть, скот). Но для князя предпочтительнее было иметь серебро, с помощью которого финансировались расходные части бюджета. Выход из этой непростой ситуации князь видел в предоставлении «хощунного кредита», суть которого заключалась в следующем: князь, получая в долг серебро у китайской банкирской конторы, предоставлял ей право сбора налога в виде шерсти с населения хощуна в уплату княжеского долга.

Монгольская торговля носила меновой характер. Кроме того, практиковалось «задавание товара в долг» на определенный срок. Экономические условия предоставления кредита китайскими купцами монголам носили грабительский характер: 1) за предоставленное в долг серебро цена на монгольский товар снижалась от 50 до 100 %; 2) должник, не расплатившийся с кредитором в срок, попадал в еще большую экономическую зависимость от китайского купца. В таком случае размер долга возрастал. Например, китайский купец за предоставление монголу в долг чая стоимостью 70 коп. спустя девять

месяцев получал с него 3 рубля [7]. Вся Монголия была опутана сетью китайских банкирских контор. В результате монголы оказались «... в неоплатном долгу у китайцев; долги с каждым годом растут, а монголы с каждым годом все более и более становятся нищими; некоторые хощуны обобраны до последней нитки. <...>. Местами население запродаю свой скот и свою шерсть за три года вперед», – писал Г.Н. Потанин [7]. Такая система взимания податей, по мнению Григория Николаевича Потанина, ставила монголов «... в особое экономическое положение, которое в высшей степени гибельно для монгольской нации; она отдает всю монгольскую нацию в экономическое рабство китайским купцам» [7]. Будущее монголов Григорию Николаевичу Потанину представлялось беспросветным. Он, путешествуя по монгольским степям, убедился в том, как история безжалостно обошлась с монгольской нацией, в прошлом создавшей мировую империю Чингисхана. Монголы, современники Потанина, уже не напоминали о себе как о великой нации. Они оказались «...в положении жалких сирот, лишенных внутренней силы и внешних покровителей», констатировал Г.Н. Потанин [7].

Григорий Николаевич Потанин опасался, что Россия в этой непростой для себя ситуации изберет силовой метод решения проблемы. Он, критикуя внешнеполитический курс царского правительства, отмечал, что нередко царское правительство проявляло

агрессивность в отношении соседних стран в целях либо получения дешевого сырья, либо установления монополии торговли для российских товаров. По этому поводу Потанин констатировал: «Чтобы киргизскую степь сделать потребителем московских ситцев и плисов, нужно было присоединить ее к Российской империи. Все рынки сырья русской мануфактуры лежат в пределах империи. Чтобы ввести Маньчжурию в круг русского торгового влияния, понадобилась оккупация Маньчжурии. У нас повсюду впереди солдат, а за ним уже и купец» [3].

В политических кругах, причем не только России, считалось, что агрессивный внешнеполитический курс является необходимым условием для экономического роста страны. Напротив, Потанин не сомневался в том, что для России целесообразнее научиться хорошо торговать, а не воевать. Именно поэтому Григорий Николаевич Потанин предлагал мирный способ решения данной проблемы. С одной стороны, проведение железной дороги от сибирской магистрали через Бийск до Кош-Агача. Эта мера позволила бы снизить стоимость товаров русской промышленной продукции и тем самым сделать их конкурентоспособными с английскими и американскими товарами, с другой – повысить образовательный и культурный уровень сибирских купцов. Например, бийские приказчики наполовину были безграмотными [9, С. 146].

Для этого необходимо было открыть коммерческое училище в Бийске.

По мнению Г.Н. Потанина, программа обучения учащихся в этом училище должна быть составлена в соответствии с требованиями российско-монгольской торговли. По этому поводу он писал, что учащиеся этого училища должны изучать наряду с английским языком и немецким также монгольский и китайский языки. Григорий Николаевич был убежден в том, что данная программа обучения должна быть составлена на принципе «родиноведения», т.е. изучение предметов должно было проходить с учетом местных условий и потребностей Монголии. Именно поэтому учащиеся должны были изучать географию, статистику, историю Монголии, ее естественные богатства и товароведение по местным данным [5]. Таким образом, методика потанинских полевых работ (полевой метод), которую Григорий Николаевич успешно использовал в своих научных экспедициях, была применима и в специальном образовании сибирских купцов. Потанин не сомневался в том, что для успешной полевой работы «необходимо владеть большим знанием природы страны, экономических условий жизни населения, памятников народного творчества <...>, а также большим знанием нашей литературы о предмете <...> должен изучать язык туземцев» [4, Т. 2, кн. 2. С. 50–51].

Г.Н. Потанин, имея огромный практический опыт научных экспедиций в Центральной Азии, придавал огромное значение изучению «туземного» языка. Безусловно, это повышало престиж

НОВОСТИ КРАЕВЕДЕНИЯ

чужестранца. Он писал по этому поводу: «Знание чужого языка вообще является сильным цементным средством для сплочения народностей <...>. Монгол или киргиз очень ценит в чужеземце знание монгольского или киргизского языка; услышав в устах русского свою родную речь, он чувствует в нем человека, чувствует своего ближнего. А теоретическое знание языка <...> вызовет в монголе уважение, которое станет еще более, когда к знанию языка прибавится знание быта, истории и литературы монгольского народа» [5]. Более того, Григорий Николаевич Потанин не сомневался в том, что знание монгольского языка русскими купцами положительно скажется на их культурном поведении с монголами в монгольских стойбищах. «Если они будут знать, что есть ценного в жизни и характере монгольского народа, тогда их чувству сделается доступной прелест поэзии, заключающаяся в произведениях монгольского

творчества, тогда они будут в состоянии оценить высоту морали буддизма, учениками которого считают себя монголы», – отмечал Потанин [5].

Царское правительство не сочло целесообразным открывать коммерческое училище в Бийске, посчитав, что шести коммерческих училищ на всю Сибирь достаточно. Такие училища располагались в Тюмени, Омске, Томске, Иркутске, Чите и Владивостоке. Старейшим из них было Томское коммерческое училище, открытое в 1901 г. Попечителями данного училища являлись томские купцы Н.А. Молчанов, Д.Р. Шадрин, И.Д. Сычев и потомственный почетный гражданин А.Д. Родюков. В 1912–1913 гг. Томское коммерческое училище было реорганизовано в политехническое училище [10, С. 51]. Остается выразить надежду, что всегда актуальная идея Г.Н. Потанина о родиноведении найдет понимание и в постсоветском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Потанин Г.Н. Нация накануне гибели // Сибирская жизнь. 1911. 13 окт.
- 2.Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. - Томск, 1911.
- 3.Потанин Г.Н. К вопросу о Бийском коммерческом училище // Сибирская жизнь. 1911. 23 янв.
- 4.Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: В 4 т. и 4 кн.-Новосибирск, 1994–1995.
- 5.Потанин Г.Н. К вопросу о Бийском коммерческом училище // Сибирская жизнь. 1911. 24 янв.
- 6.Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири // Сборник к 80-летию со дня рождения Г.Н. Потанина.-Томск, 1915.
- 7.Потанин Г.Н. Нация накануне гибели // Сибирская жизнь. 1911.14 окт.
- 8.Потанин Г.Н. Культурно-просветительные организации // Город Томск.-Томск, 1912.
- 9.Потанин Г.Н. От Кош-Агача до Бийска (отрывок из путевых записок) // Древняя и Новая Россия: Ежемесячный исторический иллюстрированный сборник. СПб., 1879. № 6.
10. Потанин Г.Н. Из записок книжки сибиряка // Сибирь. 1879. 31 окт.

ШЕТЕЛ ӘРІПТЕСТЕРІМІЗДІҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

В.П. ЗИНОВЬЕВ

УДК 94(571):329(091)

Томский государственный университет,
г. Томск, Россия

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧИХ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВЫЕ ГОДЫ XX ВВ.

Мақалада XIX г. соңы – XX г. басында Сібіржұмысшыларының өз бетінше үйымдасу түрлөрі қарастырылады: артелдер, кооперативтер, өзара көмек кассалары.

In article forms of self-organising of workers of Siberia in XIX are considered – beginning XX century: artels, co-operative societies, mutual aid cash desks.

Основой так называемого гражданского общества является способность населения к самоорганизации и самодеятельности помимо государственной политической системы, существующей за счет общества и регулирующей его жизнь. Сейчас много и горячо говорят о гражданском обществе, при этом, внимательно изучая опыт стран Запада, считают зазорным поинтересоваться опытом собственной истории, в частности опытом русской общины, артели, из которых выросли экономические организации нового индустриального мира России.

Существует богатейшая дореволюционная литература по истории русской артели. В советской и современной историографии эта тема совершенно забыта. Две мои статьи не в счет [1; 2]. Больше повезло кооперативам, обществам и кассам взаимопомощи, которые изучались как

часть рабочего движения (см. труды И.А. Корякова, В.И. Зиновьевой и др.).

В настоящей статье обобщена информация об экономических рабочих организациях Сибири до революции 1905 г., в период которой они стали массовым явлением.

Исторически первой традиционной формой организаций труда и общественной жизни в России была артель. Она была настолько широко распространена, что перед государством встало задача ее законодательного оформления. Впервые артель как юридический термин встречается в цеховом уставе 1799 г. Первые официально признанные артели действовали по особым правилам. Это артели грузчиков в портах, торговых перевалках и таможнях в XVIII – начале XIX в.: биржевые, дрягиль – в Санкт-Петербурге, балластные и купорные – в Архангельске, ширельные и совошные – в Кяхте. Официально регистрировались земские артели сыроваров, кузнецов,

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ КОЛЛЕГ

сапожников в 60–70-е гг. XIX в. Однако этот опыт государственного формирования артелей оказался неудачным. Официально были признаны рабочие горнозаводские артели: Нижнетуринская (1867 г.), Екатеринбургская артель «Братство» (1871 г.), артель слесарей села Павлово [3]. В начале XIX в. на Красносельской писчебумажной фабрике артель рабочих из 200 человек договорилась с владельцем – генералом Хлебниковым – о самоуправлении предприятием [4].

Подобная же артель существовала и в Сибири. По особому артельному договору действовал в 1889–1899 гг. Абаканский металлургический завод в Енисейской губернии. Артель была образована, когда выяснилось, что владельцы завода – известные уральские предприниматели Пермикины – оказались несостоятельны и задолжали рабочим около 14 тыс. руб., а служащим – 4,7 тыс. руб. жалованья. Рабочие просили для возвращения долга передать им завод в аренду. Пять раз с 31 марта по 28 декабря 1888 г. через своего доверенного Макарова они обращались по этому поводу к губернским властям и к генерал-губернатору. Генерал-губернатор Восточной Сибири А.П. Игнатьев прошение мастеровых поддержал, поскольку желающих купить завод или взять его в аренду не находилось. Конкурсное правление по делам несостоятельного должника Г.М. Пермикина передало 14 декабря 1888 г. завод в аренду артели из 127 рабочих и служащих на основании артельного

договора от 22 ноября 1888 г. Артель подписала контракт об аренде завода с полицейским управлением Минусинского округа 12 мая 1889 г. [5]. Артель нанимала рабочих и служащих, которых числилось от 500 до 900 человек. Дела артели вел староста. В разное время старостой были служащий завода Косованов, поручик в отставке Зенгбуш, бывший Минусинский исправник Куменков, а в 1894 г. артель постановила передать управление заводом в руки 12 выборных [6; 7].

Сведения об успехах артели противоречивы. Рупор частного капитала «Сибирский вестник» постоянно сообщал о неумении артели управлять предприятием, об ее зависимости от поставщиков, о доверчивости к проходимцам, о пьянстве рабочих [8]. Более компетентная горная печать сообщала о хорошем состоянии производства [9]. Очевидно, артель имела достаточно сил и умения поддерживать завод 10 лет в рабочем состоянии, но не имела средств выкупить завод, его переборудовать. В итоге в 1899 г. завод за 150 тыс. руб. купил известный уральский заводчик В.А. Ратьков-Рожнов. Следует согласиться с мнением бывшего управляющего заводом инженера Д. Степанова, что «Абаканско-заводская артель показала, что мастеровые и рабочие не могут управлять сами таким сложным делом, им нужны руководители-специалисты» [10]. Действительно, артель в течение всего времени своего существования нанимала техников и управленцев.

ШЕТЕЛ ӘРІПТЕСТЕРІМІЗДІҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

В 1899 г. Департамент торговли и мануфактур разработал проект закона об артелях. 1 июня 1902 г. было утверждено «Положение о трудовых артелях». Закон делил артели на уставные и договорные, определял права членов артелей и их обязанности. Артель объявлялась отдельным юридическим лицом, собрание членов которой составляло ее главное управление. Оформление артели требовало длительной процедуры, утверждения Министерством финансов, поэтому они создавались квалифицированными рабочими и ремесленниками в отраслях со стабильными заработками. Образцовый устав для примера и руководства был издан 30 сентября 1904 г. [11].

В Сибири уставные артели не получили широкого распространения. До 1905 г. образовалось только 5 артелей. 18 мая 1903 г. открылась «Первая столярная ремесленная артель» в Томске из 10 человек [12]. Осенью того же года открылись еще три артели: маляров, кровельщиков и строителей на станции Обь [13]. В 1904 г. стала действовать «Первая томская артель портных» из 10 человек [14]. Они являлись объединениями ремесленников, пытавшихся избежать конкуренции в условиях ограниченного рынка.

Большую часть артелей Сибири, как и Европейской России, составляли традиционные договорные артели, которые официально не регистрировались. Их внутренняя

организация зависела от сложности, масштабов, длительности самого промысла, от степени его интеграции в капиталистические отношения.

Обычно артель возглавлял староста – рядчик или подрядчик у строителей, грузчиков, «шишка» у бурлаков, «башлык» у рыбаков. Староста заключал договор с нанимателем, составлял письменный контракт, в котором оговаривались условия найма или поставки (у лесорубов, углежогов, смолокуров, возчиков кладей). В контрактах такая артель юридически выглядела разделенной на подрядчика и нанятых от его имени работников. Юридическую ответственность за выполнение условий договора нес подрядчик-староста. В первой половине XIX в. обычным в контрактах был пункт о круговой поруке нанятой артели.

Староста участвовал в работе личным трудом лишь в свободное от организационных забот время. Он был всегда наиболее развитым, грамотным, опытным специалистом. Вот впечатление современника от подрядчика каменщика: «... старший у каменщиков всегда чрезвычайно светлая личность, он непременно грамотен, для артели даже образован, всегда трезв и рассудителен, а если к этому мы прибавим еще то, что у него всегда найдутся гроши для того, чтобы помочь при случае артельному, то вот все, что необходимо для того чтобы иметь достаточное влияние на артель» [15]. Староста вел финансовые

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ КОЛЛЕГ

дела. Обычно старосту выбирала сама артель, однако в ширельных, совошных, бурлацких, пристанских, горных артелях требовалось согласие нанимателя.

Заработка в артелях распределялся поровну только между полноправными членами, староста получал два пая, новички – от четверти до трех четвертей пая. Прием и увольнение из артели происходили по решению общего собрания. Увольнялись из артели за пакость товарищу, за прогулы, за слабосильность, из-за продолжительной болезни. В ширельных артелях Кяхты во время болезни рабочему платили от четверти до половины пая в течение месяца, покалеченному на работе – в течение трех месяцев. Старики получали полный пай до тех пор, пока были в силах приходить на работу. Можно сказать, что артель не доплачивала молодым холостым работникам и переплачивала старым, обремененным семействами. Хорошим работникам артель прощала прогулы и пьянство, но требовала отработки. На похороны артельных имелись особые деньги. Деньгами артели распоряжался староста, но для проверки его действий назначались счетчики, своеобразная ревизионная комиссия из грамотных и знающих дело работников. При большом объеме работы артель нанимала от себя временных работников с той же или с несколько меньшей, чем у артельных, платой. Артельные, как правило, жили лучше, чем ненорганизованные рабочие той же профессии, что давало им законный повод козырять перед прочими,

проявлять артельную гордость, вроде цехового патриотизма средневековых ремесленников [16; 17; 18].

Артельный уклад труда и быта был основным и на капиталистических предприятиях горнодобывающих отраслей, на стройках, пристанях, извозе, судоходстве, то есть в тех отраслях производства, в которых было затруднительно формальное подчинение труда капиталу, и последний был вынужден использовать докапиталистические формы организации работы. Чем выше была механизация труда, детальнее формальный контроль, тем меньше наниматели нуждались в услугах артели. Артельные принципы самоорганизации рабочих, однако, сохранились до сих пор. Подрядные бригады советского времени, например, строились на артельных порядках.

Обычно артели брались за сдельные работы, жили и питались вместе. Формировались часто они из земляков (широко в Сибири были известны артели «семейских» – забайкальских староверов, артели нижегородских и вятских плотников, казанских татар-грузчиков) либо из работников, равных по силе. Лучшие артели на приисках получали самую срочную, наиболее выгодную работу, лучшие места в казармах, лучшее питание, больше порций водки. Им прощались прогулы. Их ненавидели и им завидовали остальные артели. Они были бедой и выручкой на прииске.

ШЕТЕЛ ӘРІПТЕСТЕРІМІЗДІҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

Эти приисковые аристократы, грубые самоуверенные молодцы быстрее других изнашивались на работе, быстрее других пропивали здоровье и «ханули», то есть становились негодными для интенсивной работы [19]. Лучшие артели выделялись и среди плотников, грузчиков, землекопов.

Используя артельную организацию труда и быта, предприниматели не только извлекали пользу за счет экономии на издержках управления и надзора, о чем писал Ф. Энгельс, анализируя книгу В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» [20], но и должны были считаться с возможным сопротивлением артели. Круговая порука, спайка и казна артели нередко оборачивались против хозяев, в то же время артель должна была считаться с возможным подкупом своих вожаков. Артель была первой формой организации рабочего движения в России задолго до возникновения у российских пролетариев профессиональных союзов и партий европейского типа. Чувство солидарности проявлялось в том, что считалось доблестью порадеть и пострадать за «общество», то есть за артель. Артель, в свою очередь, старалась защитить вожаков, жестоко расправляясь с хозяйственными холуями и соглядатаями. Практически все стачки мануфактурного периода, имевшие организованный характер, обязаны артельной традиции, артельной дисциплине. Даже в начале XX в., когда в Сибири стали культивироваться современные формы

объединения рабочих, артельные традиции продолжали жить и использовались рабочими в случаях организации крупных стачек. Например, основой центрального забастовочного комитета Ленской забастовки 1912 г. были артельные старосты и старосты бараков. Непременной составной частью организующей структуры стачек на каменноугольных копях Сибири были артели забойщиков во главе с артельщиками. Они выполняли ту же роль, что и знаменитые фабричные старосты в Англии.

На принципах договорной артели формировались нелегальные промысловые артели золотоискателей. Артели старателей получили широкое развитие в Сибири с 70-х гг. XIX в., когда была разрешена мелкая золотопромышленность и когда в среде таежного населения закрепились промысловые навыки, накопился слой выброшенных с приисков по разным причинам работников. Старательским артелям с числом рабочих не менее 10 разрешалась аренда промыслов, сдельная работа с оплатой с золотника добытого золота. Старательские золотничные работы приобрели широкие масштабы, а накануне Первой мировой войны старательские артели добывали почти 60 % официально зарегистрированного золота в России [21].

Однако это было не все артельное золото России. Золотое обращение в стране в значительной мере питалось еще и нелегальными промысловыми артелями. Когда гигантские размеры

утечки золота заставили правительство пойти на вольную торговлю драгоценным металлом в стране, тогда обнаружилось, что около 30 % всей реальной добычи проходило мимо официальной регистрации в шнуровых книгах приисков [22]. Это и было по большей части вольностарательское золото. Вольное старение в Сибири являлось таким же распространенным промыслом, как и другие, только нелегальным. «Вольный старатель-хищник вовсе не бездомный бродяга ... а полноправный гражданин, домовой крестьянин или мещанин ...», — писал П. Надин [23]. Артели старателей снаряжались по тем же принципам, что и охотничьи, уходившие в тайгу с инструментами, припасами. Небольшие артели вольностарателей проникали в самые отдаленные уголки тайги, преодолевали невероятные лишения в поисках золота. За ними следовали отчаянные люди — таежные торговцы с грузами провизии, оборудования, спирта, скопавшие за все это добро золото. По окончании сезона вольностаратели, если не сбывали золото в тайге легальным промышленникам и торговцам, искали скупщиков или сами продавали металл в Китай.

Трудно переоценить значение вольной артельной золотопромышленности в истории освоения Сибири. Вольные старатели («летучка» или «хищники») открыли наиболее богатые месторождения золота во второй половине XIX — начале XX в. в Северном Китае, на

Среднем Витиме, на Зее, на Охотском побережье, в Олекминском округе, на Чукотке, где встретились с такими же вольными золотоискателями из США — протекторами. Нахodka богатых россыпей вызывала большое стечание старательских артелей со всей тайги. Старатели успевали выбрать как можно больше золота до официальной заявки местности каким-либо золотопромышленником.

Наиболее известна Желтугинская «республика» старателей в Маньчжурии в 1885—1886 гг., которая насчитывала до 12,5 тыс. старателей — русских, китайцев, бурят, корейцев. Все они делились на артели по 10—12 человек. Прииском, растянутым по реке на 15 км, управляли 8, а затем 12 выборных старшин из русских и китайцев во главе с главным старшиной, казначеем, судьей. Был выработан и строго соблюдался «Устав вольных промышленников». Основные вопросы жизни прииска решались на сходке старателей на площади «Орлиное поле». Там же вершились суд и наказание. Совет старшин ведал налогами, решал споры между артелями, устанавливал цены на золото и товары, организовывал оборону прииска от бандитов (хунхузов) и войск. Желтугинская «республика» старателей была разгромлена китайскими войсками с помощью русских властей. Подобные же старательские «республики» образовались в то же время на реках Аркан и Сапожок — по 500—700 работников [24].

ШЕТЕЛ ӘРІПТЕСТЕРІМІЗДІҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

Разогнанные старатели в 1892–1893 гг. основали новые прииски на реках Бом и Селемжа в Амурской области, откуда также были изгнаны полицией. В 1896 г. на Миллионном ключе по реке Гилюй собралось «Общество вольных старателей Зейской и Гилюйской систем» числом до трех тысяч человек с порядками, как на Желтуге. Работы велись артелью, прииском управляли старшины, трое из которых составляли высший совет [25]. В 1898 г. на реке Королон в Баргузинской тайге работали до 500 вольностарателей (90 артелей) до той поры, пока прииск не заявил Я.Д. Фризер. Мировой судья, посетивший Королонскую «республику», описал работы и устройство старательского общества: «.... хищники работали отдельными артелями, а для порядка ими заведено было свое самоуправление: на общей сходке был избран староста и двое десятских, получавших более чем приличное вознаграждение; на уплату им жалованья, на вспомоществование больным и другие нужды хищнического общества хищники-торговцы были обложены особым сбором в размере от 2 до 4 золотников золота» [26]. В Амурской тайге в том году, по сведениям горной полиции, бродили не менее 13 тыс. вольных старателей [26].

В начале XX в. старатели перенесли центр своей деятельности в район реки Жужа в Олекминском округе, где обнаружили богатейшие россыпи золота и где добились от властей фактической легализации [27]. В обжитых районах Сибири горная полиция

также постоянно и безуспешно воевала со старательской вольницей. Старательские артели были легализованы в 1923 г., когда А.И. Рыков подписал «Правила разработки золотосодержащих участков старателями в Дальневосточной области» [28].

Артели рабочих, как уставные, так и договорные, исследователи справедливо считают производственными кооперативами. Относятся к таковым и артели вольностарателей [29].

Довольно рано познакомились сибирские рабочие и с другими экономическими объединениями – потребительскими кооперативами. Первой попыткой такого рода была организация кооперативной потребительской лавки на Петровском металлургическом заводе в 1864 г. Декабрист И.И. Горбачевский, имевший большое влияние на местное население, ознакомил кузнеца А. Першина, избранного волостным головой, со статьями Добролюбова в журнале «Современник» о рабочих ассоциациях в Западной Европе. А. Першин предложил на волостном сходе открыть коллективную лавку для торговли продуктами. Несмотря на высокий пай – 5 руб., сразу был составлен капитал в тысячу рублей, а, значит, нашлось около 200 пайщиков. Остальные работники завода тоже не были лишены права покупать продукты в лавке. Мясная общественная лавка просуществовала на заводе с апреля по октябрь 1864 г. Рабочие сами выбрали маркитантов,

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ КОЛЛЕГ

закупили и пустили в продажу мясо по 5 коп. фунт, а затем – по 2,72 коп. за фунт вместо прежних 8 коп. за фунт у частных торговцев. Управление завода поощряло действия рабочих, но осенью рабочие не смогли набрать 20 тыс. руб. для зимней закупки мяса, и вернулись прежние порядки. Неудача объяснялась не только неопытностью кооператоров, не создавших оборотный капитал, но и господством крупных оптовых сделок в Забайкалье того времени [31].

Петровский завод также оказался единственным предприятием в Сибири, рабочие которого не отказались от устройства горнозаводского товарищества, разрешенного положением от 8 марта 1961 г. В отличие от таковых на Урале, оно не получило официального утверждения. До 1970 г. оно существовало без устава и правления. Деятельность его выражалась в сборе взносов и выработке правил. Нерчинское водоуправление разрешило открыть товарищество 13 января 1870 г., но лишь в начале 1873 г. было избрано правление – горнозаводской приказ и назначен председатель. Кассиром был избран мастер И. Филонов. Целью общества была выдача пенсий и пособий. Сравнительно высокий взнос – 3,6 руб., а для пудлинговых и формовых мастеров – 2,4 руб. – ограничил круг участников товарищества квалифицированными рабочими и служащими. В 1875 г. в товариществе состояли 196 чел., в 1881 г. – 148 чел., то есть половина рабочих завода. По положению полная пенсия (120 руб.) должна

была выдаваться за 35–40 лет работы. Дожить до этого было мало надежды, рабочих привлекала возможность получить ссуду, товары и продукты в кооперативной лавке. Организация потребительского кооператива «Общая польза» в 1871 г. (74 члена) не была предусмотрена официальным положением о горнозаводских товариществах и была плодом самодеятельности работников завода. В 1874 г. товарищество закупило и продало своим членам продуктов на 3 тыс. рублей с 7 % надбавкой против оптовых закупочных цен. Обычная надбавка частных торговцев составляла до 100 %. В 1881 г. капитал товарищества составлял уже 20 тыс. руб. Но в целом для трехтысячного населения поселка деятельность кооператива была недостаточной [32].

В начале 1890-х гг. были предприняты попытки создания потребительских обществ на Риддеровском и Зыряновском рудниках и Гурьевском заводе в Алтайском округе Кабинета. Дела об их учреждении долго ходили по различным министерским канцеляриям. В 1897 г. открылось Зыряновское общество, в 1898 г. – Гурьевское с типовыми уставами [33, 34, 35]. Такое же общество было образовано на Головинских каменноугольных копях Черемховского бассейна по инициативе управляющего копями инженера П.И. Пальчинского. В него вошли 26 учредителей из числа служащих и рабочих. Сведений о его

ШЕТЕЛ ӘРІПТЕСТЕРІМІЗДІҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

деятельности не обнаружено. Вероятно, оно, как и Зыряновское, прекратило свои действия в связи с временным закрытием предприятия [36].

Другой отраслью народного хозяйства, где существовали потребительские кооперативы, являлась железная дорога. В 1895 г. на станции Тюмень было открыто отделение потребительского общества служащих Пермской железной дороги [37]. С 7 мая 1898 г. по 1907 г. действовало «Общество потребителей почтово-телеграфных чинов г. Читы» [38]. В том же году начало действовать Общество потребителей Сибирской железной дороги. Первоначально функционировало Томское отделение, затем – Омское, Иланское, Красноярское, Иннокентьевское, Зиминское, Боготольское, Каинское, Карачинское, Тайгинское, Нижнеудинское, Тайшетское, Тулуновское. В 1904 г. оборот общества составил 16 тыс. руб. Общество было административно зависимым, получало ссуды от управления Сибирской железной дороги, много задолжало и было объявлено несостоятельным до 1 января 1912 г. [39].

Другая судьба ожидала открывшееся 16 октября 1899 г. Общество потребителей служащих Забайкальской железной дороги. Оно превратилось в крупнейший в России потребительский кооператив. В 1899 г. общество имело 2 отделения – в Сретенске и Чите. Оборот его составлял 27,5 тыс. руб. В 1913 г. оборот операций общества достиг

3250 тыс. руб. в 16 отделениях на станциях Иркутск, Мысовая, Верхнеудинск, Петровский завод, Маритуй, Сретенск, Оловянная, Борзя, Слюдянка, Адриановка, Хвойная, Шарыжалгай, Дровяная, Маньчжурия, Харбин, Глазково [37; 40; 41]. В обществе состояло 24,3 тыс. членов. Кроме этого кооператива, непродолжительное время в 1904–1907 гг. в Чите на железной дороге действовал потребительский кооператив рабочих, который был членом-пайщиком Московского союза потребительских обществ. Он не имел поддержки администрации железной дороги и скоро закрылся [41].

Общими чертами всех потребительских кооперативов Сибири было их возникновение на казенных или кабинетских предприятиях, то есть там, где распорядитель дела – администрация была заинтересована в их существовании. Слабость инфраструктуры и торговой сети в Сибири заставляла предпринимателей, хотели они того или нет, заниматься снабжением рабочих всем необходимым. Управления казенных предприятий, не имевшие материальной заинтересованности в организации системы снабжения за счет Казны, предпочитали перепоручить это самим рабочим и служащим, поддерживая инициативу ссудами. Общество на Сибирской железной дороге оказалось неспособным конкурировать с частной торговлей. Забайкальское общество не имело сильных конкурентов и получило возможность стать мощной монополией.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ КОЛЛЕГ

Единственное потребительское общество на частном предприятии – Головинских копях – обязано своим недолгим существованием либерализму П.И. Пальчинского. Потребительские общества, по сравнению с хозяйствами лавками, предполагали минимум торговой прибыли, поэтому существенно облегчали положение пайщиков. Основной массе рабочих Сибири потребительские кооперативы стали знакомы после первой русской революции, а широкое развитие получили в период Первой мировой войны.

Другим типом экономических организаций, легальных и административно зависимых, были кассы взаимопомощи. Первые из них открылись в Салаирском крае. На Гурьевском заводе Кабинета в 1870 г. образовалась касса взаимопомощи служащих из 85 членов. В 1876 г. в селе Гурьевском образовалось сельское ссудосберегательное товарищество, куда входили и рабочие завода. Другое товарищество образовалось в селе Салаирском в 1877 г. В него входили и рабочие Салаирского рудника [42; 43]. Позднее, в 1888 г., на Гурьевском заводе открылась ссудосберегательная касса служащих и рабочих. Она имела 24–34 члена и занималась благотворительностью и выдачей возвратных ссуд [42; 44].

Легальные кассы взаимопомощи организовывались только приказчиками и типографскими рабочими, то есть наиболее развитыми в культурном отношении профессиональными

группами рабочих. Немалую роль в этом играли прогрессивность и либерализм хозяев. Так, 5 июля 1897 г. открылась касса Торгового дома Бадмаева в Чите, 17 апреля 1900 г. – Томское отделение ссудосберегательной кассы фирмы «Печатня С.П. Яковлева» при типографии с 70–80 членами [45; 46]. В 1903 г. П.И. Макушин открыл в своей Томской торговой фирме ссудосберегательную кассу, а в 1904 г. также поступила фирма Смирновых в Барнауле [47; 48].

Более распространеными среди городских рабочих, чем кассы, были общества взаимопомощи, особенно у приказчиков. Первое узкокорпоративное «Общество взаимного вспоможения приказчиков в г. Иркутске» начало действовать 20 марта 1883 г. Оно оставалось и наиболее многочисленным (1883 г. – 151 член, 1903 г. – 369 членов), наиболее влиятельным обществом взаимопомощи в Сибири. Кроме выдачи ссуд, оно занималось культурной, благотворительной деятельностью. В 1884 г. при обществе была открыта библиотека, а в 1895 г. – клуб, в 1899 г. – бесплатная начальная школа для детей. Реальным достижением общества было установление в 1889 г. воскресного отдыха для приказчиков. Общество не соблюдало классового принципа при формировании, членами его были и хозяева фирм, и доверенные, и приказчики. Идиллия разрушилась к концу 1890-х гг., когда усилился классовый антагонизм, а в общество вошли политические ссыльные. В 1904 г. конфликт с

хозяевами, нарушившими договор о воскресном отдыхе приказчиков, принял острый характер: 244 приказчика подали в Совет общества петицию с протестом против нарушения договора 1889 г., а 18 декабря 1904 г. Общество подало правительству России петицию с требованием восьмичасового рабочего дня и признания права на создание профессиональных союзов [49]. Эта петиция получила поддержку многих обществ приказчиков России и приобрела всероссийский резонанс [50].

Вторым в Сибири образовалось общество приказчиков Томска – в 1892 г. Затем последовало открытие обществ в Кяхте и Тюмени (1895 г.), в Омске (1896 г.), в Барнауле (1901 г.), в Чите (1902 г.), Сретенске (1903 г.), Тобольске (1904 г.). «Общество взаимопомощи личного труда», созданное в Барнауле по инициативе ссыльных народников в 1901 г. и состоявшее первоначально из торгово-промышленных служащих, в 1904 г. преобразовалось в общество взаимопомощи приказчиков и ремесленников [51].

Общества приказчиков, как правило, были немногочисленными, возникали в крупных торговых центрах, охватывали 10–20 % общего числа служащих и рабочих. В них не принимались чернорабочие. Деятельность обществ ограничивалась просветительской работой и главным образом – выдачей ссуд и пособий своим членам. Чтобы дать представление о

составе и деятельности таких обществ, приведу пример Томского общества приказчиков. Учредителями его были 42 приказчика торговых и промышленных заведений, подавших прошение об открытии общества 16 октября 1890 г. Почти год проект рассматривался в Томском губернском управлении и Министерстве внутренних дел, 24 сентября 1891 г. в исправленном виде проект был представлен губернатору. Устав был утвержден лишь 21 января 1892 г., а 19 апреля общество открыло свою деятельность. Типовой устав, взятый за основу, предусматривал, что цель общества заключалась в распространении полезных знаний, в выдаче пособий и ссуд, в поиске мест для безработных членов общества, в оказании врачебной помощи, в воспитании детей. В соответствии с уставом общество также могло открыть приют для престарелых, лечебницу, библиотеку, школу, организовать уроки бухгалтерии, устраивать чтения, открыть клуб. Десятый параграф устава предусматривал действительное, почетное членство и членов-соревнователей. Одиннадцатый параграф исключал членство в обществе простых рабочих и ремесленников. Взносы делились на три разряда – от 10 до 25 руб. в год. Членами-соревнователями становились уплатившие более 100 рублей единовременно, тем самым в общество привлекались состоятельные люди. Вспомогательная касса предполагалась к открытию через 15

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ КОЛЛЕГ

лет после начала действия общества по мере накопления капитала.

По отчету за 1892/93 г. общество имело 151 члена, в том числе доверенных, конторщиков и прочих служащих – 78, мастеров промышленных заведений – 2, приказчиков – 71, членов-соревнователей – 28, почетных членов – 4, среди них – Томского губернатора, епископа Макария. Капитал общества составлял 14,5 тыс. руб. В 1894 г. при обществе открылась библиотека, а в 1903 г. – касса взаимопомощи. На случай смерти выдавались пособия, и была организована врачебная помощь [52].

В Томске же была предпринята попытка открытия Общества взаимопомощи женщин-служащих торгово-промышленных заведений. В октябре 1898 г. 29 учредительниц подали прошение об утверждении устава. Общество начало функционировать 10 ноября того же года, но устав его не был утвержден министром внутренних дел, что автоматически влекло за собой закрытие общества [53].

В Томске действовало и единственное в Сибири общество взаимопомощи типографских рабочих. Особенностью его было то, что оно образовалось по инициативе социал-демократов города и ими контролировалось, хотя в обществе входили и социалисты-революционеры и областники. Выросло общество из кассы взаимопомощи типографских рабочих, которая возникла в конце 1899 г. В 1900 г. касса действовала

как общегородская стачечная касса и насчитывала сотню членов. Председателем ее был социал-демократ Николай Иванович Дербышев, секретарем – социал-демократ Николай Баранов (Урубков) [54; 55]. Есть упоминания о том, что стачечная касса действовала также в столярной мастерской Тренцова [56].

В 1901 г. стачечная касса была легализована в виде «Общества взаимопомощи книгопечатников», куда, кроме рабочих и служащих типографий, вошли журналисты, интеллигенция города. В обществе в 1901 г. состояли 85 членов, в 1902 г. – 116, в 1903 г. – 70 членов. Первое правление общества состояло из одних социал-демократов: председатель – служащий управления Сибирской железной дороги В.П. Булыгин, кассир – наборщик И.М. Барашков, заместитель председателя – наборщик Д.М. Калико, секретарь – Н.В. Баранов, члены правления – В.Е. Воложанин и В.И. Федоров. В феврале 1902 г. председателем правления был избран политический ссыльный эсер С.П. Швецов, членами правления – социал-демократы В.П. Булыгин, И.М. Барашков, Н.С. Колмаков, Д.М. Калико, Е.Е. Кононов, в ревизионную комиссию вошли либерал, частный поверенный и журналист В.А. Долгоруков, социалист-революционер, адвокат М.И. Вознесенский, социалдемократ, чиновник по особым поручениям И.Е. Овсянкин, а также В.И. Федоров, политическую принадлежность которого полиция определить затруднилась.

В членах общества числились 56 политически неблагонадежных личностей, в том числе 29 социал-демократов, 4 социалиста-революционера, один либерал и областник Г.Н. Потанин [57].

В июле 1902 г. общество стало чисто рабочей организацией. Причиной разрыва интеллигентов и рабочих послужил конфликт в типографии П.И. Макушина. Рабочие 19 июля потребовали сократить рабочий день накануне воскресных и праздничных дней и явочным порядком ушли с работы на два часа раньше положенного. П.И. Макушин уволил организаторов стачки – социал-демократов А.М. Дробышева и Е.Е. Кононова. В ответ Общество книгопечатников исключило из своих рядов П.И. Макушина и вернуло ему взнос члена-соревнователя – 100 рублей. В знак солидарности с П.И. Макушином из общества ушли Г.Н. Потанин, С.П. Швецов и другие общественные деятели Томска [58; 59].

Дело получило широкий резонанс в Сибири, чему способствовала длительная газетная война между Обществом книгопечатников и П.И. Макушиным. Е.Е. Кононов и А.М. Дробышев через мировой суд добились отмены незаконного увольнения. В газетных фельетонах немало писалось о лицемерии Макушина и эксплуататорской сущности либерала-просветителя, у которого был самый продолжительный рабочий день, самые плохие условия труда в типографии и в значительных масштабах применялся труд детей [60]. Надо сказать, что П.И. Макушин был прижимистым,

аскетичным человеком, он экономил на всем, что не касалось просвещения, в том числе и на рабочей силе. Общество книгопечатников Томска было наиболее радикальным из рабочих организаций Сибири.

«Общество взаимного вспомоществования занимающихся ремесленным трудом в г. Томске», наоборот, было наиболее консервативным. Оно было создано в 1903 г. на месте упраздненной ремесленной управы и унаследовало имущество и капитал управы – 35,5 тыс. руб. Бывший ремесленный голова Г.И. Медведчиков стал председателем общества. В нем в 1903 г. состояли 130 членов, в 1905 г. – 200 членов (хозяев ремесленных заведений, наемных мастеров). Основной функцией общества была выдача ссуд, пособий по бедности, по безработице. Общество имело школу, нанимало врача, акушерку, организовывало покупку товаров со скидкой, содержало кружок драматического искусства. Пример общества ремесленников показывает, как была модернизирована старая сословная средневековая корпорация. В годы первой русской революции Общество ремесленников активно поддерживало «Союз 17 октября» и «Партию народной свободы» [61; 62; 63].

Всего в Сибири было создано рабочими за вторую половину XIX в. и в первые годы XX в. 39 экономических объединений с 2,4 тыс. членов, в том числе 17 уставных производственных и потребительских кооперативов, 9 касс и 13 обществ взаимопомощи

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ КОЛЛЕГ

[51]. Таким образом, организованное экономическое движение в Сибири в это время лишь зарождалось, охватывало менее 1% работников и не могло оказать существенного влияния на положение рабочих. Значительно большее влияние на экономическую жизнь Сибири имели

договорные артели, составлявшие организационную основу процесса труда в строительстве и добывающей промышленности. Государственные учреждения и предприниматели в своих действиях были вынуждены считаться с этой народной формой организации труда и быта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев В.П. Традиции артельного труда в Сибири в XIX – начале XX в. // Организация труда и трудовая этика. Древность. Средние века. Современность. - М.: ИВИ РАН, 1993.-С. 241–252.
2. Зиновьев В.П. Артель в дореволюционной Сибири // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX – начало XX в.).-Омск, 1994.-С. 26–38.
3. Исаев А.А. Артели в России. Ярославль, 1881.-С. 55, 83–95.
4. Китанина Т.М. Рабочие Петербурга в 1800–1861 гг.-Л., 1991.-С. 273–274.
5. Государственный архив Красноярского края. (ГАКК). Ф. 595. Оп. 17. Д. 7787.-Л. 1–297.
6. Корженевский В. Итоги Абаканской артели // Восточное обозрение, 1894. 8, 13 апр.
7. А-въ В. На Абаканском заводе // Сибирская жизнь, 1900. 27 июня.
8. Сибирский вестник. 1894. 24 апр.
9. Вестник золотопромышленности и горного дела вообще, 1895. № 14. С. 288; 1896. № 1.-С. 15.
10. Степанов Д. Абаканский чугуноплавильный и железоделательный завод // Вестник золотопромышленности. 1893. № 2.-С. 127.
11. Краснокутский В. Артель // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 2-е стереотипное изд. М., Т. 3.-С. 577–579.
12. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 233. Оп. 2. Д. 2713.-Л. 162–163.
13. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф 149. Оп. 1. Д. 11.-Л. 1–2.
14. Восточное обозрение. 1904. 8 авг.
15. А.А. Пароходно-рабочая артель в Западной Сибири // Сибирь. 1877. 27 нояб.
16. Птицын В. Кяхтинские рабочие артели // Русская мысль. 1891. Май.-С. 133–136.
17. Артели совошников // Сибирская газета. 1888. 28 февр.
18. Белковязь // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1889. Т. 20, №. 1.-С. 70–71.
19. Коренев Е.Н. Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых промыслах Витимско-Олекминской системы Якутской области. СПб., 1903.-С. 66–67.
20. Энгельс Ф. Эмигрантская литература // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955.-С. 542.
21. Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности. Пг., 1915.-С. 21.
22. Золото и платина. 1916. № 3–4.-С. 55.
23. Надин П. Хищники и золотопромышленники на Амуре // Русская мысль. 1898. № 2.-С.150.
24. Лебедев А. Желтугинская республика в Китае // Русское богатство. 1896. № 9.-С. 143–172.
25. Васильев Е.И. Миллионный ключ // Горный журнал. 1897. Т. 1.-С. 109–112.

ШЕТЕЛ ӘРІПТЕСТЕРІМІЗДІҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

26. Российский государственный архив Дальнего Востока (РГА ДВ). Ф. 702. Оп. 2. Д. 126.-Л. 97–98.
27. Садовников И. Ф. Систематический указатель к карте золотопромышленного района Олекминского горного округа. СПб., 1909.-С. 25–33.
28. Горный журнал. 1923. № 12. -С. 884.
29. Мухин А.А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972.-С. 102–103.
30. Ушаков А.В. Борьба за единство рабочего класса России. М., 1981.-С. 102–103.
31. Першин А. Воспоминания старожила // Забайкалье. 1902. 3, 26 апр.
32. Герасимов М. Горнозаводское товарищество в Нерчинском горном округе // Горный журнал. 1975. Т. IV.-С. 95–116.
33. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 22. Д. 1013. Л. 2–18; Оп. 23. Д. 37.-Л. 2–3.
34. ГАТО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 4219,-Л. 2–18.
35. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 160. Оп. 5. Д. 26.-Л. 132.
36. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3348. Оп. 1. Д. 9.-Л. 1–6.
37. Список всех потребительских обществ России как действующих, так и закрытых на 1 янв. 1912 года. СПб., 1912.-С. 169.
38. Коряков И.А. Общество потребителей почтово-телеграфных чинов (1898–1907 гг.) // Проблемы краеведения. Чита, 1966. Вып. 3.-С. 52–53.
39. Зиновьева В.И. Хроника создания рабочих организаций Западной Сибири (1876–1907 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма.-Томск, 1985.-С. 176–191.
40. Государственный архив Читинской области. Ф. 1(О). Оп. 1. Д. 4437,-Л. 244, 247, 253–254, 355–356.
41. Коряков И.А. Общество потребителей служащих Забайкальской железной дороги // Проблемы краеведения. Чита, 1966. Вып. 3.-С. 48–51.
42. ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л.1.
43. Поникаровский Д. Сельские общества Салаирской волости // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.-Омск, 1880. Кн.4.-С. 1–58.
44. Государственный архив Кемеровской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5.-Л. 12–54
45. Сибирский вестник. 1901. 19 сент.
46. ГАЧО. Ф. 1(О). Оп. 1. Д. 3668.-Л. 5.
47. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5607.-Л. 6;
48. ГАНО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 29.-Л. 9.
49. Очерк движения служащих Иркутска. 1883–1924. Иркутск, 1927.-С. 4–8. я
50. Иванова Н.А., Шелохаев В.В. Торговые служащие в революции 1905–1907 гг. // Исторические записки. 1973. № 101.-С. 171–172.
51. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Т.1: XVII – 1904 г. Томск, 1988.-С. 197–310.
52. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2337.-Л. 1–29.
53. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4212.-Л. 1–2.
54. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 35.-Л. 1–78.
55. Томский печатник. Томск, 1926.-С. 2–3.
56. ГАНО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 5. Л. 19; Д. 63.-Л. 19.
57. ГАРФ. Ф. ДП-ОО, 1904. Д. 2025.-Л. 5–46.
58. Восточное обозрение. 1902. 24 авг.
59. ГАРФ. Ф. ДП-ОО, 1904. Д. 2025.-Л. 1–16.
60. Сибирский вестник. 1902. 8 авг., 4 сент.
61. ГАТО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 574. Л. 1–574; Д. 571.-Л. 8–49.
62. Сибирская жизнь. 1905. 11 авг.
63. Сибирский вестник. 1903. 13 нояб.

У. ФИЕРМАН

УДК 323(574):81'272

Университет штата Индиана,
г. Блумингтон, США

ЭЛИТЫ И АЛФАВИТЫ. ПОВОРОТ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА В КАЗАХСТАНЕ

Оқырмандар назарына американдық ғалым, қазақтанушы, тіл маманы, әрі антропологтың мақаласын ұсынамыз. Тіл дамуының арнағы теориясы негізінде қазақ тілінің мемлекеттік тіл болып қалыптасу тарихы мен қазіргі хал-ахуалы талданған.

We represent to attention of readers article of the American scientist Kazakh expert, the linguist and the anthropologist in which on the basis of the original theory of reversing language shift the history of formation and a current state of a state language of Kazakhstan is analyzed.

В последние 15 лет все большее число этнографов, лингвистов, политологов, социологов и других ученых обращается к изучению определенной тенденции, просматривающейся в попытках повысить статус тех языков, которые оказались отброшенными на периферийные позиции в результате процессов языкового сдвига. Среди наиболее известных примеров можно назвать каталонский и баскский языки (которые сдали свои позиции испанскому языку) или ирландский и маори (которые еще более сдали свои позиции английскому). Исследовательская область, в рамках которой изучается данная тенденция, сегодня известна как *RLS* («reversing language shift»), т.е. «поворот [направления] языкового сдвига» (далее в данной статье - *ПЯС*). Теоретический

фундамент для исследований в этой области был заложен во многом благодаря работе Джошуа Фишмана, под чьей редакцией в 1991 г. вышел сборник «Поворачивая языковой сдвиг» (*Fishman 1991*). По мнению лингвиста А. Бартенса, именно с выходом данного сборника эта область оформилась как таковая (*Bartens 2001*). В свете материалов, собранных за 10 лет конкретных исследований, последовавших за публикацией сборника, Д. Фишман пересмотрел свою теорию ПЯС и в 2001 г. издал новый сборник «Можно ли спасти языки, находящиеся под угрозой?» (*Fishman 2001*).

Как можно было бы заключить из примеров, приведенных выше, «угроза» более слабым языкам исходит со стороны «более сильных» языков, перенявших те функции, которые ранее выполнялись

первыми языками. В глобализующемся мире представители большинства языковых сообществ «будут навсегда двуязычными или триязычными; и каждый из их языков, даже наиболее влиятельный из них, будет выполнять лишь частную, дополнительную функцию» (Fishman 2001: 476). Соответственно, в подавляющем большинстве случаев ПЯС предполагает «дорогу в многоязычное и мультикультурное существование».

Анализируя ПЯС, Д. Фишман неоднократно уподобляет слабые языки больным людям. Помощь, которая действительно нужна слабым языкам, состоит не в «обобщенных прогнозах, указывающих на тяжелую или даже смертельную болезнь, а скорее в разработке терапевтических приемов и методов, которые можно было бы приспособливать так, чтобы лечить эту - по сути одну и ту же - болезнь у пациента за пациентом» (Там же: 1). (Следует заметить, что аналогия между языком и больными людьми была подвергнута критике антропологами, например, Д. Эррингтоном в его статье «Приобретая языковые права» (Errington 2003).)

Подход Д. Фишмана можно в целом назвать дескриптивным и предписательным. Впрочем, он его строго не структурирует. Он предлагает пользоваться так называемой шкалой GIDS («Graded Intergenerational Disruption Scale»), т.е. «дифференциированной шкалой разрыва между поколениями», которую он характеризует как «логический набор приоритетов и задач для следования

целям ПЯС» (Там же: 465). Хотя Д. Фишман оговаривает, что ступеням, которые он наметил, не обязательно следовать «беспрекословно», они все же расположены в последовательном порядке и переходят из четырех начальных фаз, направленных на достижение двуязычия, в четыре дальнейшие фазы. Последние подразумевают распространение «слабого» языка на средства массовой информации, государственные учреждения, рабочие места и сферу образования. Д. Фишман указывает, что 6-я ступень (3-я с конца шкалы GIDS) обычно является «опорной точкой» в ПЯС1. Этот «критически важный центр передачи языка от поколения к поколению» находится в «домашне-семейно-квартальном сообществе с его демографической концентрацией разных поколений» (Там же: 466 - 467). Хотя Д.Фишман соглашается, что для конкретных языков в конкретных обстоятельствах «опорная точка» может находиться и на других ступенях, он тем не менее подчеркивает, что для того чтобы меры ПЯС были эффективными, все ступени должны быть взаимно согласованными и должны взаимно усиливать друг друга. Это значит, что меры ПЯС, направленные на сферу школ, например, могут оказаться эффективными с большей вероятностью, если они будут тесно связаны с мерами, направленными на сферу домашне-семейно-квартального сообщества. Одно из относительно немногих прогностических положений в работе Д. Фишмана заключается

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ КОЛЛЕГ

в предсказании категоричного и болезненного фиаско «языка, основанного исключительно на школьном изучении». Причина этого прежде всего в том, что языку необходимо «общество, в котором он сможет функционировать, *до того*, как начинается школа, *вне* школы в годы школьного обучения и *после нее*, когда формальное обучение *закончено*» (Там же: 471). В противном случае меры ПЯС не могут оказаться успешными.

Исследования Д. Фишмана дают нам удобные ориентиры для изучения тенденции поворота языкового сдвига в случае казахского языка-одного из главных тюркских языков, использовавшихся людьми на территории бывшего СССР, и сегодня государственного языка в Казахстане. К 1970 - 1980-м годам казахский язык существенно сдал позиции русскому языку, наиболее широко распространенному разговорному языку на территории СССР. Частично это явилось результатом советской политики, нацеленной на создание чувства общности в среде внутренне разнообразного населения страны, которое в идеологических кругах обычно называли «советским народом». Многочисленные меры, направленные на то, чтобы сделать русский язык «вторым родным языком» для всех советских граждан нерусского происхождения, превратили знание русского в важнейший критерий в вопросах политической, социальной и экономической мобильности.

В рамках программы гласности и перестройки М.С. Горбачева

наметились важные сдвиги, относящиеся к способам проявления чувств идентичности. Интеллигенция в Казахстане воспользовалась новой атмосферой и начала говорить в гораздо более откровенных тонах о своих языке, культуре и истории, а также об уроне, который был нанесен им в результате русификации.

В настоящей статье анализируются попытки оздоровления казахского языка в конце XX - начале XXI в. Я постараюсь показать, что, хотя эти попытки были сосредоточены в основном на «высших» ступенях ПЯС, согласно шкале Д. Фишмана, в домашне-семейной сфере, так же как и связкам между ступенями, в них уделялось мало внимания, тем не менее перспективы для развития полноценно функционирующего казахского языка в будущем весьма оптимистичны. Я начну с краткого экскурса в демографическую и социолингвистическую ситуацию в Казахстане, перейду к анализу попыток повернуть направление языкового сдвига, предпринимавшихся как государством, так и главным негосударственным учреждением, задействованным в процессе, - *Қазақ тілі қогамы*. Указав на некоторые из признаков того, что меры ПЯС в Казахстане хотя бы частично успешны, я перейду к рассмотрению причин этого успеха, который, казалось бы, имеет место вопреки «непоследовательным» действиям казахских властей и организаций. Я завершу статью

ШЕТЕЛ ЭРІПТЕСТЕРІМІЗДІҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

размышлением о перспективах развития казахского языка.

О демографической и социолингвистической ситуации в Казахстане

После обретения независимости в 1991 г. Казахстан стал девятой крупнейшей страной мира. Несмотря на то, что страна носит название одной из этнических групп, проживающих на ее территории, Казахстан - полиглотическое государство. Согласно советской переписи 1989 г., доля русских, составлявших 37% населения, была почти равна доле казахов (около 40%). В этом, однако, следует видеть элемент существенного демографического оздоровления казахского населения за период с начала 1960-х годов, когда доля казахов, упавшая почти до 30%, была намного меньше доли русских (43%).

На момент получения независимости Казахстаном лишь немногие представители славянского или другого неказахского населения владели казахским языком. Однако, с точки зрения нашего анализа ПЯС, более важно то, что уровень владения казахским языком в среде городского казахского населения был также достаточно низок, особенно у поколений, родившихся после Второй мировой войны. Частично причиной этого было то, что в городской среде казахи были в меньшинстве и представители других групп (особенно славянских) превосходили их здесь по численности в пропорции, доходящей почти до 3:1. Языковая среда города на самом деле была еще более русской, чем может

показаться из этой пропорции, поскольку советская система непосредственными и косвенными способами предлагала большие привилегии социальной мобильности людям с "родной" степенью владения русским языком и обделяла тех, кто оставался слишком тесно привержен нерусской культуре и языку. Далее, лишь в немногих городских культурных учреждениях использовался казахский язык - в большинстве крупных городов было мало школ с преподаванием на казахском. Даже в тогдашней столице, Алма-Ате, где казахское население исчислялось сотнями тысяч, была лишь одна такая школа.

Формат статьи не позволяет останавливаться на более детальном рассмотрении состояния казахского языка в конце советского периода. Но если бы было возможно вернуться назад в конец 1980-х годов и провести полевое исследование в казахских городах, мы бы почти наверняка обнаружили высокую корреляцию между процентом молодежи и плохой степенью владения казахским языком. Данный вывод присутствует в наблюдениях Б. Дэве, отмечавшей в середине 1990-х годов, что «самая поразительная черта в языковом поведении городских казахов - существенная несостыковка языковых репертуаров примыкающих друг к другу поколений». Вероятно, имея в виду последние советские годы, Б. Дэве отмечает, что люди старше 60 лет обычно «были людьми, говорившими на казахском, хотя достаточно хорошо

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ КОЛЛЕГ

владевшими и русским. Они по-прежнему читают - во всяком случае, читали раньше - литературу на казахском и могут прочесть наизусть стихи, народные песни и отрывки из казахских эпических сказаний». Население же в возрасте от 20 до 60 лет «является в большинстве своем русскоговорящим», и степень владения этих людей казахским зависит «преимущественно от количества лет, проведенных в сельской местности, где казахский язык доминирует» (Dave 1996: 66).

Перед тем, как перейти к рассмотрению вопроса о статусе языка в сфере образования, средствах массовой информации и на рабочих местах в конце советского периода, я хочу проиллюстрировать (учитывая критически важную роль домашней среды - особенно с точки зрения шкалы GIDS Д. Фишмана) эту очень фрагментарную преамбулу на двух примерах. Оба представляют собой выдержки из написанного на рубеже 1990-х годов. К тому времени, благодаря гласности, уже стало возможным говорить о советской политике по отношению к казахам в негативном тоне. И хотя нельзя сказать, насколько точно эти выдержки передают атмосферу «типичной» городской казахской семьи в данный период, тем не менее тот настрой, который отражен в них, перекликается с мотивами, которые я слышал в моих собственных интервью с сотнями казахских информантов с того времени.

Первая выдержка - из статьи казахского журналиста, в которой тот рассуждает о проблемах русификации. В середине статьи он ставит гипотетический вопрос о том, следует ли винить казахских родителей, отдававших детей в русские школы в советское время. Он отвечает на собственный вопрос так: «Винить старшее поколение за то, что они отдавали детей в школы с преподаванием на русском, не нужно, если они проявляли национальную гордость тем, что заставляли детей говорить на родном языке в кругу семьи и в общении со старшими. Позорящим было не то, что их ребенок обучался на русском, а то, что их язык и душа становились русскими, то, что ребенок отвечал на русском, когда к нему обращались на казахском» (*Саттыбайұлы* 1993: 2).

Вторая выдержка - из статьи казахского автора, отцом которого был Бауыржан Момышулы, один из наиболее известных военных героев Казахстана в XX в. Писавший эту статью в 1989 г., Бакытжан Момышулы вспоминал: «Мы, дети, не понимали своего родного языка; и даже в тех случаях, когда мы понимали его, мы считали несколько постыдным отвечать на казахском». Более того, Б. Момышулы замечал, что он и большинство детей его круга начинали смотреть свысока на взрослых, владевших русским хуже их самих (Момышулы 1989: 2).

Во многих публикациях конца советского периода утверждалось, что лишь около 60% казахов знали свой «родной язык». Некоторые считали и

эту цифру завышенной, полагая, что она включала многих людей, говорившим с трудом на ломаном языке (Мукаев, 1990). Другие, впрочем, указывали на цифру как на слишком заниженную. Как бы то ни было, учитывая, что в сельской местности казахским владело подавляющее большинство населения (возможно, около 90% или больше) и что сельское казахское население составляло 62% всех казахов, можно заключить, что даже если бы 70 - 75% всех казахов свободно говорили на «собственном» языке, это значило бы, что очень большое в процентном отношении число городских казахов не говорило на нем.

В конце советского периода было общим правилом, что если в общественной обстановке присутствовал не-казах или человек, не говорящий на казахском, то разговор должен был вестись на русском. Как описывал ситуацию один казахский поэт, даже когда собирались толпа в 40 казахов, присутствия одного русскоязычного представителя было достаточно для того, чтобы казахи почувствовали «обязанность» говорить на русском (Молдашұлы 1993: 2). Соответственно язык на рабочих местах в городе в 1970 - 1980-х годах был в подавляющем большинстве случаев русский.

I. Правительственные меры в советский период

Попытки инициировать ПЯС в Казахстане советского периода следует рассматривать в контексте языкового национализма, который

начал проявляться в других частях СССР раньше, чем в Казахстане. В республиках Прибалтики публичные высказывания с требованиями уделять больше внимания местным языкам начали слышаться уже в середине 1986 г. Это было менее чем за год до марта 1987 г., когда было принято первое в советский период официальное постановление, касающееся статуса казахского языка. Менее чем через три месяца после назначения Г. В. Колбина ЦК КПСС и Совета министров Казахской ССР издали постановление «Об улучшении изучения казахского языка в республике» (Постановление N 98: 251 - 255). Хотя в документе по сути закладывались новые основы, поскольку в нем обещалось «содействие желающим, включая лиц коренной национальности, изучить и овладеть казахским языком», документ был облечен в достаточно привычные риторические формулы «утверждения ленинского принципа двуязычия». Это постановление призывало к практике синхронного перевода на казахский язык на различных культурных и политических событиях, к развитию курсов по изучению казахского языка, к подготовке материалов и преподавателей для повышения качества обучения языку. Но ничто в этом документе не говорило

- разве что очень косвенным образом
- об организации мер, которые бы способствовали развитию казахского языка в домашней среде.

Следующей важной мерой, затрагивающей статус языка, был закон о языке Казахской ССР, принятый в сентябре

1989 г. Он был принят приблизительно в середине полтора летнего периода, в течение которого подобные законы были приняты во всех советских республиках, в которых местными конституциями еще не был гарантирован особый статус языку титульной национальности.

Интересно заметить, что в русскоязычной форме закон, принятый в 1989 г. Верховным Советом Казахстана, в действительности звучал как «закон о языках», т.е. очевидно имел отношение более, чем к одному языку. Однако, благодаря специфике существительных единственного числа в казахском языке, название закона на казахском - *Тил туралы зан* - сделало неясным, касался ли закон одного языка или нескольких. (Хотя множественное число можно было бы выразить и точно, назвав закон *Тилдер туралы зан*.)

Закон «О языках в Казахской ССР» 1989 г. (далее - ЗЯ1989) обеспечил казахскому, русскому и «местным официальным языкам» практически одинаковый статус в органах государственной власти и администрации Казахстана, также как и в судебной системе (ст. 8 - 14). Далее, он дал гражданам возможность выбирать, на каком языке они хотят общаться с подчиненными в учреждениях сферы образования, здравоохранения, торговли, коммуникаций и транспортных услуг (ст. 16). Он также дал гражданам возможность выбирать, на каком языке они хотят получать образование (начиная с подготовительных классов школы до этапа высшего образования),

и гарантировал студентам право сдавать вступительные экзамены на тех языках, на которых велось преподавание в школе (ст. 18, 20). Закон гарантировал равноправное функционирование казахского и русского языков в средствах массовой информации и сфере культуры (ст.21). Что касается языков преподавания, то закон вводил как казахский, так и русский язык в ранг обязательных школьных предметов на всех этапах от начальной до высшей школы и оговаривал, что оба должны входить в список экзаменационных предметов, сданных каждым выпускником средней и высшей школы (ст. 19). Первоначально планировалось, что закон вступит в силу 1 июля 1990 г., но некоторые из его положений будут внедряться постепенно - например, приведение в действие отдельных положений, касающихся органов государственной власти и администрации, растягивалось на пятилетний срок; а положений, касающихся сферы образования, - на десятилетний (КП 1989а).

Очень скоро стало ясно, что планы по внедрению положений ЗЯ 1989 - закона, смоделированного по типу законов, принятых в республиках Прибалтики - были слишком амбициозными в Казахстане. Это отразилось на судьбе «Государственной программы развития казахского языка и других национальных языков в Казахской ССР на период до 2000 г.», принятой в июне 1990 г. Программа шла с двумя дополнениями,

ШЕТЕЛ ӘРІПТЕСТЕРІМІЗДІҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

содержание которых было очень быстро пересмотрено и смягчено. В первом дополнении содержался список районов и городов и оговаривались сроки, к которым делопроизводство в каждом из указанных пунктов должно быть поставлено на «государственный язык». Всем административным органам предписывалось выполнить это требование до 1 января 1995 г. Сила этого предписания, однако, была перечеркнута поправкой, принятой уже в сентябре 1990 г. Советом министров Казахстана и перенесшей срок введения государственного языка в делопроизводство на неопределенное будущее. Вопрос отдавался на усмотрение исполнительных органов местной администрации ввиду «конкретных социально-экономических условий и демографической ситуации» в регионах (КП 1990).

Вторая сентябрьская поправка касалась второго дополнения, которое, в отличие от первого, осталось, по-видимому, непубликованным. Она аннулировала ключевое положение данного дополнения, требовавшее введения с 1995 г. устного теста по казахскому языку для всех студентов, поступающих в высшие учебные заведения, где преподавание не велось на казахском языке. Частности введения в действие закона здесь менее важны, чем сам факт быстрого отступа от первоначальных планов, обусловленного, несомненно, осознанием того, что цели, поставленные во втором дополнении, были совершенно не реалистичными.

II. Правительственные меры в независимом Казахстане

Следующая важная законодательная инициатива, касающаяся языка, была принята лишь в 1997 г., т.е. в тот момент, к которому Казахстан был независимым уже 6 лет и успел принять две конституции. Этой инициативой был второй закон о языке - Закон Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» (далее - ЗЯ 1997), который должен был заменить ЗЯ 1989. В данном законе отразились те перемены в отношении языка, которые наметились в двух ранее принятых конституциях 1993 и 1995 гг. В обеих конституциях о казахском языке теперь говорилось как о единственном «государственном языке» Казахстана. В конституции 1993 г. русский язык фигурировал как «язык межнационального общения». Из документа 1995 г. данное выражение было изъято, и русскому языку были оставлены лишь неясно определенные функции «наравне с казахским языком в государственных организациях и органах местной администрации».

Общие направления внедрения ЗЯ 1997 были изложены в двух государственных программах по развитию языка: первая из них была принята в октябре 1998 г. и распространялась на период до 2000 г.; вторая - в феврале 2001 г. и распространялась на период до 2010 г. (ГПФРЯ 1999; ГПФРЯ 2001). В отношении мер, стимулирующих использование казахского языка, обе программы сосредоточены на функциях

«высшего» уровня (согласно шкале Д. Фишмана), которые, как указывает Д. Фишман, не могут существовать обособленно. Ближайшее, что в программе 1998 г. можно было бы принять за меру по стимулированию использования казахского языка в домашней среде, - это общие заявления о гарантиях внедрения положений ЗЯ 1997 о СМИ и призыв к разработке программы по созданию иллюстрированных книг для дошкольников и мультипликации. Но даже и эти меры теряются в длинном списке пятидесяти других задач, пять из которых нацелены на одно лишь ведение делопроизводства на казахском языке.

Из программы 2001 г., распространяющейся на текущий период (2001 - 2010), явствует еще более очевидно, что культивирование языка в сфере домашне-семейно-квартального сообщества не является важным ориентиром деятельности. В этой программе намечены 5 «приоритетных направлений» работы, расположенных в порядке важности. Самое последнее из 5 направлений - это «развитие языка в сфере культуры и средств массовой информации, а также в сфере здравоохранения и услуг». Хотя использование казахского языка в семье может косвенно стимулироваться развитием возможностей для получения образования на казахском (о которых говорится во 2-м направлении), эта программа, как и другие вышеупомянутые документы, не говорит ничего о конкретных шагах, которые могли бы помочь вернуть казахский язык

в городскую казахскую семью. В повестку данных программ мог бы быть включен пункт, например, о создании специализированных материалов или телепередач для родителей, плохо знающих казахский язык, но заинтересованных в его возвращении в семью; или, например, о более или менее организованном привлечении людей старшего поколения, хорошо знающих казахский, к делу обучения языку. Но таких пунктов, в которых оказалось бы затронуто то, о чем Д. Фишман говорит как о «критически важной оси передачи родного языка между поколениями», в программах нет.

Вероятно, отсутствие интереса со стороны государства к языку в семье в чем-то можно понять в свете того, что государство считает себя ответственным за происходящее в общественной сфере, но не за происходящее в семье. Действительно, в ЗЯ 1997 прямо оговаривается, что «настоящий закон не регламентирует употребление языков в межличностных отношениях и в религиозных объединениях» (ст. 2). И все же, учитывая присутствие в законе статей о таких «высоких» функциях языка как дипломатических, очень странно отсутствие всякого упоминания о языке в домашней сфере.

Деятельность «Казак тили когамы»

Общество казахского языка - *Казак тили когамы* (далее - КТК) - возникло в 1989 г., более чем за 2 года до распада СССР. Глядя на его историю

ШЕТЕЛ ӘРІПТЕСТЕРІМІЗДІҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

в ретроспективе, можно прийти к выводу, что быстро изменявшаяся динамика власти в стране в то время вселила в лидеров КТК надежды и амбиции, которые не могли быть реализованы.

С одной стороны, лидеры КТК как «негормальной» группы в эпоху гласности и перестройки высказывали явное намерение осуществлять деятельность, подобную деятельности своего рода лоббирующего органа, требующего от правительства более смелых инициатив по развитию казахского языка. Ставя цели, которые шли намного дальше, чем цели Н. Назарбаева, лидеры КТК, по-видимому, ожидали, что в соответствии с традиционно практикуемыми советскими правилами в отношении «общественных» организаций, они могут рассчитывать на щедрое государственное финансирование. Эти ожидания не были безосновательными, поскольку поначалу отношения между КТК и государством были на самом деле очень тесными. Некоторые из отделений КТК получили существенную государственную помощь в виде бесплатных помещений, автомобилей, денег и т.д.

С другой стороны, однако, КТК с самого начала заявило претензии на власть и контроль. Уже в 1990 г. местное отделение КТК в Кзыл-Орде обвинило председателя облисполкома и первого секретаря обкома в безразличии к делу развития казахского языка. КТК указало, что безразличие нередко происходило из того, что люди, занимавшие ответственные посты, были «представителями других

[неказахских] национальностей» (Кия беткейдеги кош 1990: 3). Месяцем позже КТК обвинило ЦК Комсомола Казахстана в неиспользовании казахского языка на рабочих местах (АТ 22.11.1990: 1 - 2). Летом 1991 г., все еще до распада СССР, отделения КТК в Западно-Казахстанской и Чимкентской областях выдвинули требования сместить государственных чиновников за незнание государственного языка (СК 1991). Стремление КТК к власти и контролю также очевидно просматривалось в высказанном президентом КТК А. Кайдаровым предложении, чтобы Совет Министров наделил КТК полномочиями инспектировать, эффективно ли тратились средства на языковые программы теми или иными организациями (АТ 16.08.1990: 1).

Стремление умножить полномочия организации в некоторых случаях, вероятно, сочеталось с индивидуальными попытками умножить личную власть и богатство за счет доступных возможностей. Неудивительно, что вскоре последовали негативные отзывы, к примеру, от руководителя идеологического отдела чимкентского областного парткома, сетовавшего, что представителей многих местных отделений КТК интересовали главным образом привлекательные должности и хорошие зарплаты (АТ 11.07.1991: 3). А. Кайдаров и сам как будто признал подобную тенденцию, отметив, что для КТК нужны были люди с «чистыми руками и чистыми сердцами» (АТ 21.11.1991:4).

Почти сразу же после провозглашения независимости один известный литературовед, активный в деятельности КТК, предложил трансформировать организацию в государственный комитет. Он также предложил ввести правило, требующее обязательного знания казахского языка для всех людей, назначаемых на руководящие посты (АТ 06.02.1992: 2). Если бы такие предложения были приняты, они дали бы КТК (или той организации, в которую КТК бы трансформировалось) огромные полномочия.

Однако события не стали развиваться в этом направлении. Даже в 1992 г., в первое опьяняющее время независимости, вице-президент КТК признавал, что публика не принимала КТК всерьез, ибо организации не хватало не только власти, но порой просто транспортных средств и крыши над головой (АТ 04.06.1992: 1 - 3). Жалуясь на то же самое в то же время, другой представитель областного отделения КТК сетовал, что люди относились к языковому обществу так, как если бы это было общество пожарников или кролиководов (АТ 02.07.1992: 3). Предложение вице-президента КТК по поводу разрешения проблемы было недвусмысленным - он просил, чтобы правительство наделило КТК еще большими полномочиями. Он заявлял: «Если для Республики Казахстан, которая называется независимым государством, слишком трудно создать языковой комитет, тогда все средства и полномочия должны быть переданы

Обществу казахского языка» (АТ 04.06.1992: 1 - 3). Некоторые из видных представителей КТК, находившихся на правительственные должностях, действительно перечислили (каковы были мотивы этого) государственные средства на счет КТК. Человек, однажды исполнявший обязанности министра иностранных дел, впоследствии сообщил, что когда он находился на должности, то перечислил 15 тыс. руб. из министерства на счет КТК. Он призвал другие учреждения, как государственные, так и негосударственные, последовать его примеру (АТ 16.07.1992: 3).

Несмотря на то что КТК продолжало функционировать, его значение и влиятельность падали на протяжении 1990-х годов. Теперь его лидеры были настроены менее оптимистично, чем в предшествующей декаде, но их взгляды все же оставались прикованными к деятельности в общественной сфере.

К этому времени, впрочем, КТК представляло собой лишь бледную тень того, чем оно было в прошлом. Всего за несколько месяцев до указанной конференции редакторы «Ана тили», еженедельной газеты, связываемой с деятельностью КТК, опубликовали статью под названием «Где же вы, общества *Казак тили?*». Указывая, что несколько лет назад КТК было организацией с отделениями повсюду, авторы жаловались: «Увы, в последние годы [КТК] истощилось и задохнулось. Повсюду лишь редкие проблески, сияющие, как вода в лошинах после

наводнения. Но, тем не менее, его следы там» (АТ 17.02.2000: 7). Однако, возможно, наиболее язвительная критика в адрес КТК прозвучала из уст поэта, писателя и политика Мухтара Шаханова, человека старшего поколения, который в своем стихотворении высмеял организацию как «сборище ленивых подхалимов, которые, строя свой теперь уже тающий «город из снега», думали больше о славе и о том, как угодить властям, чем о благе людей» (Шаханов 2004: 5).

Даже вице-президент КТК был вскоре вынужден признать, что организация становилась все менее актуальной и дышала на ладан (Курултайга 2002: 5). Ее уменьшающаяся актуальность стала еще более очевидной в связи с тем, что летом 2004 г. была сформирована новая организация – Общественное движение «Государственный язык» (*Мемлекеттик тил*). От имени этой новой организации большая группа политиков, писателей, редакционных работников и других людей выступила с петицией о казахском языке, которая была опубликована в семи казахскоязычных изданиях.

Неудача КТК может быть объяснена многими причинами. Одна из главных причин, конечно, состояла в том, что цели КТК в отношении ПЯС были очень амбициозными и были направлены на языковые функции «высшего уровня» без соответствующей поддержки для функций на «низших» уровнях, таких как семейная сфера. Радикальные устремления КТК не нашли поддержки у влиятельного президента Казахстана.

Об успехах ПЯС

Не только амбициозные планы КТК, но и многие из положений законов и программ о языке остались по большей мере нереализованными. Плохое внедрение законов – тема, приковывавшая к себе постоянное внимание критики в казахстанской прессе. Некоторые из сторонников ПЯС в Казахстане призывают к введению новых санкций, вплоть до пунктов в уголовном кодексе, в целях ускорения приведения в действие намеченных программ (*Оразалинов* 2003: 4).

Рассмотрение проблем внедрения мер ПЯС не входит в задачи данной статьи. Но поскольку в наши цели входит разобраться в том, могут ли меры ПЯС быть успешными, если ключевые, с точки зрения Д. Фишмана, положения о семейной сфере в большинстве игнорируются, то будет уместно привести некоторые факты, свидетельствующие об отдельных успехах ПЯС в Казахстане. Хочу сразу же оговориться и отметить, что «стакан», в котором колеблется статус казахского языка, в урбанизированных областях Казахстана до сих пор скорее наполовину пуст, чем наполовину полон. На самом деле, он более чем наполовину пуст. Но в то же время здесь меня интересует тот факт, что сегодня в нем уже гораздо больше жидкости, чем во второй половине 1980-х годов.

Казахский язык играет сегодня гораздо более заметную символическую роль. Многие общественные знаки в городах Казахстана дублируются

на казахском и на русском языках, причем надписи на казахском часто более крупного размера и лучше видны. На публичных мероприятиях казахские ораторы стараются произнести хотя бы часть речи на казахском.

Еще лучший барометр изменений в использовании языка - сфера образования. В конце 1980-х годов около трети всех казахских школьников посещали уроки с преподаванием на русском. Доля таких школьников упала до одной пятой к 1992 г., но, по-видимому, осталась в целом неизменной с тех пор. В Алматы, где в 1980-х годах (тогда - Алма-Ате) лишь немногие казахские дети обучались в школе на казахском языке, доля таких детей в 2002 - 2003 гг. перевалила за 60%.

В СМИ сегодня гораздо больше содержания на казахском языке, чем во время начала ПЯС. В марте 2000 г. была открыта телевизионная станция «Хабар-2», транслировавшая передачи исключительно на казахском языке (в 2002 г. станция была переименована в «Ел арна», и впоследствии некоторые программы стали также транслироваться на русском). Хотя закон о СМИ 1999 г., требующий того, чтобы не менее половины транслируемых передач были на казахском языке, не выполняется, тем не менее экспертный анализ 10 телеканалов Алматы в 2002 г. показал, что более 30% эфирного времени уже было заполнено передачами на государственном языке (ЖА 2002: 2).

В государственных органах национального уровня - как в министерствах, так и в других - работа сейчас ведется на двух языках. Заявляется, что в пяти областях во внутреннем делопроизводстве используется уже исключительно казахский язык. То же самое имеет место в районах с большой концентрацией казахского населения, причем даже в некоторых районах, находящихся в составе областей, где преобладает неказахское население (к примеру, в Павлодарской области; см. Саматулы 2002: 5). Из большого количества своих собственных неформальных разговоров с казахами-горожанами в последние годы я могу сделать заключение о растущем осознании того, что владение «своим» языком дает сегодня определенные преимущества. Мои информанты говорили о таких преимуществах, в частности, как лучшие перспективы на трудоустройство и защита от упреков в незнании «собственного» языка.

Заключение

Процесс выздоровления казахского языка, несмотря на отмеченные «ошибки» в концентрации усилий на языковых функциях высшего уровня, может свидетельствовать о том, что в теорию поворота языкового сдвига Д. Фишмана нужно внести небольшую поправку. Действительно, сосредоточение усилий на высших ступенях ПЯС - рискованный курс лечения, не в последнюю очередь потому что он нерационален и дорог. Во многих случаях цена такой “терапии”

ШЕТЕЛ ӘРІПТЕСТЕРІМІЗДІҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

может разорить пациента прежде, чем средство принесет результаты; а поскольку «бесплатных государственных клиник» для больных языков нет, такой подход «сверху» для некоторых языков может быть фатальным.

Казахский язык, однако, оказался во многих отношениях счастливым пациентом. Одним из наиболее важных (и нечасто имеющих место) обстоятельств, повлиявших на ПЯС в Казахстане, было то, что за казахским языком стояло независимое государство, официально поддерживающее его. Как указывает Д.Фишман, в сегодняшних условиях немногие языковые сообщества за пределами бывшего СССР, предпринимающие меры по внедрению ПЯС, могут мечтать о «собственном» государстве (*Fishman 2001: 19*).

Казахский язык был счастливым также и в том, что он оказался в среде, в которой, благодаря опыту советской жизни, прочно укоренилось понятие, что этническая группа, территория и язык должны совпадать. Бытование этого понятия, которое пережило советскую власть, вылилось в широко распространенную идею, что казахи - уникальный народ с отличительными языком и культурой и что эти язык и культура каким-то образом связаны с его отличительной территорией, т.е. Казахстаном.

Еще один важный фактор, способствовавший возрождению казахского языка, заключался в присутствии сильного национального

лидера, который поддерживал язык, но не шел на крайние меры. Н. Назарбаев очень осторожно относился к внутренним и внешним тенденциям, которые могли бы вызвать неразумный «крен» в сторону казахского языка, особенно за счет ущемления русского. Тем не менее, он всячески указывал на казахский язык как на символ, который объединяет сообщество всех казахов (и в конце концов объединит весь Казахстан), а также поддерживал расширение сфер использования казахского. В отличие от его предшественника, Г.В. Колбина, не захотевшего поддержать идею казахского языка как единственного государственного языка республики, Н. Назарбаев встал на поддержку этой идеи немедленно после вступления в должность первого секретаря партии. Всего лишь несколько месяцев спустя был принят ЗЯ1989. «Мягко-авторитарный» политический стиль Н. Назарбаева позволил организациям с разными взглядами на культуру и язык Казахстана, включая КТК, проводить свою деятельность.

Поддержка казахского языка со стороны Н. Назарбаева, вероятно, была критически важной в деле преодоления бюрократического сопротивления мерам ПЯС. Многие из политиков и членов административного аппарата Казахстана (включая многих казахов) - продукты русскоязычной системы образования и предпочитают пользоваться русским языком. Как замечает Д. Фишман, у многих языков, находящихся под угрозой, «нет никакой функционально

значимой внешней поддержки, на которую они могли бы опереться» (*Fishman 2001: 13*). Случай с казахским языком не совсем таков. Общественная поддержка Н. Назарбаева усложнила задачу сопротивления бюрократии и противников перехода от русского языка к казахскому.

В комбинации с вышеуказанными факторами очень могущественной силой, продвигающей процесс ПЯС, оказывается и демографическая динамика в Казахстане. В пользу ПЯС работают как естественные, так и механические демографические факторы: абсолютная численность и доля казахов возрастает, в то время как численность людей славянского и немецкого происхождения уменьшается. В последнее вносит вклад как низкая рождаемость, так и эмиграция: только за 1993 - 1997 гг. количество людей славянского и немецкого происхождения, покинувших Казахстан, превзошло количество приехавших на 1,5 миллиона. В те же годы наблюдался положительный баланс миграции казахского населения: количество казахов, приехавших на место жительства в Казахстан, превзошло количество уехавших на 46700 (*Гали 2000а: 2*). Увеличение доли казахского населения было также результатом намного более высокой рождаемости среди казахов, чем, скажем, среди русских. В 1991 г., когда казахи составляли немногим более 40% всего населения Казахстана, на их долю приходилось 72,4% общего естественного прироста населения (исчислявшегося в абсолютных цифрах как 219429). В

1993 г. на их долю приходилось 88,2% (от общего 145371). В сравнении с этим, на долю русских (чья общая численность тогда еще не была намного меньшей, чем численность казахов) приходилось лишь 12% общего прироста в 1991 г., а в 1993 г. естественный прирост русского населения обнаружил отрицательную тенденцию (*Гали 2000б: 3*).

Миграционные процессы внутри Казахстана, особенно движение из сельских районов в городские, тоже повлияло на языковые процессы (наибольшим образом в городах, где казахский язык был так ослаблен в конце советского периода). Хотя некоторые из городов, испытавших отъезд славянского и немецкого населения, попросту пришли в упадок, ибо в них не было рабочих мест, другие города начали притягивать казахских мигрантов, которые, прибывая из сельских районов или небольших поселков городского типа, стали постепенно сменять бывшее русское/украинское/немецкое население.

Все указанные демографические тенденции существенно трансформировали городскую языковую среду, в которой стал разворачиваться процесс ПЯС. Несмотря на то, что в городах большинство приезжих обладает достаточным знанием русского языка для повседневного общения и многие до сих пор считают, что владение русским повышает шансы на продвижение вверх по социальной лестнице, само присутствие этого приезжего элемента заметно интенсифицировало использование

ШЕТЕЛ ӘРІПТЕСТЕРІМІЗДІҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

казахского языка в городах. Следует также заметить, что увеличивающаяся доля казахскоговорящего населения в целом увеличила вероятность того, что людям, не знающим либо обладающим плохим знанием казахского, сегодня все же придется столкнуться с казахским языком на рабочем месте или на публичных мероприятиях. Если в 1970 - 1980-х годах горожане, владеющие казахским и русским, обычно старались не говорить на казахском в тех случаях, когда на мероприятиях присутствовали отдельные люди, не знающие язык, то сегодня в такого рода ситуациях уже спокойно говорят на казахском. В таких условиях «не-казахофонам» (особенно казахам) действительно стоит выучить казахский язык хотя бы на уровне, необходимом для элементарного понимания того, что говорят другие.

Эти же демографические тенденции привели к тому, что в городах существенно увеличилось число казахов, выступающих за меры по возрождению казахского языка. В частности, они привели к увеличению количества лиц, желающих получить возможность обслуживания на казахском языке в сфере услуг, государственных учреждениях и на местах работы.

Однако еще один фактор, имеющий отношение к выздоровлению казахского языка, заключается в том, что даже в 1970 - 1980-х годах (несмотря на мнения, что язык был «болен» и вообще «при смерти») ситуация не была такой уж ужасной. В конце концов,

даже в конце 1980-х годов две трети казахских школьников в начальных и средних классах посещали уроки с преподаванием на казахском. Более того, и в советское время прилагались существенные усилия по развитию корпуса литературы на казахском языке. Учеными создавались словари, своды грамматики и другие работы. А затем, несмотря на ограниченную аудиторию в городах, СМИ на казахском языке тоже существовали в советское время, как и возможность быть обслуженным на казахском языке в социальной сфере.

Учитывая затраты, необходимые на внедрение мер ПЯС, нужно сказать, что казахскому языку очень «повезло» и в том, что он оказался на территории, богатой природными ресурсами, особенно энергетическими ресурсами, притягивающими зарубежные инвестиции. Экономика Казахстана в начале 1990-х годов была в руинах, но с тех пор стала испытывать оздоровление. В результате этих улучшений, а также тесных контактов между правительством и частным сектором в Казахстане, высвободились средства для финансирования мер ПЯС.

Даже если сегодняшние тенденции не являются гарантией будущего развития, экономический рост и ресурсы Казахстана, вероятно, все равно вносят свой вклад в дело развития казахского языка тем, что уменьшают риск финансовых проблем, перед лицом которых могут оказаться планы ПЯС. Д. Фишман, конечно, прав, когда говорит о том, что концентрация

усилий на мерах ПЯС высшего уровня нерациональна. Тем не менее, последствия этой нерациональности могут быть менее серьезными в более богатом сообществе.

Следует еще раз заметить, что, даже при ее нерациональности, концентрация усилий на мерах ПЯС высшего уровня все равно внесла свой вклад в поворот языкового сдвига в Казахстане. В конце концов важность наличия опоры на уровне домашне-семейно-квартального сообщества не значит, что в пространстве между «высшими» и «низшими» уровнями воздействие распространяется лишь в одном направлении. Иным словом, это не значит, что поворот языкового сдвига в областях вне домашней сферы (т.е. в областях, поддерживавшихся казахстанским правительством и КТК) не может оказывать обратное воздействие на процессы ПЯС в домашней сфере. В самом деле, представляется, что предшествующий языковой сдвиг (от казахского к русскому) был такого же характера, ибо изменения в домашней сфере произошли в результате изменений и открывшихся возможностей в образовательной, культурной, политической сфере, в сфере работы - т.е. в областях вне домашней сферы. Казахскоговорящие родители часто принимали сознательное решение пользоваться русским языком (даже если могли говорить на нем плохо) в стенах дома, потому что видели потенциальное преимущество (с точки зрения социальной мобильности) для своих детей в том,

чтобы они росли с русским языком вместо казахского. Сегодня ситуация в некотором роде изменилась. Хотя польза от знания казахского в Казахстане не так велика, какой была польза от знания русского в СССР, необходимо признать, что даже ограниченные улучшения в положении казахского языка за последние 15 лет сделали перспективу поворота направления языкового сдвига в городской семье не такой уж сурово выглядящей.

В конечном итоге, стало быть, сущность ситуации в Казахстане кажется следующей: благодаря редкому благоприятному стечению факторов, сторонники ПЯС смогли позволить себе действовать нерационально и расточительно при лечении «болезни» и, тем не менее, помочь выздоровлению «пациента». Если бы меры, предпринимаемые КТК, были сосредоточены на «сообществе тесно знающих друг друга людей», что подчеркивалось Д. Фишманом, они, вероятно, оказались бы более продуктивными в деле обеспечения основ для развития языка в будущем. Подход, направленный на языковые функции «нижнего» уровня, видимо, был бы также менее болезненным для неказахского населения и казахов, не знающих «свой» язык. Психологическую цену данного дискомфорта невозможно измерить количественно, но ее нельзя игнорировать, когда речь идет о социальном благополучии населения. Как бы то ни было, еще слишком рано предсказывать, последуют ли какие-

ШЕТЕЛ ӘРІПТЕСТЕРІМІЗДІҢ ЗЕРТТЕУЛЕРИ

либо серьезные «увечья» за тем фактом, что лечащие казахского «пациента» не выбрали оптимальный курс лечения.

Хотя о возможной траектории развития казахского языка в ближайшие десятилетия говорить трудно, следует отметить, что некоторые из критически важных факторов, работающих на пользу казахского языка, вероятно, будут продолжать присутствовать на сцене. Один из них - это быстро изменяющаяся демографическая ситуация в стране и особенно в городах, ситуация, увеличивающая долю казахского населения. Далее, представляется маловероятным, чтобы Н.Назарбаев или его политический наследник оставил цели по продолжению ПЯС. Подобный политический шаг нанес бы серьезный урон образу легитимности лидера в глазах большой части населения, видящей Казахстан прежде всего родиной казахов и считающей казахский язык важнейшим элементом казахской культуры. Экономические прогнозы более сложны, но, по состоянию на 2005 г., перспективы развития казахстанской экономики весьма неплохи.

Следует отметить, что прогресс ПЯС в Казахстане и дальнейшие перспективы развития казахского языка представляются еще более важными в контексте современного глобализующегося мира, где в межкультурные коммуникации на регулярной основе включается все возрастающее число людей. Исходя из данного контекста, трудно себе представить, что казахский язык сможет

перенять все функции, выполняемые в настоящее время русским языком. Более вероятен другой сценарий, в котором русский останется языком более широкого общения (LWC) для казахов, в то время как роль еще одного языка более широкого общения - вероятно, английского - будет также возрастать.

Тем не менее, необходимо признать, что сфер применения, которые казахский язык может возвратить себе, сегодня предостаточно.

В заключение следует кратко остановиться на том, что меры ПЯС в Казахстане, по сути представляющие собой тип статусного планирования в языке, начали предприниматься одновременно с деятельностью, относящейся к корпусному планированию в языке. Среди наиболее широко обсуждаемых вопросов корпусного планирования - вопрос о реформе письменности. В Казахстане, в отличие, например, от Азербайджана, Туркменистана или Узбекистана, о каких-либо конкретных планах по переводу письменности на латинский алфавит пока официально не говорилось. Проблема, однако, гораздо более сложна, чем вопрос о выборе латиницы или кириллицы. Ряд ученых, особенно в первое время, выступал за переход на арабскую письменность. Другие считали, что следует принять алфавит, основанный на древнем руническом письме. Намного менее радикальный проект состоял в том, чтобы модифицировать используемый сегодня вариант казахского кириллического алфавита.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ КОЛЛЕГ

Решение о том, переходить на другую письменность или нет, является прежде всего политическим. Это хорошо проступает во взглядах одного из противников латинизации, заявлявшего, что переход на латинский алфавит будет плохо взвешенной попыткой ограничить влияние России и откроет дверь американизации.

Как бы то ни было, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что сфер применения, которые казахский язык может возвратить себе, предостаточно. Чтобы успешно возвратить их, оптимальным условием будет оставить драматическую идею «достать до неба» и сосредоточить внимание на областях, которые находятся в пределах досягаемости.

Хотя Д. Фишман подчеркивает, что «не кончающаяся дорога в будущее» для ПЯС должна начинаться с прекращения «зависимости от (и контроля со стороны)» власти, связанной с более

сильным языком, цель ПЯС не должна состоять в замене монизма более сильного языка на монизм более слабого языка. Следование этой цели было бы весьма печальным фактом - не только потому, что она недостижима, но и потому, что это «подпишало бы смертный приговор идеи плурализма и мирного сосуществования» (Fishman 2001: 475). Если данная истина забудется, это обернется трагедией для всех граждан Казахстана. Но идея языкового плурализма вовсе не подразумевает того, что меры ПЯС должны быть оставлены. Наоборот, как я пытался показать в настоящей статье, перспективы возрождения казахского языка как части казахской культуры и перспективы его все более широкого использования неказахским населением будут значительно улучшены усилиями, приложенными конкретно к делу его возвращения в казахскую семью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдиаримов О. Мемлекеттік тіл жылы болмайды, бірақ... // Ана тілі. 2005. 27 янв.
2. Абдираман Ш. Мемлекеттік тілді мемлекет қорғайды, ал «Қазақ тілі» қоғамы... // Ана тілі. 2002. 3 окт.
3. Алтай М.Б., Бөлөген Г.С., Торехан Б.Н. Латын негізіндегі қазақ әліпбій. -Алматы, 1998.
4. Ана тілі. 1990 - 1992.
5. Фали Э. Орысым - Қара орманым // Жас Алаш. 2000. 11 марта.
6. Фали Э. Қазақ қайтсе көбейеді нәмесе оптимистік демография // Егемен Қазақстан. 2000. 1 янв.
7. Госкомстат СССР. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 7. Ч. 7.-М., 1991 - 1993.
8. Государственная программа функционирования и развития языков // Языковая политика в Республике Казахстан: Сб. док.-Астана, 1999.-С. 161 - 175.
9. Государственная программа функционирования и развития языков на 2001 - 2010 годы // Казахстанская правда. 2001. 17 февр.-С. 3.
10. Жас Алаш. 2002. 4 апр.
11. Жусип 2004 - Демографические изменения в Казахстане показывают, что будущее страны - за казахским языком // Казинформ. 2004. 15 июля (www.inform.kz/showarticle.php?lang=rus&id=85701).
12. Қайдар А., Айтбайұлы О. Қазақстанның болашағы қазақ тілінде // Егемен Қазақстан. 2000. 22 сент.

ШЕТЕЛ ӘРІПТЕСТЕРІМІЗДІҢ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

13. Қия беткейдегі көш // Ана тілі. 1990, N 22, 16 авг.
14. О порядке введения в действие Закона Казахской ССР “О языках в Казахской ССР” // Казахстанская правда. 1989, 28 сент.
15. Казахстанская правда. 1989, 23 мая.
16. О некоторых изменениях и дополнениях к Государственной программе развития казахского языка и других национальных языков в Казахской ССР на период до 2000 г. // Казахстанская правда. 1990, 29 сент.
17. Казахстанская правда. 1992, 28 нояб.
18. Казахстанская правда. 1992, 8 февр.
19. Қазақстан Республикасының статистика жөніндегі агенттігі // Қазақстан Республикасы халқының үлттық құрамы. -Т. 1.-Алматы, 2000.
20. Құрултайға дайындық қалай? // Ана тілі. 2002. 5 сент.
21. «Мемлекеттік тіл» қоғамдық қозғалысының Республика Президентіне, Парламентіне, Үкіметіне және барша отандастарымызға үндеуі // Қазақ елі. 2004, 14 июля.
22. Молдашұлы С. Төрт аяғын тен басқан // Жас Алаш. 1993, 14 января.
23. Момышұлы Б. Жетімнің қайтып оралуы // Лениншіл жас. 1989, 15 сент.
24. Мұқаев Б. Арымыздың абройымыз да // Лениншіл жас. 1990, 1 марта.
25. Омар Қ. Қазақ тілі қоғамы неге үнсіз? // Ана тілі. 2003, 16 окт.
26. Онгарсынова Ф. Қайтып халық бол қаламыз? // Ана тілі. 1991, 13 июня.
27. Оразалинов С. Тіл туралы занды колдан тұнышқытрымайық // Ана тілі. 2003, 4 дек.
28. Постановление Центрального Комитета Компартии Казахстана и Совета Министров КазССР N 98 «Об улучшении изучения казахского языка в республике» // Языковая политика в Казахстане (1921 - 1990 годы). Сборник документов.-Алма-Ата, 1997.
29. Республикалық «Қазақ тілі» қоғамы II құрұлтайының қаулысы // Ана тілі. 1992, 10 дек.
30. Савин И. С. Реализация и результаты культурно-языковой и образовательной политики в Казахстане в 1990-е годы // Этнограф. обозрение. 2001, N 6. С. 104 - 122.
31. Саматұлы Н. Мемлекеттік тілдің тағдыры мемлекеттік қызметкерлердің қолында // Ана тілі. 2002, 10 окт.
32. Сәттібайұлы Қ. Санатазармай, салт жақсармайды // Жас Алаш. 1993, 4 марта.
33. Социалистік Қазақстан. 1989, 3 авг.
34. Социалистік Қазақстан. 1991, 15 июня.
35. Соснин А. Власть в сети // Репутация. 2004, 30 сент. (www.imagekz.org/?m=4&s=200409301054-4).
36. Таужанов С. На коне!... Не на лошади! // www.zakon.kz/our/news/news.asp?id=26527.
37. Тоқсанбай Қ. Бар қазақтың басын тіл косады // Егemen Қазақстан. 2000, 22 сент.
38. Шаханов М. Ұлттық нигилизм жемістері // Түркістан. 2004, 4 нояб.
39. Шымырбаев Б. Арнайы әліппе болсын // Ана тілі. 2004. 22 июля.
40. Шыртанов И. Өткенге өрел, қалғанға салаат // Ана тілі. 1991, 11 июля.
41. Яхъяев С. Языковые барьеры // Известия Казахстана. Еженедельная онлайн газета. 2004. N 181, 3 дек.
42. Arenov M.M., Kalmykov S.K. The Present Language Situation in Kazakhstan // Russian Social Science Review. 1997. Vol. 38. N 3.
43. Barghorn F. Russian Nationalism and Soviet Politics: Official and Unofficial Perspectives // The Last Empire: Nationality and the Soviet Future / Ed. R. Conquest. Stanford, 1986.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ КОЛЛЕГ

44. Bartens A. Review of “Can threatened languages be saved?” / Ed. J. Fishman. Buffalo, 2001 // The Linguist List. 12.1126. 2001 (<http://linguistlist.org>).
45. Dave B. National Revival in Kazakhstan: Language Shift and Identity Change // Post-Soviet Affairs. 1996. Vol. XII. N 1.
46. Dialog. 2004. 21 июля (www.dialog.kz).
47. Errington J. Getting Language Rights: The Rhetorics of Language Endangerment and Loss // American Anthropologist. 2003. Vol. 105. P. 723 - 732.
48. Fierman W. Language and Identity in Kazakhstan: Formulations in Policy Documents, 1987 - 1997 // Communist and Post-Communist Studies. 1998. Vol. XXX. N 2.
49. Fishman J. A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Philadelphia, 1991.
50. Fishman J.A. Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift, Revisited: A 21st Century Perspective. Buffalo, 2001.
51. Rivers W. Attitudes towards Incipient Mankurtism among Kazakhstani College Students // Language Policy. 2003. N 1.

Перевод с английского
А.Л. Елфимова

Р.В. ГРИГОРЬЕВА

УДК 930.1

Павлодарский государственный университет
им. С.Торайгырова

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ Е. БЕКМАХАНОВА «КАЗАХСТАН В 20 - 40 ГОДЫ XIX ВЕКА»

Мақалада Е. Бекмаханов «XIX г. 20-40-жылдардағы Қазақстан» монографиясын жазуға пайдаланған фольклорлық деректер сипатталады. Сондай-ақ олардың құндылығы мен ерекшелігі анықталған.

In article are described used by E.Bekmahanov at a monography writing «Kazakhstan in 20-40th XIX centuries» Folklore sources. Their value and uniqueness is revealed.

Выдающийся казахский ученый, историк Е.Б. Бекмаханов осуществлял изыскания в области дореволюционной истории Казахстана, им было принято решение проследить историю своего народа на протяжении трех десятилетий XIX века, включающих в себя движение Кенсары Касымова, социальные отношения и политический строй, а также развитие взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами.

Для выполнения этой, исключительно сложной задачи, им был поднят огромный по объему и разнообразный по характеру материал; архивные документы, восточные источники, записи обычного права казахов, устные предания, народный эпос. В своем знаменитом труде «Казахстан в 20 - 40 годы XIX века» ученый выдвигает концепцию о стремлении казахского общества

решить острую земельную проблему через создание централизованного феодального государства и с этим Е. Бекмаханов связывал истоки движения К.Касымова.

Как отмечает сам автор, значение фольклора как важнейшего источника при изучении истории Казахстана невероятно велико. И это объясняется тем, что казахский народ, вплоть до второй половины XIX века не имел своей письменной литературы. Поэтому наиболее значимые события в истории казахского народа сохранены благодаря устному народному творчеству: поэмам, легендам, сказкам, песням, былинам и др., которые передавались из поколения в поколение.

В этих фольклорных материалах, отмечает Е. Бекмаханов, сохранились сведения об общественном и социальном строе казахов о быте и нравах, о занятиях,

культуре и т.д. «Значение фольклорного материала состоит в том, что он дает меткую и, зачастую, верную оценку историческим событиям и личностям, поскольку сам народ является творцом истории и непосредственным участником, описываемых событий» - пишет он [1].

Отмечая исключительно важное значение фольклора для исторических исследований Е. Бекмаханов обращается к словам известного исследователя В.В.Радлова, который заверял, что казахский эпос дает совершенную, как и в эпосе древних греков ясную картину духовной жизни и нравов народа, с эпической широтой рисует военные походы, сватания, тризны, скачки, домашний быт и т.д. «Благодаря обилию, разнообразию и насыщенности фактами казахский эпос, - отмечает Е.Бекмаханов, представляет неоценимый клад для исторических исследований и особенно в области общественных отношений».

Использование богатейшего фольклорного материала, по мнению Е.Бекмаханова представляет определенную сложность, требуется большое умение и сугубо критический подход при использовании фольклорного материала в исследованиях, так как он имеет специфические особенности.

Этот материал имеет качественную и классовую неоднородность, смешение в нем исторической правды с поэтическим

вымыслом и домыслом переводчиков, напластование в фольклоре различных добавлений, вносимых различными сказителями и певцами особенно тогда, когда песнь имеет давность в несколько веков и проходит несколько инстанций. При этом певцы и сказители придают событиям ту политическую окраску, которая диктуется их классовыми и политическими симпатиями. «Поэтому, - отмечает Е.Бекмаханов, важнейшим условием при использовании фольклорного материала является установление его классового характера, а по возможности и личности его автора или исполнителя. Так, в фольклорных источниках сохранилось немало песен, в которых К.Касымов характеризуется как вождь бедняков, а в одной из песен поется, что «Кенесары был убежещем для бездомных, приютом для бескровных» [2]. Некритическое восприятие этой информации, по мнению Е. Бекмаханова, полностью исказило бы правильное представление о Кенесары, который был очень крупным феодалом и вовсе не нищенствующим вожаком бедноты.

Особенно много в песенном и поэтическом творчестве привнесено сказочных мотивов, которые наделяют Кенесары и его соратников легендарными силами, недюженными способностями. Так в одной из песен повествуется, что когда было разгромлено войско Кенесары, он один отражал все попытки врагов уничтожить его, и весьма преуспел в этом, а другая песня

ФОЛЬКЛОР. АУЫЗЕКІ ДӘСТҮРІ

содержит утверждение о том, что на угрозы русского царя Кеңесары отвечал только двумя словами, первое из которых «гримело железом», а второе «плыхало огнем».

Е. Бекмаханов подчеркивает, что к этой информации необходимо подходить критически, но в тоже время нельзя полностью игнорировать эту информацию, так как наряду с легендарно-сказочными образами эти песни содержат четкую характеристику сил, против которых выступали повстанцы, что не только царские завоеватели душили казахский народ, но и среди богачей баев было немало предателей, которые за подачки со стороны царских чиновников предавали интересы своего народа.

Ученый подчеркивает, что важнейшей задачей исследователей является не только отделение правды от вымысла, но и максимально возможная сверка их с данными архивных и литературных источников, кроме того очень важно сравнение разных вариантов отдельных песен, для выявления их первоначального текста. Е.Бекмаханов отмечает далее, что им была проделана довольно кропотливая работа такого характера в отношении песен участников восстания Кеңесары - акынов Насымбая и Досхожа, но, к сожалению, в период его исследований в Казахстане еще не было уделено должного внимания научной обработке памятников фольклора, поэтому не все песни были записаны и качество

записанных песен оставляло желать лучшего.

Фольклорный материал имеет специфический характер поэтому, отмечает Е.Бекмаханов, это необходимо учитывать. Степень достоверности песни или поэмы ниже степени достоверности записей или рассказов непосредственных очевидцев или участников событий, которые можно рассматривать как мемуарные материалы, являющиеся первоисточниками. Основу же фольклорных материалов чаще всего перерабатывают сказители в интересах того класса, которое сказитель представлял. Е. Бекмаханов отмечает, что до наших дней дошло несколько фольклорных произведений, специально импровизированных по заказу феодальной верхушки, к числу таких песен относится фольклорное произведение, найденное в Ташкентском архиве, записанное в 40-е годы XIX века, прославлявшее могущество России и силу её оружия. Автор, явный сторонник колониальной политики царизма, восхваляет колониальную, захватническую политику царизма [3].

В связи с классовым расслоением казахского общества появляются певцы и импровизаторы социальных низов и в частности джатачества. Так, Е.Бекмаханов отмечает социальную направленность творчества Ногайбая, который был тесно связан с народными низами и который изливал всю свою душу и тем стремился облегчить наболевшее сердце.

Е. Бекмаханов считал, что особенно критически необходимо относиться к фольклорным источникам, которые относятся к позднейшему периоду. В этих песнях и сказаниях зачастую идеализируется прошлое Казахстана, чересчур восхваляются отдельные личности, воедино сливаются интересы ханов и народа. Большинство таких произведений, считает Е.Бекмаханов, были созданы когда народные массы испытывали двойное пресс угнетение, - своих собственных феодалов и царских колонизаторов, и именно тогда авторы песен и сказаний обращали свои взоры к прошлому своей родины, ища в нем «золотой век» казахского народа. Достаточно было, какому либо певцу или сказителю своим сюжетом воспеть деятельность популярного лица вроде Кенесары, народ сразу связывал с ним свои надежды на лучшее будущее.

Среди исторических песен и поэм, которые стали фольклорным источником в исследовании, посвященных Кенесары и Наурызбаю ведущее место занимает «Песня о Кенесары» Насымбая, который был участником восстания и который подробно описывает борьбу Кенесары с киргизскими манапами и гибель самого Кенесары.. Песня подробно передает достоверные сведения о реальных событиях, происходивших в ходе восстания, в частности о состоянии на тот момент казахского общества, об отсутствии в нём единства,

родовую вражду и барымту. Песня Насымбая отражает идею Кенесары о едином казахском государстве, верно излагаются в ней важные факты, которые подтверждаются архивными материалами. В песне фигурируют имена лучших батыров и соратников Кенесары - Имана, Джакуке, Толебая, Атыбая, Бухарбая, Мендыбая, Дулата и Шакира [4], и, наконец, места сражений и гибели Кенесары можно восстановить только благодаря подробным описаниям Насымбая.

В то же время песня Насымбая, отмечает Е. Бекмаханов, не лишена определенных недостатков, в частности Насымбай допускает отступления от точности в передаче некоторых исторических фактов и преувеличение роли отдельных героев. Так, в мифологическую форму Насымбай облачил геройство Наурызбая и других деятелей.

В 1875 году песня Насымбая была полностью напечатана с подстрочным русским переводом султаном Джантюриным в «Записках Оренбургского отдела Русского Гографического Общества», но этот вариант по мнению Е.Бекмаханова страдает большими погрешностями, так как из его текста были исключены наиболее политически заостренные выпады по адресу царских властей. Ещё больше искажен текст песни, который был опубликован в 1924 году под редакцией Жусупбека Басыгарина, который соратников Кенесары именует «разбойниками» и «кровопийцами»,

а участников восстания называет «сбродом». Е. Бекмаханов объясняет причины тех искажений, которые были допущены Басыгариным. Дед Басыгарина Алтыбай Кубеков за неоднократное участие в царских карательных отрядах, преследовавших Кенесары, был убит повстанцами, а аулы другого его деда Джангабыла Тулегенова - зауряд-хорунжего тоже многократно подвергались разгрому сторонниками Кенесары.

Е. Бекмахановы м были исследованы и другие варианты песни Насымбая, два из которых хранились в рукописном фонде Института языка и литературы Академии наук Каз ССР. Один из них был опубликован в 1912 году на казахском языке в Казани Жусупбеком Шайхусламовым, а второй вариант был записан в 1939 году сотрудниками Института со слов акына Кашкынбая Караева в Тургайской области. Оба эти варианта совпадают по своей полноте и правдивости описания. После смерти Кенесары Насымбай долго скитался по Средней Азии и умер нищим в 1870 году [5].

Как сообщает народная молва в повстанческом отряде находился другой прославленный поэт импровизатор Гассан, но к сожалению до нас не дошло ни одного из его произведений. Достоверные сведения о творчестве Гассана Е.Бекмаханов черпает из воспоминаний знатока казахского фольклора Алекторова, который в 90-е годы XIX века лично

общался с Гассаном и оставил о нём правдивые сведения. Эти сведения были опубликованы в «Астраханском Вестнике» за 1893 год № 1222 под названием Народная литература киргизов: «В то время как Насамбай под звуки своего кобыза говорил собратьям о последних событиях внука Аблая, другой киргизский Гомер, певец старины, слепой Гассан, лично знавший Кенесары и принимавший участие в его героических подвигах, пел о войне его с русскими и бегстве к пределам Китайской империи.... Личность Кенесары в песнях степного импровизатора изображается такими чертами, что у слушателей невольно возбуждается сочувствие к героически погившему султану, всю жизнь стремившемуся к тому лишь, чтобы сделать соплеменников своих свободным, независимым народом».

Для выяснения причин восстания казахов в 20 - 30 годы XIX века Е.Бекмаханов обращается к песням акынов Досходжа и Кудеры, произведения которых были созданы во время восстания. Используя архивные, материалы Е.Бекмаханов сообщает сведения о происхождении акынов.

Так, в своем показании оренбургским властям Досходжан заявил, что он сын Такбурина, Средней Орды, Алтай Калкамановского рода и по вторжении в Акмолинский округ султана Кенесары Касымова, он с семейством присоединился к султану Кучеку Касымову, и далее Е.Бекмаханов

сообщает о сохранившейся в разных вариантах произведения Досходжи «Прощальная песня», которая была написана в то время, когда казахи вынуждены были расстаться со своими родными краями, когда Кенесары под давлением обстоятельств вынужден был перенести центр национально-освободительного движения в район Старшего жуза. Один из вариантов «Прощальной песни» был записан А.Нестеровым в 1895 году со слов Есбергена Утепбергенова из Раимской волости Казалинского уезда. Этот материал Е. Бекмаханов нашёл в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» за 1900 год. том XVI, вып.1. Историческая ценность «Прощальной песни», - говорит Е. Бекмаханов, - состоит в том, что в ней ярко вскрываются причины массового освободительного движения казахов в 20-30 годы XIX века, причем с исключительным мастерством описаны горькие переживания казахов, расстающихся с родными кочевьями [6].

Такое же значение, по мнению Е.Бекмаханова, имеет и песня «Расставание с горой Каркаралы» Кудеры-кожа. Создание этой песни относится ко времени основания царскими властями укрепления-приказа в 1827 году, что вынудило казахов покинуть родные места. Кудеры-кожа воспевает родные горы Каркаралы, которые служили казахам зимовкой.

Е. Бекмахановым использованы множество и других произведений фольклорного характера, которые широко были распространены в народе. К ним относятся: «Наурызбай и Ханшаим», «Жасаул – кыргыны», «Заржан – батыр», «Песни о Кенесары» и другие. Все эти песни и поэмы были записаны в основном в конце XIX века. Поэма «Жасаул – кыргыны» была записана Нуркиповым в 1936 году в городе Туркестане. Объем её составляет 24 страницы и посвящена она гибели 90 есаулов Наурызбая во время сбора зякета с жаппасцев в 1844 году. Поэма сообщает, как в одну ночь были убиты зауряд-хорунжием Тулеевым, родоначальником Жаппасского рода посланцы Наурызбая, сообщается в поэме и место погребения убитых «Джасаул – кыргыны».

Факты, содержащиеся в поэме, подтверждаются письменными источниками. Найденная в Оренбургском историческом архиве записка султана -правителя Ахмета Джантюрина сообщает об обстоятельствах гибели есаулов Наурызбая и отношения к нему отдельных Жаппасских подродов. Кроме того, в «Краткой истории семи батыров» Омара Шипина, также приводятся показания очевидцев. Все это позволяет восстановить подлинную картину событий и еще раз подтверждает верность той информации, которая содержится в фольклорном источнике, отмечает Е. Бекмаханов.

Поэма «Саржан – батыр» была записана Ф. Мукановым в 1940 году

и хранилась она в рукописном фонде Института языка и литературы АН Каз ССР, Этот фольклорный источник посвящен брату Кенесары Саржану, руководителю восстания казахов в 20 - 30 годы XIX века, но в нем имеются сведения и о подвигах Кенесары и Наурызбая, о реальных событиях восстания 1837 - 1847 годов.

По мнению исследователей фольклорных источников, исключительный интерес представляют воспоминания, записанные со слов очевидцев и участников событий прошлого. К таким воспоминаниям относятся записанные со слов батыров Кенесары сведения рядовых участников событий. Значение этих записей заключается в том, что сведения о событиях в них передаются значительно подробнее и точнее чем в поэтических произведениях. И к тому же, отмечает Е.Бекмаханов, эти записи восполняют важный пробел, сообщая биографические данные о батырах Кенесары. Особую ценность, как сообщает Е. Бекмаханов, представляют записки Туллик Титакова, сделанные им в 1900 году со слов батыров Кенесары Мынбая Шинбаева и Бектемира во время пребывания его в аулах «Сары - булах – олы». Эти записи хранились в рукописных фондах института языка и литературы АН Каз ССР.

Первая часть записей Титакова посвящена Касыму Аблаеву и здесь описывается его месть ташкентцам за убийство его сыновей - Есенгельды и

Саржана, но наибольшую ценность, по мнению Е. Бекмаханова, представляет эта часть записей, где содержится материал биографического характера, родословная Кенесары и Наурызбая, описывается их внешность и внешность сестры Кенесары красавицы Карапаш. Кроме того, в этой части записей имеются сведения о повстанческой армии Кенесары, о законодательной деятельности предводителя восстания. В последней части записей содержится материал, посвященный Абырай - батыру, имеются сведения о его взаимоотношениях с Кенесары.

В рукописном фонде Института языка и литературы АН Каз ССР хранились материалы по истории фольклора и этнографии казахов, собранного Жусупом Копеевым, выходца из Каржасовской волости Баян-Аульского района Павлодарской области. Из записей Ж. Копеева стало известно о военной тактике Кенесары. В частности, в материалах Ж. Копеева содержится материал о штурме Актауской крепости в 1838 году и там же имеется характеристика отдельных батыров Кенесары, участвовавших в штурме, например, Тулебай батыра, которого за проявленную храбрость Кенесары прозвал «Жеке батыр». Е.Бекмаханов отмечает в материалах Ж. Копеева описание перехода Кенесары в район Старшего жуза и преследование его отрядом есаула Нюхалова.

Ж. Копеев излагает краткое содержание писем есаула Нюхалова

киргизским манапам - Бурумбаю Баймуратову из рода Бугу, Ормону Ниязбекову из рода Сарыбагыз и другим, кроме того Ж.Копеев называет фамилии казахских султанов, присоединившихся к царским отрядам и участвовавших в преследовании Кенесары. Вся эта информация подтверждается данными архивов. Исключительно подробно, отмечает далее Е. Бекмаханов, в материалах Ж.Копеева описывается последнее сражение Кенесары с киргизскими манапами и гибель самого Кенесары. Показана предательская роль султанов Сыпата и Рустема, перешедших на сторону противника. Ж.Копеев подробнее, чем кто либо описывает места сражений и перечисляет названия отдельных местностей. Однако и в материалах Ж.Копеева, замечает Е.Бекмаханов, имеются существенные недостатки. Отдельные легенды, широко распространенные в народе он выдает за действительность, и ошибочно утверждает, что «все убийцы Кенесары, проклятые его священным духом, со всем потомством вымерли» [7].

Значительный по объему материал про Кенесары Касымова и его боевых соратников, использованный Е. Бекмахановым, был собран народным акыном Казахстана, уроженцем Убагинского района Кустанайской области Омаром Шипиным. Им была написана «Краткая история семи батыров», которая хранилась в рукописном фонде Академии

наук КазССР. Многие из героев рассказов, записанных О.Шипиным, были участниками событий. Так, со слов Шубара Наурызбаева и Жамантая, Шипин записал историю основания Кушмурунского приказа, обстоятельства ухода Кенесары из степей Центрального Казахстана и последнее сражение с киргизскими манапами в 1847 году.

Ценность материалов Омара Шипина, отмечает Е. Бекмаханов, заключается еще и в том, что он дает перечень материальных памятников, сохранившихся со времён Кенесары, и описывает исторические места, связанные с его именем. Запись О. Шипина состоит из нескольких разделов, каждый из которых посвящен определенным событиям, например, штурму Акмолинска в 1838 году или событиям, связанным с гибелью 90 султанов, или уходу Кенесары из района Тургая и Иргиза.

Следующая группа фольклорных материалов, использованная Е.Бекмахановым представляет из себя воспоминания народных акынов: Джамбула, Доскея и Аргынбая. Воспоминания Джамбула были записаны в 1940 году и они касаются только периода, когда Кенесары пришел в район Старшего жуза к дулатовцам. По мнению Е. Бекмаханова, очень интересны сведения Джамбула о присоединении к повстанцам батыров из рода Дулат о молодом Байсейт батыре, Суранши батыре, Саурук батыре и других.

Эти воспоминания Джамбула хранились в рукописном фонде Института языка и литературы при АН КазССР. Там же хранились воспоминания акына Доскея о Кенесары Касымове. Эти воспоминания были записаны в 1940 году учителем Ф. Мукановым. Несмотря на сказочную форму рассказов Доскея, они прекрасно иллюстрируют отношение простого народа к восстанию Кенесары и поэтому заслуживают должного внимания.

Фольклорный источник неизвестного автора посвящен Кенесары и Наурызбаю под названием «Агыбай – батыр». Поэма посвящена огромной по важности деятельности Агыбай батыра - снабжению повстанческих отрядов лошадьми. Агыбай ездил в отдаленные казахские роды за лошадьми. Как указывают архивные материалы, иногда Кенесары брал лошадей в счёт зятета.

Использованы Е. Бекмахановым напечатанные В.В. Радловым две исторические песни о Кенесары, одна из которых сохранилась только в отрывках и повествует о начальном этапе движения Кенесары. вторая песня была записана Радловым со слов Акмолда из Казалинского уезда и посвящена она событиям, происходящим накануне гибели предводителя восстания. В песне

Кенесары обращается к брату с просьбой покинуть поле боя и спастись из плена, но в ответ Наурызбай отказывается покинуть любимого брата.

Несколько песен, использованные в качестве источников Е. Бекмахановым, были посвящены смерти его брата Саржана и плениению самого Наурызбая и были записаны в 1940 году со слов известного народного акына Шашубая Кошкарабаева. Две песни о Кенесары были напечатаны в сборнике «Песни киргиз – казахов» - одна из них неизвестного автора, посвящена рождению Кенесары, а другая «Сказ о Кенесары» записана в уроцище Ак Кудук, в Дельбегетее Семипалатинской области в 1918 году поэтом П. Феоктистовым со слов старого певца - рассказчика Ажибека Барменова, рассказывает о героических буднях народного вождя, героя, стремившегося к независимости своего народа.

Большинство упомянутых Е. Бекмахановым материалов фольклорного характера не были опубликованы ко времени его работы над исследованием истории Казахстана в 20 - 40 годы XIX века, и он предстает перед нами как искатель правды, и именно таким он останется навсегда в памяти тех кто его знал и снова встречается с ним на страницах его книг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекмаханов Е. «Казахстан в 20
- 40-е годы XIX века».-Алма-Ата, 1992.
-С.37.	4. Там же.-С.41.
2.Там же.-С.38	5. Там же.-С. 43.
3. Там же.-С. 39	6. Там же.-С.44.
	7. Там же.-С. 47.

НАШИ АВТОРЫ

Артыкбаев Жамбыл Омарулы

- д.и.н., профессор, руководитель Евразийского центра по научным исследованиям при Евразийском национальном университете им. А.Н. Гумилева, г. Астана.

Балтабаева Айгуль Мухамедхановна

- к.и.н., доцент кафедры «Общественно-исторические дисциплины» Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар.

Григорьева Роза Васильевна

- к.и.н., профессор кафедры истории, археологии и этнологии, Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова.

Диваев Абубекр Ахметжанович (1855-1933) – видный казахский ученый казаховед, краевед, этнограф, фольклорист, библиограф, популяризатор казахской культуры и истории, знаток народов Средней Азии.

Ельмуратова Ботагоз Жумабаевна

- заместитель декана магистратуры, к.и.н., доцент, Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова.

Ерманов Аскар Жуманазарович

- зав. кафедрой истории, археологии и этнологии, к.и.н., доцент, Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова.

Зиновьев Василий Павлович

- декан исторического факультета Томского государственного университета, д.и. н., профессор, г. Томск, Россия.

Кадысова Роза Жумабаевна

- проректор по научной работе, д.и.н., профессор, Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова.

Мамытова Саяле Насеновна

- начальник управления по подготовке кадров, к.и.н., доцент. Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова.

Матвеев Алексей Викторович

- заместитель директора Омского областного музея изобразительных искусств имени М.А. Врубеля по развитию, к.и.н., Россия.

Мусабекова Нурсулу Мукиденовна

- к.и.н., доцент Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар.

Разыков Сакен Зейнуллович

- к.и.н., ст. преподаватель кафедры «Общественно-исторические дисциплины», Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар.

Смокотина Любовь Ивановна

- к.и.н., доцент кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета, г. Томск, Россия.

Фиерман Уильям

- руководитель Центра изучения Центральной Азии при Университете штата Индиана, г. Блумингтон, США.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журналы принимаются статьи по всем научным направлениям в 1 экземпляре, набранные на компьютере, напечатанные на одной стороне листа с межстрочным интервалом 1,5, с полями 30 мм со всех сторон листа, название статьи: кегль - 14 пунктов и дискета со всеми материалами в текстовом редакторе "Word 7,0 ('97, 2000) для WINDOWS".

2. Общий объем статьи, включая аннотацию, литературу, таблицы и рисунки, не должен превышать 8-10 страниц.

3. Статья должна сопровождаться рецензией доктора или кандидата наук для авторов, не имеющих ученой степени.

**Статьи должны быть
оформлены в строгом
соответствии со следующими
правилами:**

1. УДК по таблицам универсальной десятичной классификации;

2. название статьи - заглавными буквами жирным шрифтом, абзац центрованный;

3. инициалы и фамилия (-и) автора(-ов), полное название учреждения;

4. аннотация на казахском, русском и английском языках: кегль - 10 пунктов, курсив, отступ слева-справа — 1 см, интервал 1,0;

5. текст статьи: кегль-12 пунктов, гарнитура - Times Nev Roman (для

русского, английского и немецкого языков), KZ Times Nev Roman (для казахского языка).

6. межстрочный интервал 1,5 (полуторный);

7. список использованной литературы (ссылки и примечания в статье обозначаются сквозной нумерацией и заключаются в квадратные скобки). Список литературы должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.1-84.- **например:**

ЛИТЕРАТУРА

1. Автор. Название статьи // Название журнала. Год издания. Том (например, Т.26.) номер (например, № 3.). - страница (например С. 34. или С. 15-24.)

2. Андреева С.А. Название книги.
- Место издания (например, М.:)
Издательство (например, Наука,) год
издания. - Общее число страниц в книге
(например, 239 с.) или конкретная
страница (например, С. 67.)

На отдельной странице

В бумажном и электронном варианте приводятся **сведения об авторе:** - Ф.И.О. полностью, ученая степень и ученое звание, место работы (для публикации в разделе «Наши авторы»);

**- полные почтовые адреса,
номера служебного и домашнего
телефонов, E-mail** (для связи редакции
с авторами, не публикуются);

- название статьи и фамилия (-и)
автора(-ов) на казахском, русском и
английском языках (для «Содержания»).

1. Иллюстрации. Перечень рисунков и подрисуночные надписи к ним представляют по тексту статьи. В электронной версии рисунки и иллюстрации представляются в формате TIF или JPG с разрешением не менее 300 dpi.

2. Математические формулы должны быть набраны как Microsoft Equation (каждая формула - один объект).

3. Автор просматривает и визирует гранки статьи и несет ответственность за содержание статьи.

4. Редакция не занимается литературной и стилистической обработкой статьи. Рукописи, диски и дискеты не возвращаются. Статьи, оформленные с нарушением требований, к публикации не принимаются и возвращаются авторам.

5. Статья (бумажная, электронная версия, оригинал квитанции об оплате) следует направлять по адресу:

140008, Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова, 64, Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Издательство «Кереку», каб. 137

Тел. 8 (718-2) 67-36-69, (внутр. 1147; 1183) факс: 8 (718-2) 67-37-02.

E-mail: publish@psu.kz

Наши реквизиты:

Р Г К П «Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова»

г.Павлодар, ул. Ломова, 64

РНН 451 800 030 073

БИН 990 140 004 654

АО «Цеснабанк»

ИИК 579 98 FTB 000 000 3310

БИК TSESKZKA

Код сектора экономики - 6

Признак резиденства - 1

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ

1. Журналға мақала қолжазбасының 2 данасы қабылданады. Қолжазба параптың бір жағында, бет жан - жағынан 3 см, 1.5 интервалмен компьютерде терілуі қажет және аталған материал түгелдей «WORD 7.0 (97.2000) Windows үшін» (кегль – 12 пункт, гарнитура – Times New Roman/ KZ Times New Roman) редакторымен өндөлген дискетті нұсқасымен қоса қабылданады.

2. Мақалага авторлардың барлығы жазылады. Қолжазба көлемі аннотация (андатпа), әдебиеттер тізімі, кесте, суреттерді қоса есептегенде 8-10 беттен аспауы қажет.

3. Ғылыми дәрежесі жок авторлардың мақалалары ғылым докторы немесе ғылым кандидатының рецензиясымен қабылданады.

4. Мақалалар төмөндегі ережелерге сәйкес рәсімделуі шарт:

- УДК нөмірі әмбебап ондық жіктелу кестесі бойынша жазылады;
- мақала аты: жол ортасында айқын бас әріптермен – кегль – 14 пункт, гарнитура – Times New Roman Сүр (орыс, ағылшын, неміс тілдері үшін), KZ Times New Romah (қазақ тілі үшін) жазылады;

- автордың аты-жөні, мекеменің толық атауы: жол ортасында – кегль – 12 пункт, гарнитура – Arial (орыс, ағылшын және неміс тілдері үшін), KZ Arial (қазақ тілі үшін) жазылады;

- аннотация қазақ, орыс және ағылшын тілдеріне: кегль -10 пункт, гарнитура – Times New Roman (орыс, ағылшын және неміс тілдері үшін), KZ Times New Roman (қазақ тілі үшін), курсив, оң және сол жақтары 1 см, бір жол аралық интервалмен жазылады;

- мақала мәтіні: кегль – 12 пункт, гарнитура – Times New Roman (орыс, ағылшын және неміс тілдері үшін), KZ Times New Roman (қазақ тілі үшін), 1.5 жол аралық интервалмен жазылады;

- пайдаланылған әдебиеттер тізімі (қолжазбадағы сілтемер мен ескертпелер төрт бұрышты жақша ішінде көшіріледі). Әдебиеттер тізімі ГОСТ 7.1-84 сәйкес көрсетіледі. Мысалы:

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Автор. Мақала аты II журнал аты. Шыққан жылы. Томы (мысалы, Т. 26.). – нөмірі (мысалы, №23) бет (мысалы 34 б. Немесе 15-24 бб.)

2. Андреева С.А. Кітаптың аты. Шыққан жері (мысалы, М.:) Баспа (мысалы, Наука) шыққан жылы. Кітаптың жалпы бетінің саны (мысал, 239 б) немесе нақты беті (мысалы, 67 б.).

3. Петров И.И. Диссертацияның аты: биолог. ғыл. канд. дис. – М.: институт аты, жылы. – бет саны.

4. C. Christopoulos, The trasnsmission – Line Modelling (TML) Metod, Piscataway, NJ: IEEE Press, 1995.

5. Бөлек бетте (қазақ және электронды түрде) автор жөнінде мәліміттер беріледі:

- аты-жөні толығымен, ғылыми дәрежесі мен ғылыми атағы, жұмыс орны («Біздің авторлар» бөліміне жарайлау үшін);

- почталық мекен – жайлары (толығымен), жұмыс және үй телефондарының нөмірі. E-mail (редакцияның авторлармен байланыс жасау үшін, жарияланбайды);

- мақаланың аты және автордың аты-жөні қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде («Мазмұны» үшін)

6. Иллюстрациялар. Сурет тізімі мен суреттің жазбалары жеке беріледі де, мақаланың жалпы мәтініне енгізілмейді. Эр суреттің артқы бетінде нөмірі, аты, автордың аты-жөні, мақаланың аты көрсетілуі тиіс. Дискеттегі суреттер мен иллюстрациялар 300 дпі дейін TIF немесе JPG форматымен беріледі (файлдардың аты «1-сур.», «3-сур» т. б.)

7. Математикалық формулалар Microsoft Equation (әр формула – бір объект) бойынша теріледі. Сілтемесі бар формулалар ғана нөмірленеді.

8. Автор мақаланың әдеби және стилистикалық өндөуімен айналыспайды. Қолжазба және дискеттер қайтарылмайды. Талапқа сәйкес ресімделмеген мақалалар қабылданбайды және авторларға қайтарылады.

9. Редакция мақаланың әдеби және стилистикалық өндөуі мен айналыспайды. Қолжазба және дискеттер қайтарылмайды. Талапқа сәйкес ресімделмеген мақалалар қабылданбайды және авторларға қайтарылады.

10. Қолжазба мен дискетті материалдарымен мына мекен - жайға жіберуге болады:

140008, Қазақстан республикасы, Павлодар қаласы, Ломов көшесі, 64,

С. Торағыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті, «КЕРЕКУ» баспасы

Тел. (718-2) 67-36-69

Факс: (718-2) 67-37-02

E-mail: publish@psu.kz

Теруге 09. 08. 2010 ж. жіберілді. Басуға 07. 09. 2010 ж.
кол қойылды. Форматы 197x420/2. Кітап-журнал қағазы.

Көлемі 7,69 шартты б.т. Таралымы 300 дана.

Бағасы келісім бойынша.

Компьютерде беттеген Э.С. Қылышпаева

Корректорлар: Б.Б. Әубекірова, Б.В. Нұргожина

Тапсырыс № 1420

Сдано в набор 09.08.2010 г. Подписано в печать 07.09.2010 г.

Формат 197x420/2. Бумага книжно-журнальная.

Объем 7,69 уч.-изд. л. Тираж 300 экз. Цена договорная.

Компьютерная верстка А.С. Қылышпаева

Корректоры: Б.Б. Аубакирова, Б.В. Нургожина

Заказ № 1420

Издательство «КЕРЕКУ»

Павлодарского государственного университета

им. С.Торайғырова

140008, г. Павлодар, ул. Ломова, 64